

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

А.В.ФАТЕЕВ

ОБРАЗ ВРАГА
в советской пропаганде.

1945—1954 гг.

МОСКВА

1999

Рецензенты: д.и.н. В.Д. Есаков;
д.и.н. Н.К.Петрова.

Ответственный редактор: д.и.н. Н.К.Петрова.

Примечание автора

Публикуется авторский вариант монографии. Имеется незначительное, сдвиг вперед на одну-две страницы в разных местах, отличие от варианта книги, выполненного издательским центром Института российской истории РАН.

В сотрудничестве с институтом им. Меллена

Работа подготовлена
в центре «СССР, Россия в истории XX в.» ИРИ РАН

ISBN 5-8055-0030-2

ВВЕДЕНИЕ

В переломные моменты истории перед современниками возникает острая необходимость переосмыслить “незыблемые” понятия, что само по себе является моментом поиска нового образа жизни и ценностей. В этой связи представляется общественно значимым изучение конкретно-исторического содержания таких феноменов советской пропаганды, как образ врага и “патриотизм”, до сих пор оказывающих влияние на миллионы людей.

Научная актуальность исследования связана с тем, что в отечественной историографии нет специальных работ, посвященных формированию образа врага советскими пропагандистами после Второй мировой войны. Многие исследователи, употребляя в своих работах термин образ врага, не дают его определение¹. Не разработана структура феномена, слабо, спорадично раскрыты его функции в политической, экономической, социальной и духовной сферах советского общества. До сих пор бытует ошибочное мнение, что появление образа врага связано с деятельностью отдельных политических лидеров, порождено чисто субъективными причинами, например, стремлением достичь и удержать в своих руках власть в государстве. Отсутствие работ, посвященных данной проблеме, объясняется прежде всего недоступностью до начала 90-х годов секретных ранее архивов ЦК КПСС для исследователей.

В советской и российской историографии не представлены работы о роли образа врага в советской внешней политике, воздействии советской пропаганды на жителей и правительства США, Западной и Восточной Европы. Большой интерес для историков-специалистов и преподавателей может иметь сравнение материально-технических, организационных возможностей советских и американских пропагандистов, их стратегии и тактики внедрения в общественное сознание стереотипа образа врага.

Исследование охватывает первое послевоенное десятилетие (1945—1954 гг.). В течение периода произошли значительные изменения во внутренней и внешней политике супердержав и их союзников, а вместе с ними — изменения в стратегии и тактике пропаганды. Если в 1945 — первой половине 1947 года СССР и США формально были союзниками, то со второй половины 1947 года они превратились в непримиримых противников, которые вели психологическую войну. Ее важным элементом был образ врага. В период разрядки международной напряженности — с весны 1953 г., образ врага претерпел изменения. К концу 1954 г. он приобрел то содержание и формы, которые сохранились вплоть до середины восьмидесятых годов. Каждый из этапов советской пропаганды образа врага имел подпериоды, специфическое содержание которых раскрыто в монографии. Последовательность исторических событий предопределила структуру монографии. Фактически работа начинается с 1941 г. с целью показать военный опыт советских пропагандистов.

Предметом исследования является “образ врага”, процесс его формирования пропагандистами. В связи с многозначностью и неопределенностью терминов, которые используются в современной историографии, имеет смысл дать четкое определение главных терминов, на которые опирается автор, а также их систему.

“Образ врага” — идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества. В монографии рассматривается процесс формирования четырех форм образа врага, которые отражают основные направления внутренней и внешней политики правительства СССР после войны.

Образ врага является важнейшим элементом “психологической войны”, представляющей собой целенаправленное и планомерное использование политическими противниками пропаганды в числе прочих

средств давления для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и поведение противника, союзников и своего населения с целью заставить их действовать в угодных правительству направлениях. Под “политической пропагандой” или просто “пропагандой” подразумевается систематическое внедрение в массовое сознание при помощи средств массовой информации (СМИ) идей и символов для достижения намеченного политического результата. Однако для эффективной идеологической обработки масс содержание пропаганды должно пропитать все поры “информационной реальности” — совокупности идей, символов, способов осмысления мира, которая формируется всеми потоками и источниками информации, определяет массовое и индивидуальное сознание и поведение.

По мере развития “холодной войны” пропагандисты создавали новую информационную реальность. Они отрицательно трактовали различные стороны общественного бытия и сознания Запада, противопоставляли им советскую действительность и деятельность прогрессивных, с точки зрения Кремля, сил в Западной и Восточной Европе, США. Для создания выгодной руководству СССР информационной реальности у пропагандистов были все предпосылки и условия: опыт, монополия государства на средства массовой информации и саму информацию, доверие граждан к властям и газетным сообщениям, низкий уровень политической культуры и грамотности части населения, традиционное недоверие к Западу.

Элементы информационной реальности могут по-разному воздействовать на граждан. Пропагандисты, формируя выгодную государству информационную реальность, вытесняли адекватную информацию в том числе при помощи мифов. Миф — мысль-иллюзия, сливающаяся с бытием, антитеза рассудку. Миф всегда практичен, насущен, эмоционален, аффективен, жизненен².

“Образ врага” был антитезой «советского патриотизма» - идеологического символа, политический аспект которого подразумевал гордость за свою страну, безусловную лояльность государству в лице руководителей, а экономический — ударный труд в условиях уравнилельного распределения и потребления для основной массы населения. С точки зрения руководителей СССР, “животворящий советский патриотизм” должен был стать главным элементом политического мышления гражданина. Номенклатура навязывала гражданам свое понимание патриотизма, спекулировала на естественном патриотизме миллионов людей, которые с оружием в руках отстаивали независимость Родины. В монографии исследуется номенклатурный вариант патриотизма.

“Психологическая война” была важным составным компонентом “холодной войны” — глобального и тотального (всемирного и всеобщего) противостояния ядерных супердержав и их блоков с середины 1947 по 1991 гг. Открытое противостояние началось с момента отказа правительства СССР от участия в “плане Маршалла” и закончилось вместе с разрушением экономических, военно-политических структур, которые генерировали конфронтацию с советской стороны — Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), Организации Варшавского договора (ОВД), а также самого СССР. “Холодная война” возникла объективно в силу антагонистических противоречий правящих групп держав-победительниц; в силу антиимпериалистического и — с противоположной стороны — “антикоммунистического консенсуса” (Д.Ергин³) правящих групп и блоков стран в международном масштабе; дипломатической культуры, которая основывалась на силе; исторического опыта советского, американского, западноевропейских народов, который использовали пропагандисты для идеологической обработки населения. Холодная война способствовала продлению существования административно-командной системы в СССР, интенсивному использованию “образа врага” и “советского патриотизма” для обеспечения идеологического

единства граждан. На мой взгляд, первыми перешли к жесткому стилю отношений с недавними союзниками американцы. Правительство США было уверено в своем военно-экономическом и стратегическом превосходстве. Советское руководство ответило на брошенный вызов и постаралось извлечь из противостояния политическую выгоду. Наличие внешней угрозы становилось удобным оправданием внутренних неурядиц и противоречий в социально-экономическом и политическом строе, которые в иной ситуации могли восприниматься жителями СССР как свидетельство его несовершенства.

Таким образом, представляется возможным построить иерархию понятий, которая определяет место “образа врага” — предмета монографии, в системе категорий исторической науки: 1) холодная война; 2) психологическая война; 3) информационная реальность, политическая пропаганда, миф; 4) образ врага, советский патриотизм⁴.

Целью исследования является установление причин и условий возникновения и формирование в рамках советской пропаганды образа врага, его различных форм; его структуры и функций в различных сферах общественной жизни.

Важнейшей предпосылкой возникновения образа врага является развитие индустриального⁵, массового общества. Один из героев романа американского писателя Н.Мейлера “Нагие и мертвые” с несколько циничной откровенностью так объяснил собеседнику причину создания государством тревожного состояния у людей при помощи образа врага: “Машинная техника нашего века требует консолидации, а это невозможно, если не будет страха, потому что большинство людей должно быть рабами машины, а это ведь не такое дело, на которое они пойдут с радостью»⁶.

Воспроизводство образа врага стало функцией всех политических элит индустриальных государств не только в периоды войн, но и мирное время. В этой связи представляется относительным противопоставление

«социалистического» строя в СССР капиталистическому на Западе. В СССР также как и в США имели место и эксплуатация меньшинством – номенклатурой, трудящихся; и антагонизм между ними; и «основное противоречие капитализма» между общественным характером производства и привилегированным потреблением номенклатуры. Наличие сходных черт в капиталистическом и так называемом социалистическом строе⁷ объясняет и причину насаждения номенклатурой образа внутреннего врага в обществе, которое та же номенклатура объявила самым совершенным на земле, и универсальность принципов и приемов советской и американской пропаганды – сходство, которое А.М.Шлезингер считает «зеркальным»⁸.

Отдельные сведения о формировании образа врага различными государствами в разное время рассыпаны в общих работах по психологии, пропаганде и психологической войне⁹. Интерес к проблеме возрос в середине 90-х годов. В России проблемой формирования образа врага занимались автор монографии и Е.С.Сенявская.

В статьях автора работы¹⁰ были рассмотрены вопросы: источник и условия возникновения и развития советского варианта образа врага в 1945—начале 1950-х годов, его содержание и формы; определено понятие “образ врага”; раскрыты и сопоставлены принципы и приемы советских и западных пропагандистов, которые использовали образ врага в психологических операциях друг против друга; показаны место и роль образа врага в системе советской пропаганды, в формировании советского патриотизма; рассмотрена деятельность Управления (отдела) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Союза советских писателей СССР, “Литературной газеты”, Русской православной церкви; определено место и роль антисемитизма в идеологической обработке населения.

В статьях Е.С.Сенявской¹¹ анализируется содержание и трансформация образа врага в сознании противников в период Первой и Второй мировых войн. Автор справедливо обращает внимание на влияние

личного опыта солдат и граждан в осмыслении образа врага и делает вывод, что на бытовом уровне он был более подвижным. Важнейшей предпосылкой образа врага она считает только ксенофобию, психологию “свой—чужой”.

Интересные сведения можно почерпнуть из статьи А.А. Иголкина¹². В частности, он рассматривает вопросы: приемы американских и немецких пропагандистов по формированию образа врага; методы анализа прессы; значение символики в пропаганде.

Содержание рассмотренной литературы учтено при написании исследования, но основана она на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот, а также на опубликованных в печати: документах ЦК ВКП(б) и правительства, Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), Управления (с 1948 г. — отдела) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов, отложившихся в фонде 17 Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и фонде 4 Центра хранения современной документации (ЦХСД). Значительную информацию содержат фонды 634 и 631 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ).

Особую роль играют три документа из фондов РЦХИДНИ: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О недостатках в научной работе в области философии” (апрель—май 1944 г.), документы агитпропа “План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма” (апрель 1947 г.) и “План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время” (апрель—май 1949 г.)¹³. Анализ партийных решений позволяет проследить эскалацию образа врага, установить психологические установки и стереотипы, которые внедрялись в массовое сознание, а также деятельность пропагандистов. Разработка планов была связана с конкретными военно-политическими событиями: переходом Красной Армией границы СССР в годы Второй миро-

вой войны, публикацией “доктрины Трумэна”, “плана Маршалла”, возникновением НАТО. Постановление политбюро является одним из наиболее интересных документов. В нем нет конкретных пропагандистских заданий антиамериканской направленности. На первый взгляд, это очередная попытка государства направить развитие науки. Однако псевдонаучная и антифашистская форма постановления должна была скрыть антилиберальные установки правительства в условиях сотрудничества великих держав. В монографии сделана первая попытка проанализировать пропагандистское содержание постановления и его значение.

Из фондов РЦХИДНИ в исследовании использованы также перевод книги либерального американского журналиста Д.Селдеса “Говорят факты”, в которой обобщен опыт пропагандистов многих стран; перевод статьи американского теоретика и практика психологической войны П.Лайнбарджера “Психологическая война в период второй мировой войны”¹⁴. В частности, главным признаком пропаганды Селдес считал “протаскивание” идей, выгодных власти. Причиной лживости прессы – а это касается как зарубежной, так и советской печати, он считал “деньги”, под которыми подразумевал “все – от оплачиваемой рекламы до общности интересов с богатством и властью”. Объективность выводов Селдеса подтверждает Лайнбарджер. Он также обращает внимание на классовый источник пропаганды, ее длительную функцию и принципы. Обобщая опыт СССР, Лайнбарджер выделил своеобразие советской пропаганды: “Революционные коммунистические темы были органически вплетены в русские вопросы патриотического характера”.

Ценным источником информации из фондов РЦХИДНИ являются протоколы заседаний УПА, редакторов центральных газет. В протоколах заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) содержится информация о практической работе должностных лиц, редакций газет по фор-

мированию образа врага, номенклатурные оценки деятельности советских людей, обвиненных в причастности к “космополитизму”.

Анонимки-доносы, обзоры писем трудящихся в адрес XIX съезда ВКП(б)—КПСС способствуют установлению масштабов распространения образа врага в массовом сознании, его форм.

Из фондов ЦХСД были использованы обзоры писем-откликов трудящихся на “разоблачение” “врачей-вредителей”. Часть материалов — справки Совинформбюро “Американская пропаганда” и “Голос Америки”¹⁵, отчеты о деятельности Совинформбюро, распространении его материалов в мире, позволяют провести сравнение технической оснащенности и приемов работы советских и американских пропагандистов, эффективность советской и американской пропаганды в начале 50-х годов как в СССР, так и за рубежом. Интерес вызывают документы о пропагандистских акциях советской стороны в период разрядки международной напряженности.

Из фондов РГАЛИ были задействованы сведения, содержащиеся в протоколах заседаний президиума и секретариата ССП — важного пропагандистского органа в общественной системе СССР. Протоколы позволяют выявить роль Генерального секретаря ССП СССР А.А.Фадеева в создании образа внешнего и внутреннего врага; технологию создания образа врага пропагандистским аппаратом. ССП непосредственно руководил деятельностью “Литературной газеты”, отчеты главного редактора которой дают представление об основных направлениях пропаганды всей советской печати.

Архивный материал был дополнен документами, опубликованными в печати и сборниках: постановлениями ЦК ВКП(б), аналитическими справками отделов ЦК, стенограммами пленумов ЦК КПСС, выступлениями руководителей партии и правительства на съездах КПСС и сессиях Верховного Совета СССР; протоколами заседаний общественных

органов; отчетами о заседаниях международных форумов — сессий Совета министров иностранных дел, Генеральной Ассамблеи ООН ¹⁶.

Документы сопоставлялись с материалами, опубликованными в центральных, — тиражировавшихся от 200 тысяч до 1 миллиона экземпляров, газетах — “Правде”, “Известиях”, “Комсомольской правде”, “Труде”, “Литературной газете”, “Красной Звезде”; органе агитпропа газете “Культура и жизнь”; журналах “Большевик”, “Крокодил”, “Огонек”, “Журнал Московской патриархии”.

Определенную значимость для избранной проблемы имеют мемуары¹⁷. Несмотря на присущую им субъективность, predetermined мировоззрением автора и целью, избранной при написании, они позволяют расширить информацию, содержащуюся в архивных документах. Среди мемуаров следует выделить работы А.М.Борщаговского, К.М.Симонова, К.Л.Рудницкого, С.И.Юткевича, Н.С.Хрущева, а также У.Черчилля.

Их дополняют дневниковые записи, письма членов ЦК ВКП(б), известных писателей и административных работников аппарата ССП СССР А.А.Фадеева и В.В.Вишневого ¹⁸.

В целом имеющийся комплекс источников позволяет всесторонне проанализировать процесс возникновения и развития образа врага в советской пропаганде в первом послевоенном десятилетии.

Методологической основой исследования являются принципы системности и историзма, которые предполагают рассмотрение явлений и фактов в совокупности, развитии; изучение структуры и функций предмета исследования, его многообразных связей, образующих определенную целостность. Существенное значение для анализа материала имела теория информации. Образ врага - явление не только идеологическое, но и культурное. Для осмысления его динамики использовались теория “большого времени” М.М.Бахтина и исследование Ю.М.Лотмана по знаковым системам ¹⁹.

Перечисленные теории органично дополняют друг друга. Например, “образ врага” — феномен “большого времени”: закономерно возникая, подобные явления духовной культуры наследуются и усваиваются другими культурами; кажущееся исчезновение их — явление временное. Они сохраняются в литературе, речевом обращении, различных формах народной культуры, формах мышления; наконец — в самом бытии, основанном на конкуренции за жизненные блага в межличностном, групповом, международном масштабе. Образ врага динамичен, при благоприятных обстоятельствах возрождается, обогащаясь новым содержанием, меняя свои формы.

То же происходит с его символикой. “Природа символа двойственна, — отмечает Лотман, — он сохраняется длительное время, переходя в другие эпохи; но, коррелируя с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует”.

Использование совокупности проверенных научной практикой теорий позволяют взглянуть на предмет исследования с разных сторон.

Мой труд вряд ли увидел бы свет без помощи многих людей²⁰. Выражаю особую благодарность своему научному руководителю доктору исторических наук Ю.Н.Жукову. Его принципиальное отношение к моему творчеству помогло многое переосмыслить в науке.

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ОБРАЗА ВРАГА 1943—1947 гг.

§1. Опыт советских пропагандистов периода Отечественной войны.

Основы советской идеологии

В основу советской пропаганды военного и послевоенного периодов легли установки правительства, закрепленные в Конституции СССР 1936 года, а также решения XVIII съезда ВКП(б). В марте 1939г. на съезде в докладах И.В.Сталина и других партийных деятелей отмечалось, что в стране Советов обеспечено фактическое равенство граждан и демократические свободы, что СССР перегнал капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности. Особый упор делался на отсутствие антагонистических классов и “картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции”. “На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм,” — констатировал И.В.Сталин. Единственное, что могло поколебать советский строй, считали руководители СССР, это убийцы, шпионы и вредители. Уничтожение их обеспечивало “однородность и внутреннее единство тыла и фронта на случай войны”. Зарубежную критику советской внутренней политики И.В.Сталин называл “пошлой болтовней”, которая стоит только того, “чтобы поиздеваться над ней”. В докладе ставились задачи по укреплению советского государства, его карательных органов в условиях капиталистического окружения. Было принято решение о создании Управления пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б) (УПА)¹.

Война и пропаганда

С первых дней войны Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б) были приняты решения об организации пропаганды и контрпропаганды. 24 июня на Совинформбюро (СИБ) возлагалось руководство освещением международных событий, внутренней жизни и боевых действий на фронтах в печати и по радио, “организацией контрпропаганды против немецкой и другой вражеской контрпропаганды”. Начальником был назначен секретарь ЦК ВКП(б) А.С.Щербаков, заместителем — С.А.Лозовский. 25 июня было создано советское бюро военно-политической пропаганды во главе с Л.З.Мехлисом и заместителем Д.З.Мануильским. В функции бюро входило ведение пропаганды и контрпропаганды среди войск и населения противника².

При СИБ была создана литературная группа, в которую вошли писатели и публицисты Н.Вирта, Б.Полевой, К.Симонов, Н.Тихонов, А.Толстой, А.Фадеев, К.Федин, М.Шолохов, И.Эренбург и другие. С ними сотрудничали немецкие антифашисты В.Бредель, Ф.Вольф.

Статьи Эренбурга, Симонова, Петрова, Леонова, Федина имели за рубежом значительную аудиторию. Американское агентство Юнайтед Пресс передавало статьи Эренбурга в 1600 газет, а с письмом Леонова “Неизвестному американскому другу” ознакомилось не менее 10 миллионов радиослушателей США. “Литература вся становится оборонной”, — констатировал В.Вишневский³.

Руководство СИБ в лице С.Лозовского в марте 1942 г. обращало внимание на ответственность писателей за каждое слово в связи с выходом их творчества на мировую арену. “Отдельные факты, обобщения должны показывать боевые качества нашей армии, единство фронта и тыла... Не в том сила нашей страны, что мы все легко делаем, а в том, что, несмотря на огромные трудности, огромные жертвы, мы идем вперед при непоколебимом моральном единстве. Это значит

по-настоящему изображать, что такое Советский Союз и в чем сила Советского Союза”⁴.

Выход на международную арену потребовал от пропагандистов большей гибкости при воздействии на различные категории слушателей и читателей: И.Эренбург отмечал, что “для красноармейцев и для нейтральных шведов требовались различные доводы”⁵. Более подробно об этом писал весной 1942 г. секретарям ЦК ВКП(б) А.С.Щербакову и Г.М.Маленкову старший инструктор VII отдела Главного политического управления Красной Армии (ГЛАВПУРККА) батальонный комиссар С.И.Кирсанов. Он предлагал использовать в советской пропаганде разоблачение “идеологических” аргументов пропаганды фашистов, ее противоречия, факты ухудшения внутреннего положения Германии, роста ненависти к ней в Европе и мире, грабительский характер войны с ее стороны”. В пропаганде среди красноармейцев предлагалось уделить внимание откровенным высказываниям фашистов о “новом порядке”⁶.

Немецкая контрразведка признавала, что советская сторона владела всем арсеналом методов идеологической борьбы. Так, в ноябре 1942 г. штаб 2 немецкой армии отмечал систематичность, продуманность и целеустремленность работы советской пропаганды на немецких солдат и население. Пропагандисты не спекулировали коммунистической риторикой, щадили церковь, не затрагивали крестьянство и среднее сословие Германии. Основной удар направлялся против фюрера и НСДАП с целью оторвать их от народа, для чего использовались утверждения о привилегиях членам нацистской партии. Советские пропагандисты учитывали потребности и уровень культуры объекта воздействия: “С ними говорит она народными, солдатскими и специфически-местными выражениями, дает возможность отдельным лицам, выдавая их за немцев, обращаться к немцам и злоупотребляет подписями убитых. При этом, она взывает к первоначальным челове-

ческим чувствам, как страх смерти, боязнь боя и опасности, тоска по жене и ребенку, ревность, тоска по родине. Всему этому противопоставляется переход на сторону Красной Армии...". В содержание пропаганды входило изображение превосходства союзных сил, обширность русской территории и несправедливый характер войны со стороны Германии. В прифронтовой полосе и на фронте распускались слухи; краткие сообщения без аргументации и рисунки несли, с точки зрения немецких штабистов, "жестокость и бесчеловечную грубость"⁷. Контрпропагандистские материалы по Эстонии в сентябре 1942 г. были рассчитаны на отдельные категории населения — крестьянство, рабочих, женщин, молодежь, партизан, интеллигенцию — и несли общие и конкретные призывы к борьбе с фашистами. Их содержание оперативно обновлялось в соответствии с планами руководства, положением на фронтах⁸.

В аппарате ЦК готовили письма-обращения советских партизан к участникам Сопротивления в Румынии, Финляндии, Словакии. Для реализации обращения при помощи листовок предлагалось использовать английскую авиацию⁹.

Образ фашистского врага и патриотизм

Универсальным приемом пропагандистов всех стран было резкое размежевание мира добра, под которым подразумевался мир субъекта, и мира зла объекта. Уничтожение последнего происходило за счет сравнений с животными, "силами ада", "недочеловеками" — в зависимости от мировоззрения¹⁰. И.Эренбург точно сформулировал задачу пропагандистов: "Мы должны неустанно видеть перед собой облик гитлеровца: это та мишень, в которую нужно стрелять без промаха, это — олицетворение ненавистного нам. Наш долг — разжигать ненависть к злу и укреплять жажду прекрасного, доброго, справедливого"¹¹.

Термин “фашист” стал синонимом “нелюдя”, человека-оборотня, порожденного темными силами капитализма, нечеловеческим экономическим политическим строем и идеологией фашистской Германии. Вольно или невольно пропагандисты задействовали архаические, языческие пласты сознания советских людей. Фашисты изображались бездушными автоматами, методичными убийцами, эксплуататорами, насильниками, варварами. Главари рейха представлялись профессиональными неудачниками в мирной жизни, половыми извращенцами, убийцами и эксплуататорами, современными рабовладельцами¹².

Так же жестко пропагандисты разоблачали и союзников Германии: “В Донбассе итальянцы сдаются в плен — им не нужны листовки, их сводит с ума запах наших походных кухонь. Голодные финны начинают понимать, что их надули. Ропщут венгры. Злобно почесываются вшивые румыны. Ворчат словаки. В лакейской пахнет скандалом”¹³.

В противовес захватническим планам фашистов советские пропагандисты подчеркивали народный, справедливый характер войны со стороны СССР, силу и мужество советских людей. Для начального периода войны характерны очерки П.Павленко и П.Крылова “Капитан Гастелло”, И.Эренбурга “Испытание”; Л.Леонова “Твой брат Володя Куриленко”; М.Шолохова “Наука ненависти”; А.Довженко “Сто ураганов в груди” и другие¹⁴.

В очерках подчеркивались огромные возможности советского общественного строя, сила и техническая оснащенность Красной Армии, успехи советских воинов, их умение вносить в месть “смекалку, даже хозяйственность” (И.Эренбург). Летчик Покрышкин, уничтожавший фашистских асов, танкист Чесноков, совершивший трехдневный рейд по тылам противника, комсомолец-партизан Куриленко, погибший в неравном бою — все они должны были стать образцами для

советских людей, особенно молодежи. Акцент делался на всепокоряющую силу воли и ненависти советских героев: они могли отодвинуть смерть для выполнения долга, убивать врагов кулаками после того, как о них была разбита винтовка, стоять у станка две смены щупленькому мальчишке. Советская пропаганда рисовала облик советских воинов: простые и скромные люди, очень незлобивые в мирное время, настоящие друзья. Речь шла об “исключительном искусстве нового человека, нашего воина-рыцаря с новыми психотехническими качествами”. Это был былинный герой, освобождающий Человечество от Всемирного Зла.

Фашистские пропагандисты не прошли мимо кардинального поворота в советской пропаганде периода войны. В “Секретной информации для местных партийных руководителей за 1942—1944 гг.” отмечалось: “Сталин мобилизовал в момент наибольшей для себя опасности (Москва, Сталинград) те духовные резервы, которые он до этого осуждал как реакционные и направленные против большевистской революции: любовь к родине, традиция (форма, ордена, звания, “матушка-Россия”, дух народности, церковь), поощряя тем самым наивность, тщеславие, гордость и дух сопротивления. Этим изменением политической и идеологической линии и лозунгом “Изгоните немецких оккупантов с родной земли и спасите “Отечество!” Сталин добился успеха”¹⁵.

Патриотизм сочетался с панславизмом. В начале войны А.А.Фадеев обращался к “братьям угнетенным славянам” с призывом объединиться для разгрома врага. Один из аргументов гласил: “с нами все демократические страны”¹⁶.

Отношения с союзниками

Отношения между союзниками в творчестве публицистов представляли не идиллическими, но дружественными. В очерке К.Симонова “Американцы” янки изображались веселыми парнями, любителями су-

вениров и настоящими воинами, очень похожими на русских. Всемерно подчеркивалась непобедимость союзников. Б.Полевой в июле 1942 г. выразил эту мысль устами немецкого перебежчика: “Русские, англичане, американцы, это гора. Кто пытается головой разбить гору, тот разбивает голову...”¹⁷. В целом советская пропаганда формировала положительный образ США, Великобритании, сил Сопротивления во Франции во главе с де Голлем¹⁸. Укреплению дружественных чувств советских людей к союзникам служила не только духовная пища, но и материальные блага: американская тушенка, юмористически прозванная бойцами “второй фронт”; 400 тысяч “Студебеккеров”; знаменитые конвои; яичный порошок; английские летчики в Мурманске.

Пропаганда на союзников велась при помощи различных средств. Так, в августе 1942 г. УПА давало установки делегации, которая выезжала в США. Делегаты должны были подчеркивать при встрече с американцами важность поставок оружия, “в особенности танков и самолетов”, выражать твердую уверенность народов СССР в прочности союза с Великобританией и США, желание молодежи СССР наладить тесный контакт с американской молодежью, а также убеждать собеседников в необходимости развертывания Второго фронта; пропагандировать советские ценности: морально-политическое единство народов СССР, объединившихся вокруг своего правительства для защиты Отечества, дружбу народов СССР, героизм советских людей, прочность связи между городом и деревней; разоблачать варварство немецких оккупантов¹⁹.

Официально делегация называлась студенческой. Однако в ее составе был только один бывший – по причине призыва в армию, студент, Герой Советского Союза старший лейтенант В.Пчелинцев. Двое других – секретарь МГК ВЛКСМ, кандидат исторических наук Н.Красавченко и знаменитая снайпер, Герой Советского Союза старший лейтенант Л.Павличенко, уже закончили высшие учебные заведе-

ния. Но для принимающей стороны это не имело никакого значения. Делегация в течение 130 дней посетила 43 города в США, Канаде, Великобритании и везде встретила самый радушный прием. Молодые советские люди — орденоносцы, представители державы, которая несла основную тяжесть войны с фашизмом, были авторитетны для западной публики²⁰. Их авторитет работал на советскую пропаганду.

Публицисты весьма часто использовали прием, с помощью которого пытались заставить зарубежных слушателей и читателей отождествить себя с советскими людьми. “Бой за Волгу — бой за Миссисипи. Все ли ты сделал, чтобы защитить свою родную, свою чудесную реку, американец”, — взывал в августе 1942 г. К.Федин. В январе 1944 г. у И.Эренбурга это вылилось в апологетику общечеловеческих ценностей: “Забудем на час о границах, возьмем в обнаженном виде человеческие ценности и, глядя на наши прекрасные победы, с полным правом скажем: «Это прежде всего победа человека»”²¹.

Появление в пропаганде термина «космополит»

Однако правительства держав антигитлеровской коалиции не были склонны забывать “о границах”. Об этом говорит реакция советского и американского правительств на конференцию сионистов, проходившую в два этапа — 10 мая 1942 г. и 29 августа 1943 г. в Нью-Йорке в отеле “Билтмор”. Принятая программа предусматривала образование еврейского государства на территории Палестины, неограниченную иммиграцию на “землю обетованную”²². Подобные акции казались американскому правительству несвоевременными, с непредсказуемыми последствиями. В СССР, видимо, для запугивания евреев, профилактики от проникновения в аппарат власти чуждых элементов, были сняты ряд высокопоставленных работников еврейской национальности, гонениям подверглись евреи, работавшие в области искусства. Столь нервную реакцию советских руководителей невозможно

объяснить только влиянием фашистской пропаганды и наличием анти-семитов в ЦК ВКП(б)²³.

В перерыве между этапами Билтморской конференции стихийно возник спор о содержании советского патриотизма. В июле 1942 г. И.Эренбург писал, что “подлинный патриот любит весь мир”. А.А.Фадеев весной 1943 г. в письме к В.В.Вишневскому обвинял И.Эренбурга в непонимании советского патриотизма и относил оппонента к “известным” кругам интеллигенции, “понимающим интернационализм в пошло-космополитическом духе и не изжившим рабского преклонения перед всем заграничным”²⁴. Исторически традиционно русские связывали термин “космополит” с евреями²⁵.

Термин “космополит”, ранее употреблявшийся в частных разговорах и переписке, с 1943 г. появляется в печати. Эренбург, который был в курсе обвинений в свой адрес со стороны Фадеева, продолжал защищать свою позицию, приводил все новые аргументы. 3 июля 1943 года в статье “Долг искусства” он писал: “Мы знаем... что вне национальной культуры нет искусства. Космополитизм – это мир, в котором вещи теряют цвет и форму, а слова лишаются их значимости. ... В дни глубокого духовного затемнения, которое принес миру фашизм, необходимо с особенной страстью говорить о всечеловеческом значении искусства”²⁶.

В ноябре 1943 г., после окончания конференции сионистов и в связи с коренным переломом в ходе войны, появилась статья А.А.Фадеева с характерным названием “О национальном патриотизме и национальной гордости народов СССР”, в которой содержится косвенная критика сионистских решений. Автор использовал термин “космополит” в другом контексте и с иным содержанием. Речь уже шла не о космополитическом понимании патриотизма кем-либо, а об образе врага. “Конечно, — писал Фадеев, — в нашей стране существует еще незначительное охвостье людей, враждебных нашему

строю. Кроме того, враг засылает к нам своих агентов, которые могут пытаться путем разжигания националистических предрассудков и пережитков среди отсталых людей вносить национальную рознь в братское содружество народов СССР или подрывать в наших народах чувство национальной чести и гордости раболепным преклонением перед всем, что носит заграничную марку, или ханжескими проповедями БЕСПОЧВЕННОГО “КОСМОПОЛИТИЗМА”, исходящего из того, что все, дескать, “люди на свете”, а нация, родина — это, мол, “отжившее понятие”²⁷ (выделено мною — А.Ф.). В духе времени автор акцентировал внимание на том, что именно из этой среды в начале войны раздавались голоса о преимуществах немецкой техники и организации. Одновременно Фадеев обрушился на зарубежное искусство, некритическое его восприятие некоторыми советскими интеллигентами: “искусство для искусства”, писал автор, ничего не дает искусству истинному, т.е. советскому.

В высказываниях приближенного Сталина чувствуется не только естественная германофобия, но и жесткое отношение к любому западному — либеральному, влиянию вообще. Для нейтрализации этого влияния Фадеев немедленно прибегает к использованию образа внешнего и внутреннего врага в виде “космополита”.

Коренной перелом в войне и пропаганда

Пристальное внимание советских руководителей к проблеме западного влияния было связано с началом коренного перелома в ходе войны. Ее результат был предопределен, возникла возможность заняться внутривнутриполитическими проблемами в контексте планируемого послевоенного сотрудничества с западными демократиями.

Внешне отношения держав антигитлеровской коалиции выглядели благополучно. В ходе Тегеранской (ноябрь—декабрь 1943 г.), Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль—август 1945 г.) конференций И.В.Сталин, Ф.Рузвельт и У.Черчилль решили вопросы с

послевоенным устройством границ, принципами управления Германией, долями репараций. Советский союз получил Курильские острова, Ю.Сахалин, Кенигсберг в обмен на обещание начать войну против Японии. В октябре 1944 г. Сталин и Черчилль распределили сферы влияния в Восточной, Центральной и Юго-Западной Европе: под преимущественно советским контролем оказались Румыния, Болгария, Венгрия, под совместным — Югославия, английским — Греция. В ходе Тегеранской конференции Сталин и Рузвельт определились в принципах решения колониального вопроса: подготовка народов к самоуправлению через 30—40-летнюю опеку международной союзнической комиссии. В целом управление миром, как отмечал У.Черчилль, “должно было осуществляться “четырьмя полицейскими”, а именно СССР, Соединенными Штатами, Великобританией и Китаем”²⁸.

Вместе с тем, по мере приближения победы все острее давали себя знать и противоречия между союзниками, что порождало определенное недоверие и непонимание другой стороны. Так, в июле 1943 г. советские представители не были допущены в Контрольную комиссию по Италии и удовольствовались присутствием в межсоюзническом консультативном Совете. А.М.Шлезингер в работе «Истоки холодной войны» справедливо отмечает, что этот прецедент И.В.Сталин использовал в отношении стран Восточной Европы.

Антизападнические установки советского руководства подпитывались также антисоветизмом правых кругов Запада. На заключительном этапе войны пропагандисты вели полемику с американскими “обозревателями”. Так, в январе 1945 г. И.Эренбург писал: “Почему обозреватели, уверявшие в 1939 г., что мы якобы хотим завоевать мир, в 1944 г. стали уверять, что мы из-за злостных побуждений не перейдем нашей государственной границы? Почему они обижаются, когда мы идем, обижаются, когда мы останавливаемся, и обижаются, когда мы снова идем? Можно подумать, что Красная Армия занята не

разгромом Германии, а оскорблением некоторых американских обозревателей”²⁹.

Опросы представителей зарубежных компаний советскими руководителями в апреле 1944 г. показали, что в США имеется много фашистских и профашистских организаций и лиц. В стране не чувствовалось, по словам одного из них, что идет война. Антисоветски настроены чиновники Госдепартамента. Самые решительные из них были готовы воевать с СССР³⁰. В феврале 1944 г. неудовольствие чиновников из общества по развитию культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) и ЦК ВКП(б) вызывали действия американского Комитета помощи России в войне, который, по их мнению, занимался “саморекламой и раздуванием помощи, оказываемой Америкой СССР”, “бесцеремонным изображением крупных советских деятелей” западной печатью. С возмущением воспринимались препятствия, чинимые американскими чиновниками на пути советской пропаганды: с точки зрения председателя правления ВОКС В.С.Кеменова, исключение из выставки фотографий изображений детских трупов мешало американцам “узнать правду о борьбе и страданиях советских людей”³¹. В середине мая 1944 г. в ЦК ВКП(б) придирчиво анализировали методы работы “Британского союзника”, еженедельника британского посольства в СССР. Их признали провокационными, усыпляющими бдительность советских людей³².

Неблагополучно, с точки зрения кремлевского руководства, было и внутри страны. Советское правительство, ЦК ВКП(б) беспокоили “ошибки националистического характера” в ряде регионов, например, Татарской АССР; неуважительное, якобы, отношение части интеллигенции к советским достижениям и рост влияния Запада в ее среде. Между тем, председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинин и партийное руководство однозначно смотрели

на советскую интеллигенцию всех национальностей: “она является проводником нашей идеологии в массах”³³.

Развивая в годы войны национальное самосознание народов СССР, ЦК ВКП(б) одновременно стремился не допустить национализма, который считался порождением буржуазной идеологии. Крайние формы национализм принял в только что освобожденных регионах — Прибалтике, Западной Украине. На его волне выросло повстанческое движение. 1 марта 1944 г. остроту вопроса признал Н.С.Хрущев, первый секретарь ЦК КП(б)У. Совсем в духе А.А.Фадеева он заявил на сессии Верховного Совета Украины: “Украинских националистов мы называем украинско-немецкими потому, что они являются верными псами и помощниками немцев в порабощении украинского народа. Они не имеют ничего общего с украинским народом. Они являются агентами немцев в украинской среде...”³⁴. Хрущев требовал сурового наказания для “врагов нашей Родины”. Между тем, масштабы сопротивления не имели тенденции к снижению³⁵.

Скрытый удар по либерализму

Накануне освободительного похода Красной Армии в Европу созрели предпосылки для принятия решений по идеологическим вопросам. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “О недостатках в научной работе в области философии” было проведено протоколом от 1 мая 1944 г.³⁶. В апреле 1944 г. журнал “Большевик” опубликовал его изложение и комментарий под заголовком “О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в.в.”³⁷. Поводом стал выход в 1943 г. III тома “Истории философии” под руководством начальника УПА Г.Ф.Александрова.

Анализ документа позволяет еще раз взглянуть на универсальные приемы и метод пропагандистов всех стран, их умение “протаскивать” сквозь словесную мишуру нужные идеи. “Авторы III тома не учли, — говорилось в постановлении, — что противоположность иде-

алистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода отражает противоположность буржуазного и пролетарского мировоззрения. Диалектика Гегеля была обращена исключительно к прошлому”; “...не подвергнуты критике такие реакционные социально-политические идеи немецкой философии, как восхваление прусского монархического государства, возвеличение немцев, как “избранного” народа, пренебрежительное отношение к славянским народам, апологетика войны, оправдание колониальной захватнической политики и т.д. Тем самым в томе замазывается тот факт, что идеологи немецкой империалистической буржуазии используют реакционные стороны философии Канта, Фихте и Гегеля”.

В угоду политической целесообразности авторы постановления проигнорировали исторические особенности создания произведений, например, Гегеля, контекст его высказываний, не объяснили причины его иллюзий. Исторические заслуги классика мерились не тем, что он сделал по отношению к предшественникам, а масштабом предъявленных к нему претензий составителями постановления. Так, Гегель констатирует объективность войн и колониальных захватов в свою эпоху: они — “в природе вещей”; его объявляют апологетом войн. При этом умалчивалось, что освобождение колоний классик философии считал “величайшим благом”. Философ действительно приветствовал войны, которые “предохраняют народы от гниения”. Подобные идеи были навеяны влиянием наполеоновских войн на развитие феодальной Германии и находились в русле его концепции об источнике движения. Советские пропагандисты не желали вникать в подобные “мелочи”, уподобляясь тем самым “идеологам немецкой империалистической буржуазии”, которых они подвергали критике. Провозгласив советскую политическую систему высшим типом демократии, а себя — единственными истинными выразителями интересов народа, совет-

ские руководители и идеологи повторили реакционные черты системы гегелевской философии.

Гегель не принимал общественное устройство современной ему России, в которой была “крепостная масса и та, которая правит”. Его идеалом было процветание среднего сословия, образующегося в гражданском обществе, “где существуют права относительно независимых особенных кругов и где произвол чиновного мира предотвращается сопротивлением подобных правомочных кругов”³⁸. Данная либеральная установка полностью противоречила принципам организации власти в СССР и была важнейшей в выборе объекта критики в лице философии Гегеля.

Дискредитация немецкой классической философии при помощи подмены понятий, игнорирования контекста произведений критикуемого автора, исторических условий их создания, абстрактности, псевдонаучности и антифашистской формы понадобились составителям постановления для протаскивания антилиберальных идей, укрепления идеологической мощи советского правительства в условиях сотрудничества с либеральными державами — США и Великобританией. Кроме того, постановление нацеливало актив партии на усиление идеологической работы с “политическими недорослями”, которых, как показали инспекции комиссий ЦК ВКП(б), оказалось немало среди руководящих работников в различных регионах СССР³⁹.

Постановление Политбюро “О недостатках в научной работе в области философии” показало коренную противоположность идеологических и других интересов СССР и либеральных держав антигитлеровской коалиции, стало важной идеологической предпосылкой возникновения послевоенного образа внешнего врага. Однако до тех пор, пока общий враг — фашизм, не был разбит, пока существовали иллюзии руководителей держав о послевоенном сотрудничестве, возникающие противоречия в коалиции преодолевались.

Образ союзников на заключительном этапе войны не претерпел никаких изменений в советской печати, публицистике. По-прежнему прославлялась мощь Красной Армии, ее верность традициям Суворова, Румянцева, Кутузова; духовное, военное, экономическое превосходство связывалось с советским общественным строем, рожденным Октябрем⁴⁰.

Нацистов советские авторы называли не иначе как “выутюженные немецким шаблоном механические человеки”; И.Эренбург использовал для обозначения врага американизм: “гангстеры”⁴¹. В очерке Леонида Леонова “Утро победы”, который датирован 30 апреля 1945 г., образ фашистского врага звучит в контексте сдержанного торжества победителей: “Мы победили потому, что добра мы хотели еще сильнее, чем враги наши хотели зла. Германия расплачивается за черный грех алчности, в который вовлекли ее фюрер и его орава. Они сделали ее своим стойлом, харчевней для жратвы, притоном для демагогического блуда, станком для экзекуций, плац-парадом для маниакальных шествий... Тогда мы хлынули на эту страну, как море, — и вот она лежит на боку, битая, раскорякая, обезумевшая”⁴².

С ненавистью отзывались советские журналисты и писатели о всех, кто посмел замолвить слово за фашистов или просто не осудил их: о турецком журналисте Ялчине, лорде Брейлсфорде, папе Римском⁴³. Фашистский враг был сокрушен, но уже возникали элементы, из которых в скором будущем сложится новый стереотип “образа врага”.

Некоторые выводы

Таким образом, в борьбе против немецко-фашистских захватчиков советские пропагандисты приобрели уникальный опыт ведения современной психологической войны. Они успешно решали все задачи, поставленные перед ними правительством. Силу советской пропаганды признавали даже фашисты.

С началом войны стало ясно, что только социалистических ценностей в борьбе с врагом будет недостаточно. Одним из важнейших средств пропаганды стал советский патриотизм, фактически — великодержавность, игравшая в течение войны огромную роль: с ее помощью народы СССР были мобилизованы на отпор реальному страшному врагу.

Во время войны были отработаны газетные и публицистические штампы, приемы, ходы, при помощи которых создавался образ фашистского агрессора - ”нелюдя”, варвара, садиста, “автомата”, полового извращенца, эксплуататора, рабовладельца, лицемера. Действенность подобной пропаганды усиливалась опытом десятков миллионов людей — солдат, жителей оккупированных территорий. В результате — доверие советских людей к тому, что писали газеты.

Великая Победа стала символом мощи и успеха СССР, позволила закрепить все стереотипы, которые насаждала советская пропаганда, советские ценности.

Война способствовала выходу творчества многих писателей, журналистов на международную арену, приобретению опыта воздействия на людей с другим мировоззрением. Одновременно не прекращалась контрпропагандистская работа, с помощью которой советские руководители стремились не допустить влияния Запада на народы СССР. В период Второй мировой войны возникали элементы послевоенного образа врага: пропагандисты критиковали и дискредитировали зарубежных журналистов, выражавших интересы правых кругов Запада, папу Римского.

С 1943 г. советские пропагандисты — прежде всего А.А.Фадеев, стали использовать термин “космополит” для обозначения советских людей, которые попали под идеологическое влияние Запада.

Однако в целом советский пропагандистский аппарат, пресса сделали немало для создания позитивного образа союзников по оружию — США, Великобритании. В результате среди значительной части народа, интеллигенции возникли иллюзии относительно возможностей длительного послевоенного сотрудничества с либеральными державами антигитлеровской коалиции.

Не было свободно от этих иллюзий и высшее руководство СССР. В конце войны советское правительство предпринимало конкретные шаги для получения у правительства США займа в 6 млрд. долларов на восстановление разрушенного хозяйства. Большую роль играл субъективный фактор — личное сотрудничество и даже приязнь И.В.Сталина и Ф.Рузвельта. Смена американского руководства в апреле 1945 г. изменила ситуацию. Вскоре выяснилось, что, по словам У.Черчилля, борьба против общего врага была “единственным звеном”, которое связывало державы коалиции. Уже в мае 1945 г., глядя на ликующие толпы народа, премьер-министр Великобритании размышлял о создании антисоветского блока⁴⁴.

§ 2. От Победы до Фултона: предпосылки послевоенного образа врага.

Исчезновение образа врага

Победоносное окончание войны породило кратковременную эйфорию в умах действующих политиков и части журналистов о возможности достижения ненасильственного вечного мира посредством сотрудничества сверхдержав и создания ООН. Советские газеты публиковали материалы об обменах посланиями между руководителями супердержав, званых дипломатических обедах, на которых подчеркивалась “необходимость дружественных отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом для обеспечения будущего мира”. “Правда” информировала читателей об ассигновании фондом Рокфеллера четверти миллиона долларов на создание русского института при Колумбийском Университете для лучшего понимания СССР американцами. Знаменем времени были пышные парады войск союзников в Берлине, День союзника Норвегии, сопровождавшиеся реча-

ми с тем же содержанием¹. Уинстон Черчилль, казалось, был очарован личностью своего “боевого товарища” — И.В.Сталина, и при каждом удобном случае, даже в фултонской речи, подчеркивал его мудрость, военные способности и патернализм по отношению к народу². Показателем дружественных отношений служили награждения: вручение ордена “Победы” Д.Эйзенхауэру и Б.Монтгомери в июне 1945 г. в Москве и декабрьское чествование 190 американцев — участников северных конвоев, в вашингтонском посольстве СССР³.

Можно констатировать: после войны у советского государства не было ярко выраженного внешнего и внутреннего врага. Внешний — фашизм, был уничтожен; крупные капиталистические страны были союзниками; повстанческие движения в Прибалтике и Западной Украине воспринимались как профашистское движение, дни которого сочтены; отдельные деятели Запада и режимы, настроенные антисоветски, не представляли непосредственной угрозы.

Противоречивое единство супердержав

Вместе с тем, в Госдепартаменте США было немало представителей правых кругов, которых раздражал сам факт наличия СССР. До 2 сентября 1945 г. — дня окончания Второй мировой войны, они не могли заговорить в полный голос, так как нуждались в помощи СССР для разгрома Японии. Служащие Госдепартамента с тревогой следили за послевоенной политикой советского руководства. Держава-победительница, СССР предъявлял территориальные претензии к Турции, стремился добиться пересмотра соглашений Монтрё о черноморских проливах. Попытка закрепиться в Средиземноморье привела к требованиям создания советской базы в Дарданеллах и передачи мандата на управление Триполитанией. Важным стратегическим пунктом для СССР был Иран, в годы войны поделенный на зоны оккупации с Великобританией. Советские представители оказывали давление на иранские власти с целью создать совместную советско-иранскую кам-

панию по нефтедобыче. Между тем, иранской нефтью серьезно заинтересовались кампании США, которые надеялись быстро потеснить обессиленную после войны “владычицу морей” — Великобританию. До осени 1945 г. советские намерения получали поддержку у ряда политиков Запада, не воспринимались как “экспансия”. В результате, например, СССР и США быстро и успешно решили в июне 1945 года польский вопрос.

До осени 1945 г. правительство США поддерживало советские претензии на приоритет в странах Восточной Европы. Но с октября—ноября ситуация начала меняться. На Лондонском совещании министров иностранных дел в сентябре—октябре 1945 г. западные державы отказались подписать договоры с Румынией и Болгарией до проведения “свободных выборов”. Вновь, как и в марте 1945 г., в затруднительное положение попало правительство Великобритании. С одной стороны, оно было связано “джентльменским соглашением” Сталина—Черчилля о разделе сфер влияния, подавляло коммунистическое и национальное движение в Греции при молчаливом согласии главного коммуниста мира; с другой — решения стали оковами для нового правительства К.Эттли. Путем взаимных уступок по ряду вопросов на Московском совещании в декабре 1945 г. союзники пришли к приемлемым решениям. Однако проблемы нарастали на главном — германском направлении политики супердержав.

Советское правительство проявляло недовольство ходом выполнения Ялтинских и Потсдамских соглашений своими союзниками: ходом денацификации, декартелизации, демилитаризации, демократизации в западных зонах оккупации, мягкостью наказаний фашистским преступникам. Это задерживало подготовку мирных договоров с бывшими сателлитами фашистской Германии, а также мирного договора с Германией. В 1946 г. эти вопросы стали объектом острой ди-

пломатической борьбы на совещаниях министров иностранных дел (СМИД) и Мирной конференции.

Конфронтация супердержав обострялась вследствие сознательной политики правительства США, направленной на слом ялтинско-потсдамских соглашений. Так, в документе Объединенного Комитета начальников штабов (ОКНШ) США от 19 сентября 1945 г. американские военные ставили задачу нанести превентивный удар по неназванному противнику, если он будет угрожать безопасности США. 9 октября 1945 г. документ ОКНШ уже называл противника — СССР. С сентября объединенный разведывательный комитет (ОРК) планировал нанесение ядерных ударов по территории СССР. Слабость СССР американский истеблишмент решил использовать для глобального и тотального закрепления своих приоритетов. Одновременно официальному союзнику приписывалась способность захватить всю Европу “сейчас или к 1 января 1948 г.”, включить в свою сферу влияние Турцию и Иран⁴.

Таким образом, важнейшим источником возникновения идеологических и информационных предпосылок образа врага был кризис антигитлеровской коалиции, который углубился после окончания Второй мировой войны. Медленное, но верное накопление негативного материала о союзниках было главной информационной предпосылкой возникновения будущего образа врага.

Однако этот процесс не был прямолинейным. В течение двух лет после окончания войны все еще действовали факторы, которые тормозили конфликты между супердержавами. Так, политики Запада не могли сразу развернуть свою политику на 180 градусов: народы держав-победительниц были благожелательно настроены друг по отношению к другу⁵. В США первое время после войны сохранили посты дипломаты из бывшей администрации Ф.Рузвельта, настроенные на урегулирование конфликтов. До середины 1947 г. шла выработка

основных положений политики США по отношению к западноевропейским странам, что создавало ситуацию неопределенности и в отношении СССР.

В свою очередь, правительство СССР нуждалось в американском кредите для восстановления разрушенного народного хозяйства. Первое предложение по данному вопросу было сделано еще в январе 1945 г. В.М.Молотов, министр иностранных дел, проводивший переговоры, намекал правительству США на обоюдную выгоду проекта: он, мол, мог помочь американцам преодолеть возможный послевоенный экономический кризис. Ответ администрации Рузвельта был неопределенным. Второе предложение поступило уже в августе 1945 г. Новое американское руководство обставило получение кредита неприемлемыми и унижительными условиями, а документы с предложением СССР “потеряло” до марта 1946 г. Уловка была связана с ростом антисоветских настроений в американском истеблишменте⁶. Однако советское правительство, надеясь на изменение ситуации, проявляло терпение. И.В.Сталин неоднократно публично высказывал заинтересованность СССР в сотрудничестве с американцами в экономической сфере.

Информационная политика «частичной идеологии»

Вместе с тем, пропагандисты СССР были вынуждены усилить пропагандистский отпор антисоветским выпадам, количество которых резко увеличилось осенью 1945 г. В сложившихся условиях советское правительство проводило информационную политику, для обозначения которой применим термин К.Манхейма “частичная идеология”⁷. Пропагандисты обвиняли в антисоветизме только отдельных политических деятелей, журналистов, абстрактные “круги” реакционеров Запада, которые, по мнению пропагандистов, действовали по злой воле или недопониманию политики СССР. Одновременно советские газеты всячески подчеркивали сотрудничество держав антигитлеровской коа-

лиции, вразрез с линией которых действовали недоброжелатели. Методу “частичной идеологии” соответствовали и приемы: для создания вида объективного подхода к освещению событий редакции газет составляли подборки цитат из западных газет с критикой отдельных лиц и явлений.

Так, весной—летом 1945 г. критика правых сил Запада была крайне абстрактной. Советская печать в основном цитировала просоветски настроенных политиков и общественных деятелей: Э.Рузвельт, вдову бывшего президента, которая осуждала людей, “движимых страхом” и боящихся России; министра торговли США Г.Уоллеса, предупреждавшего о наличии в стране “врагов мира”, готовящих третью мировую войну. Сенатор-демократ Коффи относил к “элементам”, готовящим войну с СССР, “представителей картелей и некоторые другие группировки, заинтересованные в земельной собственности видных польских эмигрантов”⁸.

В том же духе разоблачалась и западная пресса антисоветской направленности. 25 июля в “Правде” И.Эренбург критиковал редакцию “большой парижской газеты” за инсинуации против СССР. С его точки зрения, редакцией двигали “невежество и злая воля”: статья называлась “Высокие каблуки и низкие души”. Постоянно критиковалась печать Херста и Скриппс-Говарда в США за попытки исказить позицию советских делегаций на международных форумах.

Подобные публикации способствовали поддержанию недоверия к Западу у значительных слоев населения СССР.

Вместе с тем, противоречия во взаимоотношениях союзников летом—осенью 1945 г. не воспринимались трагически. Так, после провала Лондонского СМВД “Правда”, выражая мнение советского правительства, немедленно процитировала слова Г.Трумэна: он считал сложившуюся ситуацию “временной”, проблему — разрешимой. В подборках цитат из западных средств массовой информации (СМИ),

помещенных в газете, говорилось в основном о логичной позиции делегации СССР, твердо стоявшей на базе Потсдамских соглашений. Критика позиции делегации США была сделана весьма искусно: цитировалось высказывание американского радиообозревателя Стила, который признал американский подход к проблеме выборов в Румынии и Болгарии “дипломатическим идиотизмом”⁹.

Но наибольшей критике подвергался Уинстон Черчилль. 10 июня «Правда» цитировала негативные высказывания о нем зарубежных политиков: парламентарий Пертинакс, например, осуждал премьера за попытки использовать германскую проблему с целью вызвать “раздражение в Москве”. А 20 декабря воспроизводились слова греческого митрополита Иоакима, обвинявшего уже бывшего премьер-министра в создании в стране “ада”, перед которым “бледнеет” фашистская оккупация Греции.

Рядом со статьями, заметками, в которых осуждались отдельные лица и антисоветские “круги” Запада, помещались материалы о сотрудничестве союзников. Так, значительный объем информации по германской проблеме включал в себя сведения о заседаниях Контрольного Совета по Германии и Союзнического по Австрии, союзных комендатур в Берлине. В целом подобные заметки несли положительную информацию о союзниках. В этом же контексте преподносились известия о задержании, судах и казнях фашистов в зарубежных странах¹⁰. В материалах Нюрнбергского процесса, которыми были переполнены советские газеты в конце 1945—начале 1946 г., также систематически подчеркивался фактор союзничества великих держав.

В то время, когда на Западе с осени 1945 г. разворачивалась антисоветская истерия, общий тон советской прессы был сдержанным и лояльным в отношении политики правительств либеральных сверхдержав. Однако высказывания советских журналистов в адрес отдельных должностных лиц, по отдельным направлениям политики запад-

ных партнеров ужесточались. Не случайно в сентябре и ноябре 1945 г., после принятия ОКНШ и ОРК США антисоветских решений, советские газеты опубликовали материалы по Франции и США, в которых осуждалась политика создания “западного блока”. “Правда” устами известного американского обозревателя Уолтера Липпмана предостерегала западных политиков, которые думали, что “благодаря атомной бомбе или огромным размерам нашей (т.е. США — А.Ф.) промышленности мы можем в настоящее время проститься с нашими друзьями”. С точки зрения Липпмана, блок был немыслим без России¹¹.

Новые темы в пропаганде

Антисоветские решения и выступления западных руководителей медленно, но верно способствовали обострению международных отношений. В советской прессе появились новые темы, что способствовало накоплению негативной информации о союзниках — росту идеологических предпосылок будущего образа врага.

Так, 13 сентября 1945 г. в “Правде” появилась одна из первых заметок о связях через подставных лиц американских и германских фирм во время войны. В октябре ряд высокопоставленных чиновников — “помощник военного министра Макклой, заместитель Эйзенхауэра генерал-лейтенант Клей, политический советник Мэрфи” — обвинялись в том, что вразрез с линией Госдепартамента планировали восстановление экспорта химикатов и удобрений, производимых “И.Г.Фарбениндустри”, мощности которого было легко перестроить на выпуск военной продукции. Дело концерна разрасталось и систематически освещалось прессой¹².

С октября 1945 г. в советских газетах начинают публиковаться заметки о решениях комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, направленных против американцев и общественных организаций — антиизоляционистов радиообозревателей Кингдона, Уолина, Стила, Серджио, конгрессменов Коффи, Паттерсона,

“Национальной федерации борьбы за конституционные свободы”, “Объединенного комитета помощи антифашистам эмигрантам”, “Совета американо-советской дружбы”, которые вели борьбу за соблюдение демократических прав в США. Комиссию обвиняли в преследовании журналистов, фактическом попустительстве профашистской и антисемитской пропаганде, попытках помешать деятельности перечисленных организаций. До апреля 1946 г. в “Правде” появилось не менее семи подобных материалов¹³.

В сентябре после трехмесячного перерыва появилась первая перепечатка из зарубежных источников, имевшая антиватиканскую направленность. С декабря “Правда” публиковала по 1—2 таких заметки в месяц. В декабре 1945—январе 1946 г. папу Римского критиковали особенно жестко за антисоветское радиовыступление против “тоталитаризма”. В статье И.Борисова “Рождественские послания Пия XII” отмечалось, что “папа Пий XII во всех своих посланиях ни разу не осудил ни Гитлера, ни Муссолини, ни одного из фашистских убийц и поджигателей войны. Зато он осуждает тех, кто разгромил фашистские государства и их “новый порядок”¹⁴. Статья была опубликована на фоне репортажей о ходе Нюрнбергского трибунала, что придавало ей особую силу в глазах советских людей.

С декабря 1945 г. в “Правде” наблюдается скачкообразный рост количества материалов по колониальному вопросу¹⁵ — началось подавление выступлений народов Индонезии и Индокитая голландскими и французскими войсками, оснащенных американским оружием. Максимум сообщений приходится на январь 1946 г., когда проходила первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждавшая колониальный вопрос.

Не случайно освещение событий в Греции, Иране и Турции — зависимых странах, носило в советской прессе крайне односторонний характер: сводилось к показу преследований “демократических эле-

ментов” со стороны “фашистско-монархического режима” в Греции, проискам “профашиста” Сеид Зия эд-Дина в Иране, разгулу “фашистского хулиганья” в Турции¹⁶. Руководители держав-союзниц понимали прием советских пропагандистов: на сессии Генассамблеи ООН министр иностранных дел Великобритании Э.Бевин заявлял, что “греческая ситуация... всегда использовалась в качестве метода контратаки против Англии”, и, в противовес предложениям заместителя министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинского, предлагал ввести в страну еще большее количество войск¹⁷.

Столь конфликтное поведение представителей западных держав было не выгодно СССР, но выгодно советским пропагандистам: союзники своими руками создавали образ захватчиков, колонизаторов, антидемократов.

В случае, если шло урегулирование конфликтов, советские власти и пресса действовали гибко. Так, информационный поток о событиях в Иранском Азербайджане возник в ноябре, достиг пика в декабре 1945 г., исчез в феврале—марте 1946 г.¹⁸. Это произошло после того, как иранские власти дали согласие на создание смешанной советско-иранской нефтяной кампании; под нажимом правительства Великобритании, направившего в Иран дополнительные контингенты войск. В результате СССР вывел войска из северной части Ирана — из самопровозглашенных при содействии СССР Автономной Республики Азербайджан и Курдской Народной Республики.

Несмотря на очевидные факты, говорившие о кризисе антигитлеровской коалиции, пропагандисты настойчиво подчеркивали единство держав. Никаких прямых обобщений о характере экономической и политической системы союзников из публикуемых материалов не делалось. Так, 20 января 1946 г. “Правда” сообщала о панических настроениях, охвативших ряд американских политиков: сенаторы-демократы Истленд и О’Даниэль заговорили о “руке Москвы”, кото-

рая, мол, вызвала волну забастовок с целью установить контроль над американским правительством. Подчеркнув, что речь идет только о временных “внутренних затруднениях американской промышленности”, советский “обозреватель” высмеял отдельных “людей, потерявших элементарное чувство душевного равновесия перед лицом послевоенных трудностей”.

Советский читатель был информирован о трудностях, которые переживали народы держав-союзниц. Особый упор пресса делала на прогрессирующую динамику забастовочного движения в США. В качестве источника использовался, например, журнал министерства торговли США “Сервей оф Каррент бизнес”, который сообщал о сокращении производства стали, грядущем пятимиллионном сокращении рабочих мест в оборонной промышленности, жилищной нужде простых американцев, росте преступности среди молодежи. В апреле 1946 г. в “Правде” появилась заметка о возрождении в США расистской организации «Ку-клукс-клан»¹⁹.

Положение дел во Франции, Великобритании и Германии представало еще более мрачным: черный рынок, спекуляция, карточки, контрасты богатства и бедности, разорение, а также махинации американских военнослужащих на черном рынке²⁰.

Подобная информация выполняла две функции: во-первых, внушала советским людям мысль о том, что после войны в западных странах живут еще хуже, чем в СССР; во-вторых, использовалась для изображения англо-американских и других противоречий, играя на которых правительство СССР пыталось сохранить антигитлеровскую коалицию.

С первой половины 1946 г. сообщения о противоречиях между либеральными державами стали систематическими. Так, в январе “Правда” цитировала оценки результатов переговоров США и Великобритании по вопросу о финансовой помощи: “Таймс” назвала со-

глашение “экономическим Дюнкерком”; в феврале газета информировала о требовании США навести “твердый порядок” как условия предоставления займа Франции; в марте — о предоставлении займа с целью “удержать Италию вне русской орбиты”²¹.

Сообщения об американском диктате в отношении союзников сопровождались другими: о размещении американских военных баз и аэродромов в Саудовской Аравии, Исландии, Иране. С октября 1945 по март 1946 г. в “Правде” появилось не менее 5 таких заметок без комментариев²².

Рост внешнеполитической, экономической и идеологической экспансии США, внутрикоалиционных противоречий советское правительство не могло не оценивать как угрозу интересам СССР. Пропандистский метод “частичной идеологии” все менее подходил для сложившейся к марту 1946 г. ситуации: “цитатничество”, косвенная критика союзников входили в противоречие с “партийностью” советской идеологии и пропаганды. Размывая границы метода, с февраля—марта 1946 г. вынуждено расширилась сфера разоблачительной деятельности советской прессы.

Усиление антисоветизма на Западе и ответ Москвы

На начало февраля 1946 г. приходится пик антисоветской кампании в США и Канаде, которая была детерминирована внутренними экономическими и политическими процессами: стремлением правых кругов затушевать послевоенные противоречия и объяснить рост забастовочного движения действиями Москвы; действиями военных, которые не желали допустить гражданских до контроля над ядерными исследованиями, производством. В развернувшейся кампании шпиономании использовались показания перебежчика Гузенко — бывшего шифровальщика посольства СССР в Канаде, рассказавшего о советской разведке ядерных секретов Запада²³.

Практически три недели советское правительство ничего не предпринимало против антисоветской кампании. Только 21 февраля в передовой “Правды” появилась советская трактовка событий: М.Кинг, премьер-министр Канады, поспешил на помощь Э.Бевину, который потерпел провал на первой сессии Генассамблеи ООН по колониальному вопросу. В “Заявлении советского правительства”, опубликованном рядом, была сделана неуклюжая попытка подменить суть событий: угроза безопасности Канаде отрицалась на том основании, что полученные разведкой сведения не имели “большого интереса для советских органов”.

На следующий день, 22 февраля, Дж. Кеннан, временный поверенный в делах США в СССР, послал из Москвы так называемую “длинную телеграмму”, в которой обвинял СССР в стремлении “разрушить гармонию нашего общества”. Его предложения сводились к сворачиванию отношений с СССР и превращению коммунизма в пугало.

Как предполагает А.М.Филитов, кампания шпиономании в США имела еще одно серьезное последствие. В статье “Как начиналась «холодная война»” он пишет, что “определенный контраст между “мягким”, подчеркивающим возможности послевоенного сотрудничества предвыборным обращением ЦК ВКП(б) от 2 февраля и более жестким, не упоминающим о таких возможностях сталинским выступлением 9 февраля, как раз тем и объясняется, что в промежутке (3 февраля) начались “шпионские страсти” в США”²⁴.

В предвыборной речи И.В.Сталин призывал оказать помощь ученым, которые должны были помочь быстрее восстановить разрушенное хозяйство. Апологетика всей предвоенной политики, которой изобиловала речь, привела к констатации: советский общественный строй — “лучшая форма организации общества, чем любой несоветский общественный строй”. Не случайно наиболее дальновидные пуб-

лицисты Запада, например У.Липпман, с беспокойством восприняли заявление советского руководителя. В связи с этим советские пропагандисты, ранее считавшие американского обозревателя объективным, теперь навесили ему ярлык “глашатая гонки вооружений, направленной против СССР”. В международном обзоре “Правды” за 17 февраля 1946 г. отмечалось: “Уолтер Липпман искажил и извратил речь товарища Сталина. Он заявил, что в СССР не будет якобы принято мер к повышению жизненного уровня населения и что программа промышленного строительства СССР не что иное, как... «программа перевооружения»”.

Жесткие заявления советских пропагандистов, как в случае с У.Липпманом, приводили к тому, что доброжелательно настроенная по отношению к СССР часть интеллигенции Запада начала переходить на антисоветские позиции.

Максимум политической выгоды из создавшейся ситуации извлекли правые силы либеральных супердержав и У.Черчилль. 5 марта 1946 г. он выступил со знаменитой фултонской речью. Дискредитацией выступления Черчилля — отставного политического деятеля — занялся лично И.В.Сталин. В интервью газете “Правда” он расценил демарш Черчилля как “опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами”. Подразумевалось, что Черчилль не выражает позиции и “простых людей из небольших домов”, и правительств держав. Призывы отставного премьера к военному сотрудничеству “братской ассоциации народов, говорящих на английском языке” были оценены как “расовая теория”, сравнивались с гитлеровскими. На обвинение в создании “везде” пятых колонн коммунизма Сталин ответил панегириком международному коммунистическому движению²⁵.

Советские газеты немедленно поместили сообщения об осуждении позиции Черчилля английскими и американскими парламентария-

ми, заявление Г.Трумэна о перспективах развития мирового сообщества: "...работать вместе так же, как и сражались вместе"²⁶.

В речи перед избирателями и интервью "Правде" И.В.Сталин сформулировал основные постулаты советской пропаганды, которые уходили своими корнями в решения XVIII съезда ВКП(б). В феврале—марте 1946 г., в отличие от прошедшего после окончания Второй мировой войны периода, в них более четко выражено противопоставление советской и капиталистической систем. Пропагандисты должны были прославлять мирный труд советского народа, который восстанавливает разрушенное войной хозяйство; показывать прогрессивность и демократизм советского строя, возглавляемого ВКП(б) и лично И.В.Сталиным; доказывая миролюбие СССР, убеждать, что необходимо держать "порох сухим"; показывать коммунистов защитниками демократии во всех странах мира; призывать к сохранению единства держав антигитлеровской коалиции — гаранта сохранения мира на планете; разоблачать реакционных политиков Запада — "поджигателей войны", действия которых идут вразрез с политикой коалиции.

Чрезвычайно острая реакция советского правительства на выступление У.Черчилля, использованная в выступлении И.В.Сталина лексика и обороты — "поджигатель войны", "будет бит, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад", говорят о том, что отставной премьер-министр превратился в персонального врага номер один для советских пропагандистов.

То же произошло и с социалистами западной Европы. Если летом и осенью 1945 г. победы социалистов на выборах во Франции и Великобритании воспринимались как триумф, то в феврале 1946 г. "Правда" констатировала разрыв социалистами Франции блока с коммунистами, их антикоммунизм; лейбористы Великобритании резко осуждались за их линию внешней политики, которую поддержали даже консерваторы-оппозиционеры во главе с Черчиллем²⁷.

Таким образом, кризис антигитлеровской коалиции привел к становлению идеологических предпосылок, которые со временем станут признаками западного образа врага: пропагандисты систематически информировали советских людей об отсутствии на Западе демократии, колониальной политике европейских держав, противоречиях между США и европейскими странами, тяжелом положении трудящихся Запада, нежелании США и Великобритании выполнять Потсдамские соглашения, окружении территории СССР американскими военными базами, антисоветской пропаганде правых кругов Запада.

Однако весной 1946 г. газеты все еще продолжали публиковать позитивную информацию о США: об испытаниях цветного телевидения, обеде в американо-русском институте, посвященном памяти Рузвельта, заявление Г.Трумэна в связи с Днем Победы, в котором подчеркивалась необходимость сохранения коалиции²⁸.

Одновременно по личному указанию И.В.Сталина ЦК ВКП(б) предпринял меры по значительному улучшению работы пропагандистского аппарата²⁹.

§ 3. Первый этап реорганизации пропагандистского аппарата — период кризиса антигитлеровской коалиции.

Кадры агитпропа и сущность реформы

Пресса была главным инструментом идеологического влияния государства в дотелевизионную эпоху. Радиоточки и приемники еще не стали обиходными для значительной части населения СССР. В апреле 1946 г. в стране насчитывалось: 21 центральная газета, 5610 газет республиканского, городского и районного подчинения. Разовый тираж был недостаточен — 90 экземпляров на тысячу человек¹. Напрямую или опосредованно, через ведомства, редакции газет подчинялись Управлению пропаганды и агитации (УПА), которое включало секретариат и 19 отделов, в том числе отдел центральных и отдел местных газет. В июне 1946 г. в УПА работали 259 человек, не считая технического персонала. Почти все — 239 человек — имели

высшее образование, как правило, гуманитарное — 224 человека. 215 человек работали в ЦК не более пяти лет². Это были новые кадры, выдвинутые после 1939 г., руководившие психологической войной в годы Второй мировой войны. Они стали исполнителями решений ЦК партии по реформированию газет.

Сущность реформы состояла в мобилизации аппарата на отпор антисоветизму Запада, содержание — в подборе кадров, изменении публикаций в духе партийности.

Санация советских газет и журналов

Ряд изданий подвергся реорганизации еще раньше. В мае 1945 г. это коснулось журнала “Большевик”, редакцию которого обвиняли в том, что журнал перестал быть “подлинно боевым теоретическим органом партии”. Журнал “Под знаменем марксизма” ликвидировался как не выполняющий свои функции³. В феврале 1946 г. В.М.Молотов предложил поддержать инициативу руководителя ВОКС В.С.Кеменова по созданию журнала, который бы “марксистски” освещал явления зарубежной культуры⁴. С июня 1946 г. начал выходить орган Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) “Культура и жизнь”, ставший компасом идеологических кадров в период перестройки работы пропагандистского аппарата.

В записке УПА “О мерах улучшения работы в области пропаганды, литературы, культуры и искусства”, которую Г.Ф.Александров 14 апреля 1946 г. направил А.А.Жданову, констатировалось, что “основным недостатком большинства местных газет является низкий культурный уровень этих газет”. Те же замечания были сделаны и в адрес центральной печати. Среди предложенных мер были: укрепление редакций квалифицированными кадрами, 20—30% увеличение тиражей местных газет, 17—22% сокращение штатов редакций газет⁵.

С апреля по август 1946 г. рассматривался вопрос о реорганизации газеты “Правда”. Оргбюро, секретариат ЦК ВКП(б) потребовали

от редколлегии прекращения публикаций “серых материалов”, возвращения ее ведущей роли в печати, углубленного анализа и смелости в освещении прежде всего международных вопросов. Редакция должна была направить своих корреспондентов в крупнейшие страны Запада и Восточной Европы. Вопросам международной жизни и внешней политики СССР редколлегия должна была отводить не менее полутора—двух газетных полос. Важнейшими задачами газеты были: “вести борьбу с происками международной реакции, разоблачая экспансионистские и антисоветские тенденции империалистических кругов и их враждебную СССР пропаганду”; “систематически публиковать материалы о развитии и упрочении демократического строя в странах, освобожденных Красной Армией”, освещать деятельность рабочего и демократического движения в странах Запада. Главным редактором “Правды” предлагалось вновь назначить П.Н.Поспелова, редактором отдела партийной жизни — Л.А.Слепова, пропаганды — Д.Т.Шепилова, критики и библиографии — Д.И.Заславского. Обозревателями по международным вопросам были назначены О.В.Куусинен, Д.И.Заславский, Е.М.Жуков, Б.Н.Пономарев⁶. 2 августа 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление “О мероприятиях по улучшению газеты «Правда»”.

Вскоре П.Н.Поспелов представил в ЦК ВКП(б) план работы газеты на октябрь—декабрь. План отразил заметное изменение масштаба и глубины критики держав-союзниц. Так, главный редактор предлагал разоблачать заграничную “шумиху” о новой войне, американскую политику в Китае и английскую на Ближнем Востоке, продажность “свободной печати”. Серия статей должна была быть посвящена англо-американским противоречиям. Предполагалось подвергнуть критике “англо-американскую помощь Франко” и “экономическую экспансию США”⁷.

Серьезные замечания получили и другие центральные газеты. Так, в апреле 1946 г. редколлегии “Известий” вменялось в виду механическое копирование “Правды”, грубые ошибки, наносившие СССР серьезный идеологический ущерб⁸. 20 сентября 1946 г. критику газеты повел орган УПА “Культура и жизнь”. В статье “О некоторых недостатках газеты «Известия»” отмечалось, что редакция не имеет собственной позиции — “излагается лишь точка зрения иностранных газет”; высказывалось недовольство тем, что “читателю предоставляется самому разобраться в высказываниях зарубежной печати”, а также отсутствием боевитости и конкретности в изложении материала — “газета уклончиво и полупонамеками говорит о “всех тех”, кто “пытается” мешать успешному разрешению проблемы демилитаризации и денацификации Германии”. Отсутствие инициативы и плановости, считали работники ЦК ВКП(б), привело редакцию “Известий” к тому, что из поля ее внимания выпали проблемы развития послевоенной мировой экономики, внутривосточного положения в США и Великобритании.

Санация газеты министерства обороны “Красная Звезда” должна была быть еще более радикальной: в апреле 1946 г. газета просто не имела редколлегии⁹.

Решения ЦК ВКП(б) по вопросам ведения пропагандистской работы популяризировала газета “Культура и жизнь”. В июне—сентябре 1946 г. на ее страницах были подвергнуты критике журналы “Новый мир”, “Крокодил”, “Звезда”, “Огонек”, газеты “Советское искусство”, “Известия”, а также владимирская областная газета “Призыв”¹⁶. Одновременно повышался статус и материальный уровень журналистов и редакторов партийных изданий¹⁰.

Цензура осуществлялась руководителями УПА, отделом печати МИДа, Уполномоченным Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит). В угоду политическим

интересам СССР они сдерживали чрезмерное рвение пропагандистов. Так, в августе 1946 г. руководство УПА не считало возможным освободить журнал “Крокодил” от МИДовской цензуры и отклонило ряд материалов на международные темы, имевшие антиамериканскую направленность. Недовольный Д.Заславский, ответственный редактор, пенял отделу печати министерства, что он “толкает “Крокодил” на осужденный в газете “Культура и жизнь” ложный путь беззлобного и мелкого юмора”¹¹.

Причины, следствия, причины

Таким образом, весной—осенью 1946 г. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК ВКП(б) приняли ряд решений, направленных на улучшение пропагандистской работы советской печати — “самого острого орудия большевистской партии”¹². Не подвергая сомнению важность сохранения антифашистской коалиции, кремлевские руководители пытались, одновременно, дать отпор идеологической экспансии Вашингтона и Лондона. Антисоветские выступления по-прежнему приписывались отдельным лицам и реакционным “кругам”. Вместе с тем, изменился масштаб и глубина критики Запада, действия “поджигателей войны” все чаще сравнивались с фашистскими.

Следствие — подобные действия были ответом на антисоветизм Запада, советская пропаганда по мере обострения международных отношений превращалась в причину “холодной войны”.

§ 4. Возникновение образа врага.

Двойные стандарты политики и пропаганда

С начала лета 1946 г. в советской прессе появляется все больше статей и заметок, в которых “поджигателями войны” предстают лидеры США и западноевропейских государств. Так, 2 июня 1946 г. “Правда” цитировала следующее высказывание американского комментатора Стила: “Бирнс заявил Трумэну, что он не способен проводить “твердую политику” по отношению к Советскому Союзу, если

Соединенные Штаты не смогут достичь высокого уровня производства путем прекращения забастовок, мобилизации рабочих и обеспечения внутреннего единства в Соединенных Штатах”. Подобные высказывания соседствовали с призывами обеих сторон сохранить антигитлеровскую коалицию, что отражало реальную противоречивость международной обстановки: обострение конфронтации сочеталось с компромиссами по ряду вопросов. Но объективно действия держав способствовали углублению кризиса коалиции. “Лето и осень 1946 г. были временем острой полемики на многочисленных международных форумах, на разных уровнях, — писал А.М.Филитов¹, — в ООН, где начал обсуждаться вопрос о контроле над атомной энергией; на Парижской мирной конференции, где обсуждался вопрос о мирных договорах со странами — бывшими союзницами гитлеровской Германии; на сессиях СМВД, где помимо этих договоров начали обсуждаться и германские дела (в том числе и “договор Бирнса”). Все больше разгорался конфликт в самой Германии: шла речь о сепаратном объединении американской и английской зон (создании “Бизонии”); была закрыта граница между этими зонами и советской; Бирнс выступил с речью в Штутгарте (6 сентября 1946 г.), где поставил под сомнение незыблемость границы по Одру-Нейсе, — это была явная апелляция к немецкому национализму и реваншизму”.

В контексте международных отношений внутрисполитические и идеологические меры советского правительства в 1946 г. объективно вели к возникновению в скором будущем образа врага.

Новым моментом в советской пропаганде в июле 1946 г. стала прямая критика советскими журналистами Б.Изаковым и М.Марининым (Я.С.Хавинсон) “атомной дипломатии” США. В статьях “Бикини”, “Атомная дипломатия и ее маневры” подчеркивалось, что атомный шантаж дискредитирует американские “разговоры” об атомном разоружении, план Баруха; политика американцев направле-

на на сохранение атомной монополии. Причины милитаристской политики союзника советские журналисты видели, во-первых, в увлечении атомной бомбой, силой и, во-вторых, в стремлении США избежать послевоенного экономического кризиса за счет союзников и других суверенных государств². Статьи появились накануне принятия конгрессом США законопроекта Мак-Магона, согласно которому правительство США не имело право предоставлять информацию об атомных секретах даже Англии.

Вместе с тем, пропагандисты СССР использовали старый прием, перекладывали ответственность за сложности во взаимоотношениях с США на различные “темные силы”. Однако и здесь появлялись новые моменты, которые вели к разрушению коалиции. Так, 24 июля Д.Заславский опубликовал в “Правде” статью “Черное дело американской охранки”. В ней рассказывалось о неудачной попытке Управления стратегических служб (УСС) США обвинить в шпионаже офицера советской миссии в Америке Редина. С точки зрения журналиста, УСС стремилась обмануть американский народ, скрыть неблагоприятные дела спецслужб и подорвать единство держав коалиции³.

Продолжая дискредитацию У.Черчилля, Заславский 1 августа 1946 г. в статье “Лобызание Геббельса” процитировал известные слова Геббельса и Черчилля о “железном занавесе” и резюмировал: “Совпадение полное: Черчилль повторил Геббельса... Перед своим издыханием Геббельс словно напутствовал будущих антисоветских клеветников... послал им последнее мерзостное лобызание”.

Главным виновником кризиса коалиции советское руководство считало правительство Великобритании. Летом 1946 г. советская пресса не скупилась на критику министра иностранных дел Э.Бевина, а также колониальной политики Великобритании. 15 июля Б.Изаков, иронично передернув любимое выражение У.Черчилля, опубликовал в “Правде” статью “За бархатным занавесом”. “Тяжелые складки бар-

хатного занавеса скрывают звуки выстрелов, человеческие стоны, ропот недовольства, — скрывают, но не могут заглушить”, — писал журналист.

Опубликованные в 70-е годы архивные документы действительно свидетельствовали, что правительство Великобритании, по выражению А.М.Шлезингера, “выдвигало упирившиеся и нерешительные, по их мнению, Соединенные Штаты на передовую роль в «холодной войне»”. Вместе с тем, американский историк явно преуменьшает роль США в развязывании “холодной войны”; пытается представить правительство своей страны защитницей демократии во всем мире, преуменьшает значение чисто американских интересов в проведении послевоенной экспансионистской политики⁴.

Для ее проведения правительству США и потребовался образ советского врага. Президент США Гарри Трумэн настолько поверил в пропагандистскую идею о стремлении СССР подчинить Западную Европу вплоть до Ла-Манша, что игнорировал объективные факторы. 11 июня 1946 г. он отверг все аргументы начальника штаба армии США Д.Эйзенхауэра, который доказывал военно-техническую необоснованность разговоров о возможности русского наступления в Европе⁵. Но под воздействием пропаганды не устоял и Эйзенхауэр: к середине 1947 г., следуя за эволюцией общественного сознания в США, он перешел к черно-белой системе взглядов “холодной войны”. Свою лепту в этот процесс внесли и друзья-миллионеры Эйзенхауэра, готовившие популярного человека к политической карьере. Боевого генерала “обволакивали роскошью”. “Имея доход в пятнадцать тысяч долларов (всего лишь – А.Ф.) в год, — пишет биограф Эйзенхауэра Стивен Амброз, — он регулярно отдыхал так, как могут себе позволить отдыхать только самые богатые люди”⁶. Вместе с новым образом жизни Эйзенхауэр впитывал в себя и новые идеи в духе “холодной войны”.

Столь же нелогично, как и Г.Трумэн, вел себя и И.В.Сталин. Только в противоположном смысле: в ответах на вопросы президента американского агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли, опубликованных 30 октября 1946 г. “Правдой” и другими газетами, он вопреки фактам и заявлениям Р.Бирнса полностью отрицал усиление напряженности во взаимоотношениях супердержав, по-прежнему считал “поджигателями войны” только “Черчилля и его единомышленников в Англии и США”. Секрет алогизма раскрывался просто: на вопрос “Заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов?” ответ был ясным и коротким: “Заинтересована”. Сталин готовил предпосылки к сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая в конце 1946 года приступила к обсуждению вопросов международного сотрудничества.

Кремлевские руководители с недоверием и подозрительностью относились к интеграции европейских экономик в послевоенный период, к новым возможностям антикризисного государственного регулирования экономики в капиталистических странах. Прежде всего потому, что все иные виды интеграции обгоняла военная, а идея была высказана не кем иным, как У.Черчиллем. Надеясь на наличие непримиримых противоречий между капиталистическими странами, советские пропагандисты муссировали тезис о возможном распаде союза “англо-саксонских держав”.

Выдавая желаемое за действительное, ведущий советский специалист по мировой экономике академик Е.С.Варга опубликовал 27 ноября 1946 г. в “Правде” статью “Приближение экономического кризиса в капиталистическом мире”. США, констатировал академик, находятся накануне кризиса, а его “разрушающее воздействие” не позволит европейским странам достигнуть “полосы экономического расцвета”.

Представляется, что специфический термин “англо-саксонские державы”, активно используемый именно весной 1946—весной 1947 г., также выражал интересы советского руководства: не обращать внимание на идеологические разногласия с США, извлечь экономическую выгоду, а ответственность за кризис коалиции возложить на Великобританию.

Вместе с тем, отрицая усиление международной напряженности, ЦК ВКП(б) предпринимал меры по консолидации идеологических кадров, воспитанию масс в духе советского патриотизма в условиях “жесткого курса” США. Идеологические постановления ЦК ВКП(б) августа—сентября 1946 г.⁷ в первую очередь предусматривали устранение “инострannого влияния” в искусстве. Увлечение театральных коллективов страны пьесами современных зарубежных авторов стало отождествляться с “пропагандой реакционной буржуазной идеологии и морали”, “попыткой отравить сознание советских людей мировоззрением, враждебным советскому обществу, оживить пережитки капитализма в сознании и быту”. С точки зрения руководства страны, причины ошибок лежали в области субъективного: проистекали из незнания предмета, легкомысленного отношения к делу работников культуры.

В свете партийных установок летом—осенью 1946 г. газета “Культура и жизнь” подвергла критике абстрактных “низкопоклонников”. Одной из немногих статей, в которых называлось имя конкретного “эстета”, была статья зав. отделом искусств УПА Б.С.Рюрикова “Против эстетства и равнодушия”. “Это идейно убогая критика, — писал о творчестве критика А.С.Гурвича Рюриков, — она по сути дела ничему не учит и никуда не ведет”⁸.

Аппарат УПА развивал основные положения постановлений партии. В конце ноября 1946 года Г.Ф. Александров направил секретарю ЦК А.А.Жданову проект тезисов «О партийности литературы».

Четвертый пункт тезисов говорил о шовинистических настроениях номенклатуры: «Наша литература, отражая строй более высокий, чем любой буржуазно-демократический строй,...имеет право на то, чтобы учить писателей зарубежных стран новой общечеловеческой морали. Советским писателям не к лицу преклонение перед буржуазной литературой Запада, переживающей гниение и распад»⁹.

Вторым изданием, на страницах которого проводилась кампания, стал журнал «Крокодил». Немногочисленные карикатуры, рисунки обличали пошлость неких неназванных пьес советских авторов, требовали удалить «сор из театральной избы», подразумевая под сором пьесы современных зарубежных авторов; высмеивали беспринципных культработников, расточительство и кумовство в кинематографе¹⁰.

Подобные материалы не занимали много места в газетах и журналах. Судя по отчетливой направленности прессы второй половины 1946—начала 1947 гг., ее гораздо больше волновали проблемы бюрократизма в советских учреждениях, «блат» — наличие черного рынка, нерасторопность хозяйственников, заформализованность культработы, «головотяпство», «ретуширование» проблем при движении бумаг вверх по бюрократической лестнице. Во многих статьях авторы призывали смело выдвигать новые кадры и улучшать управление народным хозяйством¹¹.

Государственная тревога номенклатуры

Таким образом, ни в постановлениях ЦК ВКП(б), ни в прессе во второй половине 1946 г. не было ярко выраженного внешнего и внутреннего врага. Вместе с тем, профилактические мероприятия советского правительства в области идеологии в контексте международных отношений стали мощным импульсом для советской номенклатуры. Осенью 1946—весной 1947 г. в УПА стали поступать официальные документы и письма, которые отражали обеспокоенность служащих

разного ранга, видевших образ врага в соответствии со своим кругозором в разных людях, общественных движениях, государствах.

Так, Главное политическое управление Вооруженных сил СССР и Совинформбюро в лице И.Шикина и В.Каблучко уведомляли ЦК ВКП(б) об ожесточенной идеологической борьбе за умы интеллигенции и народа в Германии, Польше, Чехословакии. Картина вырисовывалась угрожающая: союзников обвиняли в проповеди антисоветизма, западных ценностей, помощи “реакционерам” типа Миколайчика в Польше¹². Советские представители за рубежом — военные, парторботники, корреспонденты газет все чаще сообщали о провокационном поведении оккупационных английских и американских властей в Германии, антисоветских выступлениях немецкой социал-демократии, заявлявшей об отсутствии в СССР социализма, наличии эксплуатации граждан государством, низком жизненном уровне¹³.

Политическое руководство СССР не было довольным положением внутри и на окраинах страны. Инспекторы ЦК ВКП(б) и корреспонденты центральных газет сообщали о сильном националистическом и сепаратистском движении в западных областях СССР: распространении листовок и слухов, нелегальных газет, проведении террористических акций в городах, например, Риге. Число убитых “бандитами” доходило до 250—300 человек в месяц. Одним из гнезд национализма были признаны университеты Западной Украины, Латвии. Украинских писателей инспекторы ЦК ВКП(б) обвиняли в стремлении освободиться от партийного контроля и получить “свободу слова”¹⁴. Сообщая о фактах плохого ведения хозяйства в только что организованных колхозах и совхозах, МТС, о мародерстве работников госбезопасности, корреспонденты ЦК не связывали с ними радикализм части местного населения. Вину за происходившие эксцессы они возлагали на местные кадры, обвиняя их в низком политическом и культурном уровне, сочувствии националистам и “кулакам”. Получая тревожные

сигналы, А.А.Жданов, Г.Ф.Александров и соответствующие министерства разрабатывали планы устранения недостатков.

Сильное беспокойство работников Совета по делам религий и культов Узкова и Врачева, а также их руководителя И.В.Полянского, вызывал повсеместный рост религиозного движения. Важнейшим врагом в западных областях страны они считали католицизм — организацию с “ярко выраженным политическим направлением”, “фанатиков-ксендзов”¹⁵. Представители местных обкомов и крайкомов партии, начальники управлений МГБ по Пензенской, Горьковской, Калининской, Воронежской, Рязанской, Смоленской, Молотовской областям, Алтайскому краю свидетельствовали, что в 1946—1947 гг. религиозность населения возрастала: религиозное движение набирало силу, церковь на местах вмешивалась в гражданские дела, религиозные обряды отправляли даже коммунисты-руководители и их родственники. Это объяснялось не по-марксистски — “саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы” (К.Маркс), т.е. не свойствами государственного и общественного строя, а исключительно “психологическими переживаниями населения” по поводу потерь в годы войны и ослаблением культурно-воспитательной работы. Особую опасность, с точки зрения местных начальников МГБ, представляли истинно-православные христиане, иоанниты, ряд других церквей, которые провозглашали необходимость борьбы с “безбожной советской властью и коммунистами”, предвещали скорую войну с Америкой и гибель СССР¹⁶.

Сама советская действительность — послевоенный голод, контрасты жизни номенклатурных работников и нищеты основной массы народа, создавала питательную среду для неосмысленного протеста и возникновения инакомыслия. Вернувшиеся домой фронтовики выражали недовольство расхищением колхозного добра председателями и бригадами, высокими налогами, неуважительным отношением ад-

министрации к семьям фронтовиков; офицеры — плохим питанием в воинских частях, низким качеством организации досуга, хищениями и рукоприкладством старших начальников, слабой боевой подготовкой. Согласно своему воспитанию, они видели главную причину в бездействии местного начальства, что излагали в письмах в “Красную Звезду”, редакция которой переадресовывала их “выше”. Поступающие в УПА сведения говорили об ослаблении после войны внутреннего социально-политического единства, начале девальвации советских ценностей у некоторых слоев населения. Социальное недовольство граждан порой прорывалось по незначительным поводам. Так, в сентябре 1946 г. демобилизованный Бушуев с горечью писал о процессе вручения наград в Куйбышевском областном военкомате: “Вместо торжественной обстановки — грязная, полутемная лестница, и чувствуешь себя не как достойный сын своей Родины, а как КАКОЙ-ТО ОТЩЕПЕНЕЦ”¹⁷ (выделено мною — А.Ф.).

Поиском “отщепенцев” среди интеллигенции занимались ортодоксальные коммунисты: профессор Ленинградского университета А.Я.Металлов в сентябре 1946 г. обратился в “Правду” с письмом, в котором разоблачал “формалистов” — руководителей кафедр и факультетов МГУ и ЛГУ. “...даже последние постановления ЦК не внесли каких-либо существенных улучшений”, — сожалел он. Получив письмо, встревоженный А.А.Жданов адресовал вопрос “как поправить дело?” Г.Ф.Александрову¹⁸.

Подавляющее большинство советских людей были уверены в справедливости и несокрушимости советского строя. Слишком сильным было доверие народа к “великому Сталину”; трудности быта списывались на последствия войны. Вместе с тем, поворот к “холодной войне” в 1947 году совпал с окончанием ожидания послевоенных перемен, ростом разочарования среди широких слоев населения¹⁹.

Советским руководителям, пропагандистам надо было дать свое объяснение причин тяжелой жизни, отсутствие каких бы то ни было улучшений в быте миллионов людей. Это было тем более актуально, что кардинального улучшения в ближайшие годы не предвиделось: огромное количество сил и средств тратилось на создание новейших вооружений, ядерной бомбы. Сместить фокус внимания людей с трудностей быта, консолидировать вокруг правительства можно было за счет образа врага, происками которого было легко и просто объяснить отсутствие ожидаемых перемен.

В ноябре—декабре 1946 г., одновременно с заявлениями Сталина об отсутствии напряженности во взаимоотношениях супердержав и борьбой с “низкопоклонством” внутри страны, Управление пропаганды и агитации начало анализировать степень агрессивности Запада. В справках “К вопросу о поводах для нашей подозрительности” и “Анτισоветские вымыслы капиталистической печати” были собраны многочисленные высказывания официальных лиц и журналистов Запада антисоветской направленности. Особо подчеркивалась негативная роль американской печати и “интриганская” — правительства Великобритании, в расколе коалиции²⁰.

Резкими критиками политики США стали писатели, побывавшие за границей. Так, в ноябре 1946 г. И.Эренбург выступил перед коллегами из ССП. Ссылаясь на разговор с бывшим министром торговли США Г.Уоллесом, он рассказал о росте антисоветских настроений в правительственных кругах США, о расправах над защитниками рузвельтовской политики сотрудничества с СССР; обращал внимание на не понятный европейцу стиль американского мышления. Вместе с тем, писатель в разгар борьбы с низкопоклонством не стеснялся восхищаться американским бытом, техникой, особенно полиграфической: “Быстрота информации невероятная. Вот что значит пропаганда”²¹.

Новая информационная реальность и политика.

В первой половине 1947 г. советские пропагандисты, пресса последовательно освещали факты, которые свидетельствовали об ухудшении международной обстановки: создание Бизонии в январе 1947 г.; заключение в марте 1947 г. франко-английского договора, справедливо воспринятого как основу Западного блока; нежелание западных держав считаться с советскими интересами во время Московского СМВД; окружение СССР системой военных баз США и Великобритании; дипломатию канонерок со стороны США в отношении западноевропейских и азиатских государств²².

Несмотря на очевидные факты, советское правительство по-прежнему пыталось вести сдержанную политику в отношении США. Так, И.В.Сталин весьма спокойно воспринял провозглашенную 12 марта 1947 г. “доктрину Трумэна”, хотя она имела явную антисоветскую направленность: Трумэн призывал к оказанию экономической и военной помощи Греции и Турции с целью остановить наступление “тоталитаризма”²³.

Не менее сдержанным было поведение И.В.Сталина во время и сразу после потерпевшей крах московской сессии СМВД, на которой обсуждался германский вопрос. Делегации западных держав не пожелали считаться со стремлением Кремля получить германские репарации. Однако во время встречи с Д.Маршаллом 15 апреля 1947 г. Сталин охарактеризовал конференцию как “только первые перестрелки и стычки передовых сил в этом вопросе” и выразил надежду на достижение со временем компромисса²⁴.

Вместе с тем, “первые перестрелки и стычки” принимали все более ожесточенный политический и идеологический характер и больший масштаб. На Московском СМВД в марте 1947 г. развернулась дискуссия В.М.Молотова и Э.Бевина о Динкельбахе, состоявшем ранее в нацистской партии. Советский министр усмотрел в его нахождении на одном из постов в английской зоне оккупации нарушение

Потсдамских соглашений. В пылу полемики представители обеих держав использовали двойные стандарты: отрицая у себя какие-либо недостатки, приписывали их наличие противнику.

В связи с этим конфликтом УПА, по словам одного из сотрудников, “организовало” письмо в редакцию “Манчестер Гардиен”, подписанное “А.Леонидовым”. Апеллируя к потерям, которые СССР имел в годы войны, автор письма обвинял англичан и американцев в использовании немецких специалистов, состоявших ранее в нацистской партии и помогавших Гитлеру производить вооружения. Редакция английской газеты вернула советской стороне ее же обвинения, констатируя, что в советской зоне также работают бывшие нацисты, а в виде госпредприятий на немецкую землю вернулся “монополистический капитализм”. “В то время, как многие из наших друзей в США и Англии трепещут при мысли о “красной сети” и о развращении невинных людей коммунизмом, — несколько иронично характеризовала ситуацию газета, — сон г-на Леонидова, по-видимому, также рядовых русских людей, нарушается мыслями о такой же злобещей сети, которую плетет западный капитализм”. Что касается Динкельбаха, то “Манчестер Гардиен” сообщала, что, “прочищенный” оккупационными властями, он занимает пост, на котором все решения принимаются с санкции этих властей. Обвинения советской стороны были признаны дымовой завесой, создаваемой с целью более успешной эксплуатации своей зоны оккупации²⁵.

За идеологическими схватками стояли реальные проблемы. Немецкие специалисты работали не только во всех оккупационных зонах, но и на территории СССР, США. Так, на опытном заводе № 2 министерства авиапромышленности работало около 700 инженеров и техников, не считая членов семей, среди которых были главные конструкторы, награжденные ранее гитлеровскими орденами²⁶. Используя

специалистов, бывшие союзники в идеологических целях эксплуатировали проблему, направляя стрелы друг против друга.

В итоге советская администрация в Германии пошла по пути союзников. 28 августа 1947 г. “Правда” сообщила о приказе главноначальствующего маршала Соколовского, разделившего бывших членов НСДАП на “бывших активными фашистами” и неактивных фашистов. Заметка называлась “Два подхода к задаче денацификации” и подразумевала, что в западных зонах все не так. Как правило, подобные публикации заканчивались призывами к бдительности советских людей.

Повышению бдительности служили также сообщения в советских газетах о связях различного рода шпионских групп и целых оппозиционных партий с фашистами и американской разведкой в Польше, Венгрии, Югославии²⁷.

Таким образом, конфронтация держав по различным аспектам взаимоотношений — германской проблеме, “атомным” вопросам, положению дел в Восточной Европе, вела к созданию новой информационной реальности, накоплению недоверия и подозрительности союзников друг по отношению к другу, принятию новых идеолого-пропагандистских решений, углубляющих конфронтацию.

В марте—апреле 1947 г., после публикации “Доктрины Трумэна”, во время проведения сессии СМВД советские пропагандисты провели еще один анализ сложившейся в Европе и США ситуации. Источником информации служили зарубежные журналисты. В беседах с ними руководителя Совинформбюро С.А.Лозовского, зам. председателя ВОКС А.А.Караганова интересовало состояние общественного мнения во Франции, США, Бельгии, отношение европейской интеллигенции к политике США, планам создания “западного блока”, восприятие различных политических сил и лидеров массами. Из бесед с Женевьевой Табуи, Пертинаксом из Франции, Вивье из

Бельгии были сделаны выводы об их идейной растерянности после войны, тяготению к Америке (скорее — буржуазности — А.Ф.) при словесных утверждениях о нелюбви к “американизму” и советскому коммунизму. Все представляли социалистов как “проституток”, которых подкупают американцы, и негативно относились к попыткам создать Западный блок. Коммунистически настроенный писатель Луи Арагон резко отрицательно относился к американской идеологической экспансии; коммунист Маньен из “Юманите” заявил, что национальные интересы во Франции защищают только коммунисты.

Известный радиожурналист Джоханнес Стил отметил, что “единственное, что сейчас пугает американцев, — это возможный кризис”, а многочисленные разговоры о мировом господстве США опираются на высокий жизненный уровень населения. Журналист низко оценил широко разрекламированную в СССР пьесу К.Симонова “Русский вопрос”, которая, с точки зрения пропагандистов, верно отражала американскую действительность. “Ее было бы невозможно поставить в Нью-Йорке, — заявил Стил, — зрители просто бы хохотали”. Искушение журналистов Запада антисоветизмом, чему посвящена пьеса, поставлена более тонко, продолжал он. Журналисту не открыто предлагают взятку, а “обволакивают роскошью” для того, чтобы он поступился своими убеждениями²⁸.

Нарастание американской экспансии заставляло советское руководство разрабатывать дополнительные меры по обеспечению внутреннего морально-политического и идеологического единства общества. В середине апреля 1947 г. УПА разработало “План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма”. Генеральной идеей плана было противопоставление “передового” советского буржуазному. “В основу работы по воспитанию советского патриотизма, — отмечалось в документе, — должно быть положено указание товарища Сталина, что даже “последний советский гражданин,

свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства”. Главной внутривнутриполитической опасностью составители плана считали “проявление низкопоклонства и раболепия перед буржуазной наукой и культурой со стороны отдельных неустойчивых граждан СССР”. Вместе с тем, комплексный план не определял четко очерченной цели — государства-лидера на Западе, на котором необходимо было сосредоточить пропагандистский огонь: источником опасности предстал абстрактный “капиталистический Запад”. В осуществлении плана должны были быть задействованы УПА, центральные газеты, Союз советских писателей, министерство кинематографии, комитет по делам искусств, президиум Академии наук СССР, министерство высшего образования. Предусматривалось создание фильмов, пьес “о советском патриотизме, о национальной гордости советских людей”, а также “о нравах и быте буржуазного общества”²⁹.

Уже в апреле—мае 1947 г. газета УПА “Культура и жизнь” поместила серию пропагандистских статей: “Ответ господину Дэвиду Лоуренсу”, “Разоблаченная легенда”, “О советской культуре”, “Непреоборимая сила советского патриотизма”, “Патриотический долг советских ученых”, “Идеи патриотизма в художественной литературе” и другие³⁰. В статьях четко реализовывались установки плана по пропаганде советского патриотизма, появились обобщения, не характерные ранее для советской прессы. Одна из статей называлась “Капитализм и его культура”.

Между тем, И.В.Сталин в беседе с видным деятелем республиканской партии США Г.Стассеном, отчет о которой был опубликован “Правдой” 8 мая, еще раз подтвердил необходимость американской помощи СССР (“У русских имеется желание сотрудничать”), а также продемонстрировал лояльность к социально-политическому и эконо-

мическому строю США («Нужно уважать системы, одобренные народом»).

Прорыв

К середине 1947 г. система межгосударственных отношений накопила огромное количество противоречий и предпосылок для качественного скачка: перехода к “холодной войне”. Сдержанность советского руководства по-прежнему объяснялась только стремлением получить от союзников экономическую помощь. 5 июня 1947 г. Д.Маршалл выступил с планом оказания помощи европейским странам, который и послужил поводом к началу открытой конфронтации.

Первая реакция кремлевского руководства на “план Маршалла” была сдержанной и осторожной, но в целом заинтересованной. Желая получить кредит и поставки товаров от США, руководители СССР одновременно не могли допустить покушения на советское влияние в Чехословакии и Польше, которые были приглашены на Парижскую конференцию. Инструкции советской делегации, возглавляемой лично В.М.Молотовым, предусматривали выражение протеста “против любых условий такой помощи, которые связаны с нарушением суверенитета европейских стран или их экономическим порабощением”³¹. Правительство негативно относилось к созданию наднациональных координирующих комитетов по реализации плана, поэтому делегация должна была настаивать на выработке планов оказания помощи на двусторонней основе. И.В.Сталин и МИД были в курсе того, что союзники составляли план с расчетом на отказ СССР от участия в нем³².

По мере роста разочарования в “плане Маршалла” все более жесткими становились оценки политики США советскими пропагандистами. 12 июня 1947 г. Ю.Семенов опубликовал в “Правде” статью “Фашистская “теория” геополитики на американской почве”. Исходя из советских представлений о мотивах американских политиков, журналист цитировал “некоего Флауэрс”, заявлявшего, что “геополити-

ческие соображения” требуют “выбирать своих временных друзей, глядя на их сырье, ...которое должно дополнять экономику США”. 29 июня в “Правде” была изложена советская позиция по отношению к “плану Маршалла”: план “неизбежно поведет к вмешательству одних государств в дела других государств”. В заключительной речи В.М.Молотова на Парижской конференции 2 июля западные державы обвинялись в стремлении расколоть Европу на два враждебных лагеря, а через несколько дней — в стремлении “создать блок с участием западной Германии”. Под давлением советских руководителей от участия в Парижской конференции отказались правительства Польши и Чехословакии³³.

К середине лета 1947 г. процесс переосмысления отношений “двух миров” завершился у обеих сторон. Так, голливудская газета “Сценарист” в июле—октябре 1947 г. поместила серию репортажей о визитах президента Лиги кинопродюсеров Америки Эрика Джонстона на все основные киностудии. В студии “РКО” Джонстон “рассказал своим слушателям, что после беседы с государственным секретарем Маршаллом, сенатором Ванденбергом и другими он пришел к совершенно твердому пониманию того, что необходимо было немедленно начинать официальную политику противопоставления своей мощи советской экспансии, подчеркнув, что эта политика должна встретить поддержку в кинофильмах, выпускаемых в США”. В студии “Уорнер Бразерс” Джонстон назвал американских коммунистов “предателями”, заявив, что его идеал — свобода личности³⁴.

Советская пропаганда откликнулась почти мгновенно: борьба против “голливудской стряпни” стала формой противостояния супердержав. 20 августа 1947 г. “Крокодил” констатировал: “По примеру некоторых американских торговцев политикой торговцы кино начали запугивать Европу “красной опасностью”. Брошен лозунг: «Лучшей

защитой против коммунизма является распространение американских фильмов»”³⁵.

Еще накануне открытия Парижской конференции, в июне 1947 г. началась кампания с осуждением “сомнительных граждан СССР” — микробиолога Н.Г.Клюевой и иммунолога Г.И.Роскина, “выдающееся открытие” которых было разрекламировано 11 марта 1947 года газетой “Культура и жизнь”. Впервые в послевоенные годы в ходе идеологической кампании пропагандистами был использован образ врага. Внешнего, так как ученые обвинялись в том, что не устояли “перед домогательствами американских разведчиков” и передали им открытие, “являющееся собственностью Советского государства, советского народа”; внутреннего, так как академик В.В.Парин, передавший рукопись книги Клюевой и Роскина американцам, был осужден за “шпионаж”. Сами Клюева и Роскин не только не пострадали, но неожиданно получили в распоряжение лучшую лабораторию³⁶. Руководство страны, прекрасно осведомленное о сути происшествия — официальном научном обмене, берегло ценные кадры, а кампанию использовало для разжигания изрядно подзабытой шпиономании, обеспечения режима секретности, разрыва прежних научных связей с США и Великобританией.

Обобщая 9 августа ход партийных собраний по данному “делу”, работники ЦК ВКП(б) Н.Пегов и И.Поздняк писали: “Многие члены партии в своих выступлениях резко критиковали ротозейство и притупление бдительности среди некоторых работников, в результате чего иностранной разведке облегчается возможность проникновения в советские научные учреждения”³⁷.

“Образ врага” стал средством внедрения в общественное сознание идей “советского патриотизма”. Важным аспектом державного патриотического мышления была идея о морально-политическом единстве советского общества. Все негативные явления, с точки зре-

ния организаторов кампании, были результатом влияния Запада. Так, во время философской дискуссии 24 июня секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов заявил: “Причина отставания на философском фронте не связана ни с какими объективными условиями... Причины отставания на философском фронте надо искать в области субъективного”³⁸. Под “субъективным” подразумевалось “раболепие и низкопоклонство перед буржуазной философией” начальника УПА Г.Ф.Александрова, вскоре снятого со своего поста.

Проработка столь крупного чиновника должна была усилить эффект от патриотической кампании. Подобная практика воспитания служащих быстро распространяется и на другие их категории: в министерствах заработали “суды чести”.

Активным поиском внутренних врагов — “низкопоклонников” перед заграничной культурой, занимался генеральный секретарь ССП А.А.Фадеев. Учитывая, что часть советских литературоведов изучала или хотя бы цитировала творчество русского литературоведа конца XIX века А.Н.Веселовского, Фадеев на XI пленуме правления ССП 28 июня выдвинул “творческую точку зрения”, согласно которой Веселовский был родоначальником “низкопоклонства перед западом” в России в литературной среде. Удар по “идеологу” “низкопоклонников” был нужен для того, чтобы объявить, например, И.М.Нусинова, написавшего неверную, с точки зрения Фадеева, книгу о Пушкине, “космополитическим последователем” Веселовского, а также заявить, что его последователи “подвизаются в наших университетах”. С протестом против подобного мракобесия в ЦК ВКП(б) обратились академики И.Ю.Крачковский, А.Е.Алексеев, И.И.Мещанинов, зам. начальника УПА А.М.Еголин³⁹. Но их выступления уже не могли изменить ситуацию.

В июле—сентябре 1947 г. к формированию у населения патриотизма были подключены председатель правления Союза СП СССР

А.Корнейчук, министр просвещения РСФСР А.Калашников, биолог профессор И.Лаптев, президент Академии художеств СССР А.Герасимов, зав. отделом пропаганды газеты “Правда” Д.Т.Шепилов и другие⁴⁰. В их статьях были подвергнуты критике “формалисты” и антипатриоты, которые, с точки зрения авторов, подрывали передовое советское искусство и науку.

Дискредитация “формалистов” осуществлялась при помощи подтасовки фактов, подмены критикуемого тезиса ссылками на личные качества человека. Характерный пример — статья И.Лаптева “Антипатриотические поступки под флагом «научной критики»”, опубликованная “Правдой” 2 сентября 1947 г.

Статья Лаптева была отголоском дискуссии в области генетики. Еще в апреле 1944 г. Т.Д. Лысенко был подвергнут критике со стороны американского генетика Сакса, который утверждал, что к подавлению генетики в СССР привели три причины: наличие националистической позиции, отвергающей чужеродную науку; реакция на искажение принципов генетики со стороны гитлеровцев в их расовых теориях; давление советской политической философии. Генетик академик АН Белорусской ССР А.Р.Жебрак подверг критике политические воззрения Сакса, заявив еще в начале 1945 г. Г.М.Маленкову, что в развале генетики виноват только академик Лысенко. Однако он согласился с научной критикой взглядов Лысенко Саксом⁴¹.

Весной 1947 года положение президента ВАСХНИЛ и директора Института генетики АН СССР Лысенко пошатнулось: теперь с критикой его взглядов выступили многие советские ученые. Опасаясь падения, Лысенко активизировал деятельность по дискредитации оппонентов. К счастью для него, международные отношения резко ухудшились, и советское правительство развернуло борьбу с “низкопоклонством” перед зарубежной наукой. Используя услуги профессора Лаптева, Лысенко нанес удар по Жебраку, который в 1930—1931

гг. проходил стажировку в Америке, печатался в зарубежных журналах и был активнейшим критиком “главного агронома Наркомзема”. Лаптев инкриминировал Жебраку выступление против “выдающегося” представителя биологической науки Лысенко, сходство взглядов Жебрака и Сакса. Патриотическую гордость Жебрака, выраженную в словах: “Вместе с американскими учеными мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба”, Лаптев выдал за преклонение перед “мировой наукой”, за низкопоклонство, за антипатриотизм.

Программная статья Д.Т.Шепилова “Советский патриотизм”, опубликованная «Правдой» 11 августа 1947 года, была последовательным изложением идей, изложенных в преамбуле “Плана по пропаганде среди населения идей советского патриотизма”, и делала акцент на унижении русских людей в начале XX века иностранцами: “В холуйском раболепии перед иностранщиной правящие классы царской России широко открыли двери иностранному капиталу”.

Таким образом, летом 1947 г. в связи с началом “холодной войны” советские пропагандисты начали активно внедрять в общественное сознание образ внешнего врага в лице США, Великобритании, Запада в целом, а также начали поиск людей, которые могли бы олицетворять образ внутреннего врага.

ГЛАВА II

СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ ОБРАЗА ВРАГА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. СЕНТЯБРЬ 1947—ИЮНЬ 1951 гг.

§ 1. Второй этап перестройки пропагандистского аппарата — в условиях холодной войны.

Аксиомы пропаганды

После отказа СССР участвовать в реализации плана Маршалла произошло изменение концепции пропаганды, что отразилось в докладах А.А.Жданова и Г.М.Маленкова на совещании 9 компартий в Польше в сентябре 1947г., в результате которого возникло Информбюро. Пересмотр идеологических установок означал, что пропагандистский аппарат вступил во второй этап перестройки, сущность которого состояла в мобилизации для ведения тотальной психологической войны против конкретного врага с целью выживания в условиях “холодной войны”, для проведения политики изоляционизма. Новые идеологические установки были зафиксированы также в сентябрьском и декабрьском проектах программы ВКП(б), составленных группой высших идеологических работников к намечавшемуся очередному съезду партии. Их сущность сводилась к возрождению постулата о смертельном поединке “двух лагерей”, один из которых должен неминуемо погибнуть¹. Возвращение к доктрине эпохи революции и гражданской войны, закреплённой в Конституции 1924 г., отвергнутой Конституцией 1936 г., обозначал крах иллюзий советских руководителей на вхождение в мировое сообщество на неконфронтационной основе.

В конце 1947 г. позитивное содержание советской идеологии и пропаганды сводилось к следующему. Капитализм созрел для замены его социализмом. Важную роль в смене строя должен играть субъективный фактор, пробуждение сознания миллионов рабочих и интел-

лигентов, чему мешают только предатели социал-демократы, империалистические круги и продажная западная печать. Накануне своего падения империалисты идут по пути авантюры, что еще больше расшатывает основы западного общества.

Эти традиционные для революционной эпохи постулаты были дополнены положением, что после Второй мировой войны центр мировой реакции переместился в США, которые вынашивают планы мирового господства. Роль младшего партнера в их реализации выполняет Великобритания. Образовались два лагеря: империалистический и антидемократический, с одной стороны, а с другой — антиимпериалистический и демократический, “имеющий основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма”.

СССР, заявляли пропагандисты, свободен от язв буржуазного строя, является символом прогресса; Запад отстал от него “по способу производства”. Русский народ считался “старшим братом” всех остальных народов СССР, а “советский народ” — “выдающимся, передовым, творческим народом”. В стране, по утверждению идеологов, сложилось морально-политическое единство общества. Основным законом его развития, якобы, является борьба старого и нового, а “источником” развития — “животворящий советский патриотизм”. Главной патриотической силой объявлялась ВКП(б), возглавляемая И.В.Сталиным. Идеологи считали, что в СССР нет условий для возрождения капиталистических отношений, а отсталое мышление отдельных граждан возрождается только как пережиток проклятого прошлого царской России или вследствие влияния капиталистического окружения. Делался вывод о необходимости бдительности советских людей — патриотов и интернационалистов одновременно — и борьбы с фактами раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной среди интеллигентов, в среде которых Запад ищет агентуру.

Построив социализм, заявляли пропагандисты, советские люди уверенно закладывают основы коммунизма, ростки которого видны в современной реальности. На СССР равняются народы стран “новой демократии”, коммунистические и патриотические силы в западных странах, борющиеся за освобождение и освободившиеся от колониального ига народы, все честные люди на планете².

Идеологический мессионизм Москвы был закономерным явлением после войны. Однако в отличие от США, обессиленный войной СССР не мог подкрепить его глобальной экономической и политической экспансией, был вынужден ограничиться удержанием в своем геополитическом пространстве только стран Восточной Европы.

Важным элементом пропаганды было формирование образа И.В.Сталина, стереотипа отношения к вождю. Сталин представлял перед читателем, зрителем преемником В.И.Ленина, мудрым вождем, которому советский народ обязан всеми своими свершениями, борцом за мир, главным патриотом и интернационалистом. Газеты систематически публиковали отретушированные фотографии руководителя партии и государства: высокий человек с гладким лицом, отец нации, скромный в своем величии и мудрости. Встреча с реальным Сталиным — человеком низкого роста, редкими волосами, оспинами на лице, который мог быть грубым, невежественным и беспощадным, производила противоречивое впечатление на советских людей и зарубежных коммунистов: смесь почтения и обожания, страха и удивления; а некоторые с первого взгляда просто не узнавали вождя³.

На первый взгляд стройная и целостная, эта идеология была глубоко антинаучна. Ее создатели не учитывали или неверно трактовали новые экономические, социальные и политические процессы, которые разворачивались в западном мире. Они идеализировали советский строй, а вопрос об источниках развития общества довели до последней степени примитивизма. ЦК ВКП(б) надеялся, что благо-

дарные своим освободителям народы Восточной и Западной Европы будут до бесконечности симпатизировать политике СССР вне зависимости от ее содержания. Это была идеология номенклатуры, которая, ничтоже сумняшеся, только себя считала истинным выразителем долгосрочных интересов советских граждан.

В данной системе идеологии запугивание “образом врага” служило средством формирования “советского патриотизма”. Официальное содержание государственного патриотизма включало в себя преданность государству и народу, добросовестный труд на благо общества. Но слова камуфлировали иное: требование беспрекословного подчинения властям, конкретному руководителю, необходимость некритического восприятия любых идей, внушаемых пропагандой. Номенклатура спекулировала на естественном патриотизме миллионов людей, отстоявших независимость Родины в жесточайшей войне. Нелояльность или даже подозрение в этом воспринимались чиновниками как враждебная деятельность, гражданин мог быть объявлен “врагом народа”. Косные патриоты занимались доношением на тех, кто не соответствовал номенклатурному пониманию идеала патриота.

Настройка по пропагандистскому камертону

Новые пропагандистские установки надо было донести до советских и зарубежных реципиентов. Между тем, агитпроп и Совинформбюро (СИБ) не устраивала низкопробность материалов, используемых для внешней пропаганды, откровенная халтура и плагиат, применяемые журналистами для получения высоких заработков⁴. В начале лета 1947 г. начальник СИБ С.А.Лозовский отмечал низкую эффективность работы своей организации, малый процент печатаемости подготовленных им статей в СМИ капиталистических стран⁵. Советские статьи были острополемичны, трудом воспринимались даже коммунистическими газетами Запада. Пределы пропаганде ста-

вила прагматичная дипломатия. Ее представители предупреждали в ноябре 1947 г., что размещение полемических статей в информационном бюллетене советского посольства в США “Совет лайф” может привести к дипломатическим осложнениям⁶. Учитывая это, Лозовский предлагал действовать менее навязчиво — “именем, фактом, тонким юмором и ученостью”⁷. Только таким образом можно было воздействовать на мировоззрение и привычки западного гражданина, непонятные многим неквалифицированным советским журналистам. Подобное предлагал и зав. отделом информации газеты “Москоу Ньюз” Колманов. В феврале 1948 г. он писал Жданову о плохом знании “противника”, его уязвимых мест, методов пропаганды и контрпропаганды, необходимых “литературных форм, которые наиболее доходчивы и привычны среднему американцу, англичанину, французу, арабу”⁸. Зав. информационным отделом Академии наук Л.А.Бах считала, что “стопроцентной доходчивости” пропаганды мешали “отсутствие четкой централизации руководства и гибкой дифференциации материала” по странам и органам печати. 11 организаций, которые осуществляли эти функции, действовали разобщенно, “вплоть до конкуренции”⁹.

Для проверки эффективности работы пропагандистского аппарата за рубежом на места направлялись комиссии. В феврале 1948 г. заместитель заведующего агитпропом Д.Т.Шепилов инструктировал группу проверки отдела пропаганды советской части союзнической миссии по Австрии. Его интересовала степень воздействия пропаганды: “объем, охват населения, эффективность, оперативность, разоблачение антисоветской клеветы... организация контрпропаганды против американской и австрийской реакционной пропаганды”¹⁰.

Вопросы внешне- и внутрипропагандистской работы обсуждались на совещаниях Управления пропаганды: узком — 19 сентября 1947 г.; с участием авторского актива СИБ — 3 марта 1948 г.; с ре-

дакторами центральных газет — 22 марта 1948 г. На совещаниях и в процессе оперативной работы происходил поиск путей и средств улучшения пропаганды в свете новых идеологических установок в условиях “холодной войны”. Отсекались негативные, с точки зрения руководства, тенденции среди пропагандистов и ряда писателей, работавших по госзаказу. Для нагнетания напряженности с целью повышения “бдительности”, драматизации ситуации задействовался образ врага: производились аресты даже среди сотрудников ЦК ВКП(б).

Так, на узком совещании Управления отмечалось, что значительное внимание работников УПА обращалось и будет обращаться на печать. Несмотря на идущую с весны 1946 г. перестройку работы центральных газет, они по-прежнему стереотипны и безлики, литература и критика в значительной степени отстают от жизни. Комитет по делам искусств, считало руководство УПА, не выполнил решение ЦК об устранении “всевозможных рогаток и препятствий для работы советских драматургов”. При этом подразумевались только заказные произведения, которые выполняли пропагандистские функции. Критику участников совещания вызвало засилье иностранных фильмов в период борьбы с преклонением перед всем заграничным: в Москве, говорил один из сотрудников УПА, летом 1947 г., “проходя по центру, по улице Горького, мы видим, что идут три немецких фильма и ни одного нового советского фильма”. В противовес идеологии побеждает коммерция: “Все дело сводится к тому, чтобы только получить трешку за билет”. Суровой критике на совещании был подвергнут бывший начальник Управления Г.Ф.Александров; “нескромность”, “зазнайство” ряда молодых работников. Прозвучали призывы к бдительности в свете недавнего разоблачения “восходящей звезды” УПА Сучкова: зав. отделом пропаганды П.Лебедев назвал его “мерзавцем, врагом нашей Родины”¹¹.

На совещании авторского актива Совинформбюро присутствовало около 300 человек. Зам. начальника УПА, ответственный редактор “Известий” Л.Ф.Ильичев отмечал, что актив требовал централизации пропагандистской работы на заграницу, постановки ее на научную основу, изучения методов работы противника. Один из авторов — академик В.Н.Образцов — обратил внимание на некомпетентные методы работы руководителей СИБ: “Работники Совинформбюро просят писать контрпропагандистские статьи, но не знакомят нас с теми статьями буржуазных журналистов, которые мы должны разоблачать”¹².

Совещание редакторов центральных газет формально было посвящено критике и библиографии. У газет, отмечал Л.Ф.Ильичев, нет систематичности в работе, наблюдаются шараханья из стороны в сторону, “заушательской” критике подвергаются произведения, “которые, будучи проникнуты идеями патриотизма, содержат в себе отдельные недостатки”. Таким образом, идеологическая целесообразность имела приоритет перед художественной выразительностью. П.Н.Поспелов предлагал использовать в качестве контрпропаганды информацию о “славных патриотических делах” советских людей. Важность работы секретарь ЦК ВКП(б) М.А.Суслов обосновал политическими аргументами — ссылкой на личное внимание И.В.Сталина к пропагандистской работе, проблемам критики и библиографии, особенно некритическому “восхвалению взглядов Веселовского” рядом библиографических изданий. Партийность в критике, отметил М.А.Суслов, состоит в беспощадном разоблачении буржуазной идеологии, аполитичности и безыдейности¹³.

Централизация работы органов пропаганды оправдывалась пропагандой антисоветизма и процессом координации деятельности английских и американских информационных служб, работавших против СССР и стран Восточной Европы. В октябре 1948 г. началь-

ник Главного политического управления Вооруженных сил СССР (Главпур) И.Шикин обоснованно прогнозировал усиление западной пропаганды¹⁴.

Для успешного проникновения на информационный рынок Запада предпринимался ряд дополнительных мер. В апреле 1948 г. с разрешения зам. председателя совета министров А.Н.Косыгина и секретаря ЦК ВКП(б) М.А.Суслова был заключен договор с французской фирмой “Шан дю монд” (Песни мира), которая была связана с французской компартией¹⁵. В мае 1948 г. для обхода “закона Дайса”, согласно которому неоплаченная газетой статья приравнивалась к пропагандистской, партруководство назначало в Латвии, Эстонии и Литве лиц из числа партийных руководителей и пропагандистов, от имени которых в прибалтийские газеты, распространявшиеся в США, планировалось направлять статьи¹⁶.

Помимо качественного изменения содержания газет, проводилась работа по созданию новых органов. 31 июля 1947 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление “О «Литературной газете»”¹⁷, коренным образом изменившее статус скромной еженедельной писательской газеты: “Разрешить Союзу Советских писателей СССР реорганизовать “Литературную газету” в газету общественно-политическую и литературную, сохранив то же название”. Далее четко определялись задачи газеты: “Пропаганда советской социалистической культуры и ее мирового значения. Разоблачение реакционной сущности современной буржуазной культуры. Утверждение идей советского патриотизма и национальной гордости советских людей. Борьба со всеми явлениями низкопоклонства перед заграницей. Освещение вопросов советской демократии и показ ее превосходства перед антинародной буржуазной демократией. Показ роста национальных культур в свободном содружестве народов СССР и ведущей роли великой русской культуры. Мобилизация общественного мне-

ния во всем мире против поджигателей войны, против буржуазных теорий расового превосходства, против всех идеологических агентов империализма. Разоблачение буржуазной лжи и клеветы на советский народ, его социалистическое государство, его культуру. Утверждение коммунистической морали советских людей. Поддержка передового и новаторского решительно во всех областях социалистической культуры и строительства. Борьба со всеми явлениями косности, рутины, бюрократизма, мешающими развитию нового, коммунистического. Утверждение всепобеждающей силы учения Ленина—Сталина в общественном развитии человечества, в мировой науке. Разоблачение лженаучных буржуазных теорий и борьба со всеми искажениями учения Ленина—Сталина. Освещение мировой роли советской литературы как провозвестницы новой коммунистической морали человечества. Борьба за большевистскую партийность советской литературы и искусства. Укрепление связи советских писателей и всех деятелей искусств с народной жизнью, с современностью. Борьба за повышение идейного и художественного уровня советской литературы и искусства...”

Для реализации столь обширных задач редакции разрешалось создать большую корреспондентскую сеть, в десять раз — до 500 тысяч экземпляров, увеличивался тираж, в два раза периодичность. Газета получала доступ ко “всем видам общей и специальной информации”. Создавались четыре раздела — внутренней жизни, международной жизни, науки и техники, литературы и искусства. Венцом постановления было утверждение главным редактором В.В.Ермилова. Стиль и содержание документа, отсутствие указаний на конкретного врага говорят о том, что на составителей еще действовала инерция предыдущего периода, когда Запад считался источником опасности, но допускалась возможность сотрудничества. 27 августа оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством Г.М.Маленкова и с участием

А.А.Жданова заслушало отчет Ермилова о подготовке к изданию нового варианта газеты. Выпуск первого номера наметили на 20 сентября далеко неспроста¹⁸.

Постановление ЦК ВКП(б) “О «Литературной газете»” не отразило все задачи редакции. По воспоминаниям К.Симонова, И.В.Сталин рекомендовал ей быть “левее” правительства в критике зарубежных оппонентов, не бояться критики в свой адрес со стороны руководства страны¹⁹. Другой свидетель — Илья Эренбург — ретроспективно конкретизировал: “Задача была воспитать презрение, ВОСПИТАТЬ НЕНАВИСТЬ к нашим сегодняшним недоброжелателям и нашим ЗАВТРАШНИМ ПРОТИВНИКАМ, — воспитать эту ненависть у огромного количества людей. Какова должна быть основная мишень? Ясно, — АМЕРИКА И АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ АМЕРИКАНЦЫ СТАРАЮТСЯ НАВЯЗАТЬ МИРУ”²⁰ (выделено мною — А.Ф.).

Постановлением Политбюро от 16 октября 1947 г. было санкционировано создание еще одной, уже международной газеты Информбюро “За прочный мир, за народную демократию!” Ее задачи определялись более конкретно: разоблачение “империалистической экспансии США”, правых социалистов, борьба против буржуазной идеологии, освещение опыта социалистического строительства в СССР, опыта антивоенной борьбы. Постановление определяло тираж — 110 тыс. экземпляров, который на первых порах распространялся на русском, английском, французском языках. Шеф-редактором был назначен советский представитель П.Ф.Юдин²¹.

Второй этап реорганизации пропагандистского аппарата, начавшийся летом 1947 г., в основном завершился в июле 1948 г. В июне 1948 г. с В.М.Молотовым было согласовано новое положение о Совинформбюро, по которому оно становилось основным органом распространения советской информации в зарубежных странах.

Начальником был назначен член ЦК ВКП(б) Б.Н.Пономарев²². СИБ находился в сильной зависимости от МИДа: его корпункты на местах финансировались посольствами. УПА было реорганизовано, вместо него 10 июля 1948 г. постановлением политбюро был образован Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (агитпроп). Заведующим отделом был утвержден Д.Т.Шепилов, а куратором — секретарь ЦК ВКП(б) М.А.Суслов. 9 августа оргбюро утвердило структуру отдела: 23 сектора, в том числе секторы центральных газет, местных газет, издательств, журналов, редакция газеты “Культура и жизнь”.

Кадры, которые решают почти все

Непосредственными исполнителями заданий Кремля по ведению психологической войны стали многие известные писатели и журналисты. Президиум и секретариат Союза определяли конкретные направления деятельности “Литературной газеты”. В ноябре 1947 г. в структуре иностранной комиссии ССП создали сектор “критики, информации и контрпропаганды”²³. В задачи сектора входило наблюдение за освещением прессой состояния советской и зарубежных литератур, т.е. формирование литературных вкусов советских людей, а кроме того — борьба с “проявлениями низкопоклонства перед буржуазным западом в нашей литературной среде”²⁴. Так организационно оформили то направление деятельности ССП, которое вел А.А.Фадеев: поиск внутренних врагов среди творцов “аполитичной” литературы.

Искренность и последовательность генерального секретаря ССП СССР не вызывает сомнений: активный участник гражданской войны, борец с различного рода уклонами в 20-30 годы, один из выдвиженцев И.В.Сталина, Фадеев продолжал защищать советскую власть на “литературном фронте”. Главным мотивом его деятельности был вывод, сделанный еще в ходе войны: западный “декаданс” и “формализм” порождены “антихудожественной”, “импотентной мыс-

лью” и не могут некритически переноситься в СССР. В мировоззрении Фадеева причудливо сочетались коммунистический мессионизм периода гражданской войны, державный патриотизм и панславизм 40-х годов, оригинально оформленные в духе народной ”карнавальной культуры”²⁵. В доносе на Генсека ССП в декабре 1947 года поэт И.Л.Сельвинский отмечал, что ”он любит говорить, что война показала, что и у русского народа ”тоже есть половой орган (извините, но это цитата!)”²⁶. Сельвинского пугали политические обвинения, которые выдвигал Фадеев в адрес ряда поэтов и писателей, в условиях, когда ”шовинизм снова подымает голову”. Поэт связывал новую тенденцию не с деятельностью государства, а с ”циничным отношением к демократии” бывшего РАППовца Фадеева.

Фадеев был жестким администратором, который без колебаний расправлялся с мнимыми врагами. Однако в 40-50-е годы в его душе уже зрел конфликт, который со временем приведет Фадеева к самоубийству. Внешне это выражалось в том, что он – талантливый литератор, не имел возможности наиболее полно выразить себя в творчестве, потому что был перегружен государственной и общественной работой. Не мог помочь своим коллегам преодолеть цензурные рогадки и остановить вал серых, антихудожественных произведений. Подвергался жесткой и во многом безосновательной критике за роман ”Молодая гвардия”, которую он был вынужден некритически принять – критика исходила от самого Сталина²⁷. В сущности, Фадеев страдал от того режима, апологетом которого был.

Не имея возможности решить этот не осмысленный им в тот момент конфликт, он поступал в соответствии с сомнительной давней российской традицией, искал истину в вине. Горести Фадеева разделяли его знакомый со времен гражданской войны писатель И.Чернев, написавший политически сомнительный, с точки зрения агитпропа, роман ”Семейщина”, а также поэт А.Твардовский, у кото-

рого все чаще, по-мнению Д.Т.Шепилова, наблюдались ”идеологические срывы”. Секретари ЦК партии знали о связях Фадеева²⁸, но не трогали сталинского ставленника.

Таким же жестким критиком Запада был и главный редактор “ЛГ” В.В.Ермилов. Как и Фадеев, Ермилов был в свое время членом ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Амбициозный чиновник, он не терпел даже намека на критику, жестко расправлялся с несогласными. Его безапелляционность была известна агитпропу, а методы фальсификации раздражали других пропагандистов. Забегая вперед стоит отметить, что в течение 1948 г. Ермилов получил два взыскания от ЦК ВКП(б) за публикацию под видом очерков “выдумок своих корреспондентов”, за голословные обвинения ряда министерств, извращение содержания партийно-советских документов “для целей внутренней пропаганды”. По мнению работников агитпропа, это отражалось на авторитете СССР в странах Восточной Европы²⁹. Но Ермилов продолжал оставаться на своем посту по воле высшего политического руководства страны и даже был награжден Сталинской премией в области литературы.

Выдвижение на первый план бескомпромиссных пропагандистов типа Фадеева и Ермилова было связано с возникновением “холодной войны”. Одновременно кремлевское руководство снимало с постов, понижало в должностях таких пропагандистов, как Г.Ф.Александров. Формальный повод для отстранения мог быть любой: “зазнайство”, “нескромность”, преклонение перед западноевропейской наукой и т.п. Однако причина была иной: происходила смена руководителей, которые в период Второй мировой войны и сразу после нее осуществляли более гибкую пропаганду в отношении ставших уже бывшими союзников — США, Великобритании.

Начальником обновленного пропагандистского аппарата стал в 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б) М.А.Суслов, который по совместительству возглавлял отдел

внешней политики ЦК. В 1949—1951 гг. он одновременно будет выполнять обязанности ответственного редактора “Правды”. Человек во многих отношениях невежественный, готовый без рассуждений выполнять приказы, Суслов после смерти А.А.Жданова в 1948 г. станет идеологом партии.

§ 2. Образ врага в системе советской пропаганды в сентябре 1947—августе 1949 гг.

Начало тотальной психологической войны

Осенью 1947 г. произошел решительный и крутой поворот в советской пропаганде, который ознаменовал начало “холодной войны”. Если еще в мае Сталин уважительно отзывался о строе, который выбрал американский народ, то уже в сентябре империализм США и Великобритании был объявлен врагом № 1.

Во второй половине 1947 г. в советских средствах массовой информации (СМИ) скачкообразно, в 2—4 раза, возросло количество материалов по таким темам, как “диктат” (или “колониальная политика”) США в Европе, примирительное отношение Запада к фашистским преступникам, “неминуемый крах” капитализма, “растленность” западной культуры, “лицемерие буржуазной демократии”¹. Советские газеты и журналы высмеивали политических деятелей Запада — У.Черчилля, Ш. де Голля, Л.Блюма, действия которых сравнивались с гитлеровскими. Пособниками империализма представляли социал-демократы, продажные профсоюзные боссы, реакционные круги европейских стран.

Читателя, слушателя, зрителя подводили к главному тезису: вся жизнь государства и общества политического противника организована так, что он не способен реалистически мыслить, а потому его действия опасны всему миру. В противовес западным ценностям с начала 1948 г. пропагандировался коммунистический идеал.

18 сентября 1947 г. в ООН выступил зам. министра иностранных дел А.Я.Вышинский. В речи “За мир и дружбу народов, против

поджигателей новой войны” он предъявил США и Великобритании небезосновательные претензии в срыве работы по запрещению атомного оружия, заявил о несовместимости планов Трумэна—Маршалла с принципами ООН. “Подготовка к новой войне, — продолжал Вышинский, — вышла уже из стадии голой пропаганды, психической обработки и игры нервов. Многочисленные факты говорят о том, что в некоторых государствах — в особенности это относится к США — военный психоз подогревается проведением в жизнь практических мероприятий военно-стратегического характера”². Это был недвусмысленный намек на знание Кремлем планов США о нанесении ядерных ударов по территории СССР, ответ на окружение страны сетью военных баз США. В числе “поджигателей войны” были названы 10 политиков и бизнесменов, однако среди них не было крупных государственных деятелей США и Великобритании.

“Литературная газета” же, используя свой неофициальный статус, пошла еще дальше. 20 сентября в первом номере реорганизованной газеты, в памфлете Б.Горбатова “Гарри Трумэн” президента сравнили с “маленьким ефрейтором из Мюнхена”, а его деятельность противопоставили Рузвельтовской. В то время как другие газеты 19 и 20 сентября ограничились публикацией речи Вышинского и комментариями к ней, часто из зарубежной прессы, “ЛГ” в последующих номерах под рубрикой “поджигатели войны” вывела “на чистую воду” Эйзенхауэра, Бевина, Маршалла (“Шейлок с Уолл-стрита”). И.Эренбург обрушился на западную культуру, Л.Леонов начал проповедовать “патриотизм не только для себя, но и для других”, подражательная страны Восточной Европы. Ведущие советские писатели — члены президиума и секретариата ЦСП СССР, выступили с коллективным письмом “С кем вы, американские мастера культуры?”, призывали коллег возвысить голос “против угрозы фашизма, против поджигателей войны”³.

Памфлет Горбатова привел к дипломатическому конфликту — обмену резкими по тону письмами В.М.Молотова и посла США У.Б.Смита. 1 октября 1947 г. в “Правде” министр иностранных дел СССР заявил о нежелании продолжать полемику, ибо “советское правительство не может нести ответственность за ту или иную статью”. Обвинения дипломатов в адрес печати страны-противника оказались зеркально противоположными: “увеличивается поток полуправды, искажений и абсолютной неправды о моей стране” — Смит; “помещают лживые и клеветнические статьи об СССР... разжигают вражду между народами” — Молотов. С этого момента и до 1951 г. западные политики были лишены возможности свободно высказывать свое мнение в советских газетах. Такие же меры принимались и на Западе в отношении советских государственных деятелей⁴.

Для создания образа врага пропагандисты систематически наращивали количество негативной информации о противнике, наносили точные удары в болевые точки. Так, яблоком раздора между бывшими союзниками по-прежнему оставалась Германия. В августе 1947 г., незадолго до своего смещения, Г.Ф.Александров по указанию А.А.Жданова дал разрешение опубликовать статью В.Кудрявцева “Рурская ставка американских монополистов” — несмотря на то, что она ничего не привносила в уже высказанную официальную точку зрения. “Однако, — писал Александров, — учитывая, что предстоит ноябрьская сессия Совета Министров и что имеется потребность в статьях о Германии, указанную статью т. Кудрявцева можно разрешить к опубликованию, как одну из статей, разоблачающих экспансионизм американской политики в Европе”. 4 октября новый начальник УПА Д.Т.Шепилов и редактор “Известий” Л.Ф.Ильичев поступили более гибко⁵: статья Кудрявцева так и не увидела свет, уступив место более свежим материалам: “Американская политика диктата” Б.Вронского; “Саморазоблачение Маршалла”

того же В.Кудрявцева; редакционной статье “Англо-американский капитал и рурский уголь”; серии статей П.Никитина “Письма из Германии”. Одновременно публиковались статьи типа “Победоносный путь к коммунизму” А.Леонтьева⁶. “Известия” внушали читателю ложные связи: одновременно с обвинениями американского государства в “фашизации”, газета широко освещала “процесс гитлеровских палачей из бывшего концлагеря «Заксенхаузен»”⁷.

Средство политики, пропаганда углубляла противоречия между супердержавами, превратилась в одну из причин раскола коалиции и “холодной войны”. В ноябре 1947 г. состоялся последний в 40-х гг. совет министров иностранных дел (СМИД), в котором принимала участие делегация СССР. Германский вопрос не был решен в духе Постдамских соглашений.

Вместе с тем, увеличение в октябре—ноябре 1947 г. общего количества антиамериканских материалов сопровождалось исчезновением статей с критикой государственных деятелей Запада. Впоследствии А.А.Фадеев так интерпретировал события осени 1947 г.: “Нам было позволено ругать напропалую всех главных людей из империализма. Потом оказалось, что для дела этого делать уже нельзя”⁸. Неудачная попытка сменить тактику предопределялась стремлением кремлевских руководителей договориться на основе своих предложений по Германии на ноябрьском СМИД, желанием сохранить единство держав антигитлеровской коалиции. Сдержанный оптимизм в данном вопросе опирался на неверный теоретический вывод академика Е.Варги по поводу “плана Маршалла”. Еще в августе 1947 г. в статье “Предстоящий экономический кризис в США и «план Маршалла»” Варга писал, что “претворение в жизнь “плана Маршалла”... ни в коем случае нельзя считать обеспеченным на том основании, что под давлением кризисных явлений американские налогоплательщики могут воспрепятствовать предоставлению Европе креди-

тов”⁹. Не желая провоцировать противную сторону критикой государственных деятелей, Кремль выжидал накануне и во время СМВД, а также во время обсуждения в конгрессе США плана Маршалла, надеясь на его отклонение.

Однако развитие “холодной” и “психологической войны” разрушило надежды советских руководителей. На рубеже 1947—1948 гг. участились идеологические схватки супердержав. Так, в январе 1948 г. государственный департамент США в сотрудничестве с английским и французским МИД издал сборник документов “Нацистско-советские отношения 1939—1941”, в котором советская сторона изображалась агрессором, одним из виновников развязывания Второй мировой войны. Реакция Кремля последовала незамедлительно: Совинформбюро под руководством Б.Пономарева уже в феврале подготовило и опубликовало справку “Фальсификаторы истории”¹⁰. Справка привела к более углубленной разработке образа врага. Обойдя тему секретных приложений к советско-германскому договору о ненападении, СИБ доказывал: США, Великобритания, Франция проводили политику умиротворения фашистского агрессора и срыва процесса создания системы коллективной безопасности; потворствовали развязыванию мировой войны. Это был удобный повод ударить по Г.Трумэну, еще в июне 1941 г. заявившему о задаче для США проводить предельно циничную стратегию в войне: поддерживать более слабую сторону, “и, таким образом, пусть они убивают как можно больше”. Ссылаясь на обмен посланиями Сталина и Черчилля начала 1945 г., авторы справки демонстрировали постоянную верность руководства СССР союзническому долгу, молчаливо обвиняя бывших союзников в обратном. Комментарии к “Справке” были опубликованы в феврале—марте 1948 г. всеми советскими газетами¹¹. 27 апреля Б.Пономарев уже докладывал А.А.Жданову о распространении документа в мировых СМИ: наибольшее количество во Франции, где

только “Юманите” обеспечила 500 тыс. экземпляров, наименьшее — несколько десятков тысяч экземпляров брошюр, фрагменты справки в газетах — в США и Великобритании¹².

Обогащение содержания образа врага

Публикация справки в “Правде” совпала, и далеко не случайно, с началом сепаратного Лондонского совещания министров иностранных дел США, Франции, Великобритании по германскому вопросу. Включение Германии в “план Маршалла”, чему всеми силами противостоял СССР, подтверждение решений франкфуртского совещания января 1948 г. о придании двухзонным органам правительственного характера оценивались Кремлем как еще один шаг на пути к созданию западноевропейского союза, направленного против СССР. Пропагандисты обвиняли США в расколе мира “на два лагеря”, нарушении Потсдамских соглашений¹³.

Своеобразной пропагандистской акцией стала публикация в феврале 1948 г. в “Комсомольской правде” “Заявления сотрудника посольства США в Москве послу У.Б.Смиту” Аннабеллы Бюкар. Перебежчица писала: “Хорошо зная, что работа посольства направлена против этого народа, я считаю несовместимым мои нынешние убеждения с дальнейшей работой в посольстве”, а также сообщала о своем желании остаться в России с любимым человеком¹⁴. Тем самым был нанесен удар по престижу дипломатической службы США, а советские пропагандисты получили еще одно свидетельство очевидца для доказательства населению СССР агрессивности администрации Трумэна. Подобные публикации способствовали выработке стереотипа отношения к любому иностранцу как к врагу, шпиону, изоляции советских людей от контактов с иностранными гражданами.

Внутриполитический конфликт в Чехословакии, победа коммунистов в феврале 1948 г. усилили пропагандистскую конфронтацию супердержав, особенно в странах Восточной Европы. В совет-

ской прессе, которую читали в государствах “новой демократии”, события освещались односторонне, как “провал заговора реакции в Чехословакии”. Трумэн и Маршалл реагировали на победу коммунистов лоббированием в конгрессе плана Маршалла, нагнетанием напряженности в мире и американском обществе. Потребовали от конгресса средства для усиления американской военной авиации. Значительную роль в распускании слухов о “коммунистическом заговоре” — “красной сети”, играл ФБР. Суть американских заявлений от 17 марта 1948 года по поводу чехословацких событий сводилась к необходимости укрепления военной мощи, “чтобы поддержать те европейские страны, которые находятся под угрозой коммунистического контроля”¹⁵.

В тот же день, 17 марта, в Брюсселе произошло оформление Западноевропейского союза (ЗЕС). В марте же Совет национальной безопасности США (СНБ) утвердил меморандум № 7 о разгроме сил мирового коммунизма. В документе отмечалось, что “при организации контрнаступления первоочередное значение придается Западной Европе”¹⁶.

Соответственно обогатилось содержание образа врага. Важным элементом пропаганды стала критика блоковой политики Запада — “брюссельского заговора против мира в Европе”¹⁷. Пропагандисты называли Англию, Францию, Бельгию, Голландию и Люксембург — государства, вошедшие в ЗЕС — “плацдармом американской экономической, идеологической, политической и военной экспансии”. В статьях подчеркивались процессы американизации Европы, продажность правительств стран-членов ЗЕС¹⁸. Критика блоковой политики Запада нарастала: если в 1 полугодии 1947 г. в журнале “Крокодил” было 2 материала на эту тему, то во второй половине — не менее 7; в 1948 г., соответственно, 8 и 11; в 1949 — 19 и 41¹⁹.

Другим важным элементом в формировании образа врага с начала 1948 г. становится дискредитация социал-демократов Запада. Задача пропагандистов облегчалась тем, что в правительствах Австрии, Западного Берлина, Финляндии и Франции посты министров внутренних дел занимали социалисты, а К.Эттли был премьер-министром Великобритании. В январе 1948 г. “Правда” опубликовала статью “О “демократическом социализме” Клемента Эттли”, в которой его концепция была названа “фальшивой”. 1 марта “Правда” обрушилась на “патриарха международного меньшевизма” — французского социалиста Леона Блюма. В целом социал-демократию называли “самыми верными слугами американского империализма”.

Подобные статьи имели еще один, скрытый от большинства советских людей, смысл и были направлены против негативных, с точки зрения Кремля, процессов в Восточной Европе. С началом “холодной войны” советское руководство резко изменило свою стратегию: если до 1947 г. И.В.Сталин, А.А.Жданов и Г.М.Димитров исходили из возможности национальных путей перехода к социализму в странах Восточной Европы, то с осени 1947 г. они встали на путь унификации идейных основ коммунистического движения, провозглашения советского опыта единственно верным. С весны 1948 г. работники ЦК ВКП(б) под руководством секретаря М.А.Суслова начали подготовку к устранению с политической арены лидеров-реформистов²⁰. “Правда” обеспечивала идеологическую подготовку этой акции, связывая негодные Кремлю идеи с лицами, объявленными врагами.

Одновременно проводилась кампания с целью духовной изоляции страны; насаждались национализм и державный патриотизм. Значительную часть этой работы выполняла “Литературная газета”. Газета начала новый виток мифотворчества о Веселовском; в статьях подчеркивалась “особость” всего русского и советского²¹. Поводом

послужила весьма диалектичная теория Веселовского о “странствующем сюжете” — повторении тех или иных сюжетов в фольклоре и литературах разных народов, проникновении старых образцов в “новое содержание жизни”²². В условиях “холодной войны” подобные теории не устраивали советских шовинистов вроде В.В.Ермилова. Для духовной изоляции страны они активно использовали образ врага.

В марте 1948 г. в содержании образа врага происходят качественные изменения. Если в феврале 1948 г. “поклонники” Веселовского — сторонники “компаративного литературоведения”, обвинялись только в “низкопоклонстве перед чужеземной культурой”²³, то 20 марта — через два дня после создания ЗЕС — теория русского литературоведа квалифицировалась “ЛГ” уже как “одна из разновидностей буржуазного космополитизма”. Веселовский и его сторонники обвинялись в игнорировании классовой борьбы народа за свободу, в “витании в мире мертвых абстракций”.

В передовой статье “ЛГ” 17 апреля “Укреплять и развивать лучшие национальные традиции” впервые было дано систематическое изложение содержания термина “космополит (-изм)”. Оно эволюционировало: от обозначения “низкопоклонника” перед заграничной культурой до “предатель”. “Граждане мира”, подчеркивала “ЛГ”, отбрасывают понятие национальной самобытности и независимости; глубоко враждебны интернационализму, своей родине, ее традициям, обычаям, культуре и искусству. Это порождение подхватывают “идеологи империализма, желающие уничтожить независимость народов всего мира путем создания блоков”. В статье ставилась задача вести непримиримую борьбу с проявлениями космополитизма у представителей интеллигенции, которые любят “щегольнуть западной «новинкой»”, “формалистическим вывертом или сомнительной эрудицией космополита”. Тот факт, что слово “новинка” было взято

в кавычки, не случайность, но последовательное проведение в жизнь политики насаждения “советского патриотизма” при помощи образа врага.

Превознесение всего советского сопровождалось контрпропагандистскими акциями. Так, в марте—апреле 1948 г. внимание советских пропагандистов было приковано к дискредитации фильма Альфреда Ньюмена “Железный занавес”, который рассказывал о похищении советскими шпионами американских ядерных секретов. 5 апреля 1948 г. Д.Шепилов обратился к А.Жданову с предложением опубликовать в нескольких газетах письма от имени Шостаковича, Прокофьева, Мясковского и Хачатуряна с протестом против использования их музыки в антисоветском фильме. 10 апреля Шепилов изменил план, предложил для публикации уже одно, но за подписью четырех композиторов письмо, исправленное согласно указаниям секретаря ЦК ВКП(б)²⁴. 11 апреля 1948 г. оно появилось в “Известиях”. При составлении письма Д.Шепилов использовал пропагандистский прием, характерный именно для периода “холодной войны”: из частного случая делались выводы о всей американской системе: “И если этим господам предоставлена в США полная возможность, в интересах политического шантажа, пренебрегать элементарными правами композиторов, чинить произвол и насилие над их творческим достоинством, — говорилось в письме, — то это лишний раз подтверждает, что в США процветают такие порядки и нравы, при которых права личности, свобода творчества и демократические принципы могут попираться самым бесцеремонным образом”.

В феврале—июне 1948 г. статьи, направленные против фильма, появились в “Культуре и жизни”, “Правде”, карикатура — в “Крокодиле”²⁵. Лукавство материалов состояло в том, что, справедливо осуждая использование без разрешения музыки композиторов, пропагандисты из политических соображений дискредитировали всю

американскую культуру. Статьи были рассчитаны не только на советских людей — в них реализовывались постулаты пропаганды, но и на народы стран Восточной Европы, где еще могли демонстрироваться подобные фильмы.

Появление «отщепенцев» в Восточном блоке

В июне 1948 года обстановка в Европе резко обострилась — началась блокада Западного Берлина советскими войсками. В условиях кризиса советское руководство стало нетерпимо относиться к любым фактам неподчинения союзников. Так, с точки зрения Кремля, югославское руководство допускало моменты авантюризма в проведении внешней политики, переоценивало достижения в “социалистическом строительстве” и претендовало на руководящую роль на Балканах. Особое негодование вызвало нежелание Тито предоставить СССР экономическую информацию о развитии страны. На втором совещании Информбюро 19—23 июня 1948 г. советские руководители в беседах с представителями компартий первыми затронули вопрос о возможном нахождении в югославском руководстве “агентов англо-американцев”. Руководители компартий Франции, Италии и стран Восточной Европы немедленно “вспомнили” факты, компрометирующие Иосипа Броз Тито. Руководитель Югославии превратился во “врага”, хотя в опубликованных документах совещания 1948 г. обвинения пока ограничивались “национализмом” югославского руководства²⁶. Кремль выжидал, рассчитывая на адекватную реакцию югославских коммунистов; прессе было разрешено освещать югославскую проблему только в рамках постановления Информбюро²⁷. Летом 1948 г. в адрес “националистов” направлялись критические стрелы в виде протестов югославских курсантов, выступавших против “раскольнических действий” ЦК КПЮ и утверждений белградского радио, что к ним якобы применяется насилие²⁸.

Корреспонденты советских газет, понимая, какую информацию от них ожидают, своими сообщениями из Югославии углубляли заблуждения правительства СССР. Так, журналист С.Борзенко — корреспондент “Правды”, 22 июля бодро рапортовал о все большем понимании населением Югославии “двурушнической политики руководителей страны”²⁹. Борзенко не смущало, что совсем недавно, 13 декабря 1947 г., “ЛГ” опубликовало отрывок из его романа “Утоление жажды”, в котором Тито представал “настоящим человеком”, вождем своего народа.

Таким образом, антагонизм между супердержавами углубил противоречия между СССР и Югославией, а значит, способствовал возникновению летом 1948 г. еще одной формы образа врага в лице югославского руководства.

Выпады против югославских сепаратистов проходили на фоне кампании против западных “космополитов” — последователей “плана Маршалла”, обосновывавших необходимость создания новых военно-политических блоков. Эту борьбу активно вела “Литературная газета”. Летом—осенью газета опубликовала статьи “Космополитический фашист” Б.Песиса, “Немецкие космополиты на американской службе” И.Фрадкина, “Глашатаи «атомной империи»” М.Юрьева и другие. К “космополитам” были причислены и французский литератор Бернанос, который требовал от французов признать Америку “своей дорогой родиной”, и “мировые федералисты” Г.Хотчинс и У.Холлидей, считавшие, что предотвратить войны на земле может только “мировое правительство”³⁰.

В ходе кампании зловещий термин “космополит”, обозначавший врага, окончательно обрел свое содержание, место и роль в системе советской идеологии. В статьях постоянно муслировалась мысль, что космополиты — “пятая колонна” США, антипатриоты, противники суверенитета своих стран. Формируя ненависть к любым

лицам, которых советское руководство причислило к “космополитам”, пропагандисты, с их точки зрения, воспитывали патриотическое сознание граждан.

Державные заботы духовных пастырей

Приспосабливая пропаганду под уровень политической и общей культуры широких масс и учитывая, что после войны резко возросла религиозность населения, советские пропагандисты использовали для формирования образа врага возможности русской православной церкви (РПЦ). Так, в феврале 1948 г. Д.Шепилов направил в “Журнал Московской патриархии” письмо схимницы Евгении из Горнего монастыря в Иерусалиме. В апреле оно было использовано журналом для ответа “американским клеветникам” — представителям Зарубежной русской православной церкви, эмиграции. Их обвинили в страхе перед властями США, в раскольнической деятельности и иезуитстве, фактически — в предательстве³¹.

Активность церковных властей стимулировалась в том числе и вполне земными благами. С начала 1948 г. РПЦ по разработанному совместно с партийными органами УССР плану ликвидировала униатские приходы в Западной Украине и превращала их в православные³².

С середины 1948 г. сотрудничество государства и церкви стало более систематическим. Для дальнейшего формирования образа врага за счет дискредитации католицизма, Ватикана, западной культуры были использованы торжества в Москве, посвященные 500-летию автокефалии (самостоятельности) РПЦ. Агитпроп и Совет по делам РПЦ заранее прорецензировали тексты выступлений церковных иерархов. В докладах профессора московской Духовной академии В.С.Вертоградова, архиепископа Казанского Гермогена, докторов-протопресвитеров Г.К.Костельника и Г.Ф.Костельника с исторических и богословских позиций резко критиковались Ватикан, католи-

цизм, экуменистическое движение и “англиканская церковь”. Они обвинялись в следовании интересам Вашингтона, искажении христианства, разжигании “двух мировых империалистических войн”, излишней любви к земным благам. “И если Ватикан сейчас призывает к “крестовым походам” против СССР, то он надеется в этой агрессии осуществить многовековые мечты римских пап о подчинении своему влиянию Русской Православной Церкви”, — заявил Г.К.Костельник. Совещание разработало конкретные меры, направленные на разоблачение “папства” и укрепление внутреннего единства РПЦ³³.

В решениях церковного совещания отразилась внутривнутриполитическая и идеологическая линии советского государства. Соответственно перестраивалась работа “Журнала Московской патриархии”. Журнал реализовывал основные постулаты советской пропаганды, приспособляясь к запросам верующих и исходя из своей специфики. Так, в июльском номере за 1948 г. рассказывалось о загнивании церкви на Западе и замечательной деятельности РПЦ, жизни в Советском Союзе. В сентябрьском и октябрьском были опубликованы статьи “Великое падение” и “Ватикан и его политика”, обличавшие связи католических иерархов с американским истеблишментом, а также прославлявшие “Октябрь”, “Труд”, РПЦ³⁴. Косвенно, через священников, агитпроп оказывал большое влияние на формирование консервативных политических установок граждан.

Обнаружение внутренних космополитов

Поиск “низкопоклонников”, начатый в 1947 г., продолжился летом—осенью 1948 г. Термин “космополит” по отношению к ним еще не применялся, но круг подозреваемых стремительно расширялся. В негативном контексте “Литературная газета” упоминала фамилии советского философа Б.М.Кедрова, специалистов в области языка А.А.Реформатского и М.Н.Петерсона; вновь критиковали А.Жебрака³⁵. Практически во всех газетах постоянно появлялись за-

метки и статьи о национальном первенстве в разработке пенициллина, создании аэроплана, электролампы. Профессор А.Добрянский, вдохновленный “животворной силой советского патриотизма”, смело утверждал, что “русская инженерно-техническая мысль всегда опережала в решающих областях мировую технику”³⁶.

Осень—зима 1948 г. — важный этап в формировании образа врага. Это определялось прежде всего ухудшением международной обстановки. Благодаря действиям разведки, прежде всего группы Кима Филби, советские руководители знали о далеко идущих планах своих противников. Так, директивы и меморандумы Совета Национальной безопасности США 20/1 (18 августа 1948 г.), 20/4 (23 ноября 1948 г.) предусматривали разработку планов ядерных бомбардировок СССР и ведение психологической войны. Американский истеблишмент был настроен решительно. Весной 1948 года, выступая перед активом республиканской партии, Аллен Даллес заявил: «Ставя перед собой задачу одержать победу в неортодоксальной войне с Советами, я полагаю, что мы, американцы, должны пренебречь государственными границами и устанавливать контакты непосредственно с отдельными людьми или группами в зарубежных странах»³⁷. Зимой 1948 г. вступила в завершающую фазу подготовка к созданию Североатлантического пакта (НАТО). Рухнула надежда сделать Израиль просоветским плацдармом на Ближнем Востоке: социал-демократы Израиля, как и их единомышленники в Европе, начали ориентироваться на США, а США — на них. Возрастала напряженность в советско-югославских отношениях.

Соответственно в СССР предпринимались меры по недопущению шпионажа³⁸.

Политическая конъюнктура — внутренняя и международная — диктовала потребность ужесточения идеологической борьбы против внешнего противника, а также дальнейшую изоляцию советского

населения от возможных влияний с Запада. Решить эти задачи в период “холодной войны” можно было только за счет насаждения образа врага и державного варианта советского патриотизма, которые не позволяли адекватно осмыслить общественные противоречия, сводя советские недостатки к проискам враждебных государств и личностей с “вонючими тенденциями” (А.Фадеев)³⁹. Поиском последних и занялись идеологические работники.

В начале сентября 1948 г. зам. заведующего агитпропом Л.Ф.Ильичев обратил внимание на “серьезнейшие ошибки в идеологической работе”⁴⁰ Всесоюзного театрального общества (ВТО), в частности, секции критиков. Его поддержал А.А.Фадеев. Пристрастность писателей понятна: в дотелевизионную эпоху именно критики формировали вкусы публики, воздействовали на репертуар театров, что сказывалось на гонорарах драматургов. Интересы узкой группы писателей, фактически монополизировавших “советскую литературу”, совпали со стремлением высшего руководства СССР изолировать страну и сплотить общество в кризисной обстановке; морально стимулировать трудовую деятельность граждан за счет насаждения “патриотизма”. Последнее было актуально: с начала 1949 г. в ЦК ВКП(б) приходило все больше документов, которые свидетельствовали о невыполнении планов развития страны во многих отраслях⁴¹.

Творческие работники, которых ЦК ВКП(б) считал своим идеологическим активом, должны были неукоснительно выполнять заказы государства, рекламировать те произведения, которые формировали выгодную номенклатуре информационную реальность.

Между тем, столкновение частных интересов двух враждующих творческих группировок в конце ноября—начале декабря 1948 г. позволило руководству страны выявить неприятную истину: в критической международной обстановке в среде творческо-идеологических работников нет единства мнений. На совещании критиков и драма-

тургов в агитпропе ЦК ВКП(б) и всесоюзной творческой конференции, обсуждавших проблемы советской драматургии и театра, даже зав. сектором искусств агитпропа Б.С.Рюриков говорил о “засахаренных героях” советских пьес, увлечении “производственной” тематикой в противовес “частной жизни”. Рюриков готовил проект очередного “разносного” постановления ЦК по вопросам драматургии и не скрывал своего отношения к творчеству драматургов. Между тем, высшее советское руководство уже сделало выбор в пользу драматургов, которые должны были показывать “новых людей, новые общественные отношения, роль большевистской партии в строительстве коммунизма”⁴².

Однако критики, вдохновленные поддержкой зав. сектором искусств агитпропа, на всесоюзной творческой конференции нелояльно отнеслись к заказным произведениям. А.М.Борщаговский, штатный критик журнала “Новый мир” и зав. литературной частью Центрального театра Советской Армии, в докладе “Связь советской драматургии с московскими театрами” отмечал, что последние пьесы драматургов умозрительны, в них царит дух менторства, который оставляет зрителя равнодушным, и неинтеллигентны, в смысле неумения понять и поддержать советского человека. Он критически отозвался об образе секретаря парторганизации в пьесе А.Штейна “Закон чести”. Известный драматург Н.Ф. Погодин увидел причины отставания драматургии в “директивности”. Драматург Л.А.Малюгин заявил, что зрителя раздражает “потеря чувства правды” в пьесах, тем более в условиях, когда зритель “живет пока еще трудно”. Главный режиссер Центрального театра Советской Армии А.Д.Попов осуждал Комитет по делам искусств за равнодушие к театральному делу. И только режиссер Малого театра К.А.Зубов, в противовес остальным докладчикам, апологетически восславил новую советскую драматурию, заме-

тил: “Надо во всем искать ответственность ни в ком другом, кроме как в самом себе”⁴³.

“Литературная газета”, отражая неопределенность ситуации, 4 декабря 1948 г. критически оценила выступление Зубова.

Необходимо отметить, что все докладчики оставались на позициях преданности идеям социализма. Их выступления против монополизма в искусстве выражали те тенденции в их кругах, которые требовали определенной свободы, конкуренции с другими группами писателей, а также неприятие “квасного патриотизма” бездарных писателей типа А.А.Сурова, дискредитирующих, по мнению докладчиков, псевдотворчеством советскую драматургию. Разногласия драматургов и критиков отражала спектр взглядов на общие причины недостатков, которые существовали в советском обществе во всех сферах общественной жизни и деятельности⁴⁴.

Высшее политическое руководство СССР не могло допустить подобного среди идеологического актива. Проект постановления ЦК ВКП(б) по драматургии был исправлен согласно требованиям руководства, а потом забыт. Против театральных критиков и примкнувших к ним драматургов выступили представители “партийной драматургии”. Генсек ССП А.А.Фадеев, председатель комитета по делам искусств П.И.Лебедев в первой половине декабря согласовали позиции⁴⁵. Главный редактор “Правды” П.Н.Поспелов квалифицировал как патриотическое только выступление К.Зубова⁴⁶. Патологическую реакцию продемонстрировала сотрудница “Известий” А.Бегичева. В письме в ЦК она безапелляционно отметила: “В искусстве действуют враги”⁴⁷.

Враждебно настроенные к любому инакомыслию, советские руководители были склонны поддержать и развить подобные крайние точки зрения. Кроме того, выступления критиков, направленные против заказных произведений, воспринимались как антигосударствен-

ное и антипартийное действие. Так, пьеса А.Штейна “Закон чести” (“Суд чести” в кинематографическом варианте) была рекомендована Политбюро к экранизации в июне 1948 года. В аннотации отмечалось: “Фильм о борьбе с проявлениями низкопоклонства перед буржуазной наукой, о воспитании чувства высокого общественного долга, преданности интересам советского государства и о национальном достоинстве советских людей”⁴⁸.

Критики из ВТО были подвергнуты морально-политическому уничтожению на XII Пленуме правления ССП⁴⁹. 23 декабря 1948 г. Б.С.Рюриков и его подчиненный — инструктор В.Прокофьев, были обвинены партбюро агитпропа в слабом контроле за ходом выполнения постановления ЦК ВКП(б) “О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению”⁵⁰. В тот же день — интересное совпадение — завершилась реорганизация внешнеполитического отдела ЦК ВКП(б), приспособленного для ведения “холодной войны”, а также опубликована в “Правде” статья А.Софронова, в которой критики были классифицированы как “космополиты”⁵¹.

Мифологизация и унификация образа внутреннего врага

Однако в преддверии создания НАТО советские руководители не могли ограничиться идеологической проработкой узкой группы никому не известных критиков. В первой половине января 1949 г. шла подготовка к гораздо более масштабной и интенсивной кампании, с помощью которой можно было бы воздействовать на широкие слои интеллигенции, а через нее — на весь народ. В январе 1949 г. многим партработникам стало ясно, что для решения поставленной задачи — развития “советского патриотизма” — кремлевское руководство выбрало не употреблявшееся в советское время средство — антисемитизм, при помощи которого должен был распространяться образ врага. Так, Д.Т.Шепилов не стеснялся бравировать антисемитизмом во внутренних документах ЦК ВКП(б). Но националистический

момент всегда связывался с социально-политическим — подчеркивалась “буржуазность” “космополитов”⁵². Подобная тактика не позволяла напрямую обвинить в шовинизме партработников, но потрафляла самым низменным инстинктам нижестоящих работников аппарата и бытовому антисемитизму.

Использование антисемитизма в пропагандистских целях было распространенным явлением в мире. Например, в США в 1948—1949 гг. антисоветская кампания включала в себя и моменты антисемитизма. На руководителей СССР влияла также политическая конъюнктура — переход Израиля на сторону США после всего того, что сделал СССР для создания еврейского государства. Для военно-политического соревнования с Западом советская номенклатура должна была мобилизовать все имеющиеся ресурсы, обеспечить морально-политическое единство тыла, под которым подразумевались и страны Восточной Европы.

Решить подобные задачи можно было только за счет мифологизации образа врага: того, который мог находиться рядом с каждым конкретным советским человеком — на предприятии, в учебном заведении, среди соседей по дому. Все это делало евреев удобным объектом атаки. ЦК ВКП(б) пошел по пути бывшего царского правительства.

Формируя “образ врага” в лице “космополитов”, советские пропагандисты опирались на исторически характерные для части русского и других народов СССР антисемитизм, стремление к уравнительности, авторитаризм, патернализм, ненависть к чиновникам, недоверие к Западу⁵³.

Ударным отрядом в борьбе за “патриотизм” против “космополитов” стал агитпроп и ССП СССР. Связанные с властью материальными и идеологическими интересами А.Фадеев, Вс.Вишневский сознательно и искренне боролись с “врагами”. Их идеологию разделял

К.Симонов⁵⁴, а также молодые журналисты и драматурги типа А.Сурова, главным мотивом поведения которых были карьерные соображения.

Кампания началась 28 января 1949 г. с публикации “Правдой” статьи “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”. Газета использовала весь наработанный агитпропом при помощи “ЛГ” материал и штампы. В статье констатировалось, что критики И.И.Юзовский, А.С.Гурвич, Л.А.Малюгин, А.М.Борщаговский, Г.М.Бояджиев, Е.М.Холодов, Я.Л.Варшавский проповедовали систему антипатриотических взглядов. Буржуазное эстетство и формализм, равнодушие к нуждам народа якобы привели их к стремлению “оболгать национальный советский характер”. Это выражалось в критике произведений, отмеченных Сталинской премией, критике Малого театра и МХАТа за постановку “патриотических пьес”, а также публицистических моментов в творчестве А.М.Горького. Ставилась задача разгромить систему космополитических взглядов и восславить советскую драматургию, которая показала “животворную силу советского патриотизма”; сделала тем самым массовым героизм в СССР; вознесла советского человека выше представителей буржуазного мира. Статьи в “Литературной газете” 29 января и “Культуре и жизни” 30 января повторяли основные положения правдинской. “Советское искусство” и другие газеты ограничились перепечаткой статьи из “Правды”.

Статья говорила только о крохотной группе “антипатриотов”, занимавших ничтожные должности в советской бюрократической системе. Однако ЦК партии обязал редакторов газет обратить внимание на данную статью⁵⁵ и использовать ее в пропаганде советского патриотизма.

По мере развертывания кампании лексика газет в отношении “космополитов” менялась. Новоявленным врагам старались припи-

сать все идеологические, политические, социальные, эстетические антиценности, которые были знакомы простым советским людям и определяли содержание образа внутреннего врага. Журналисты изошрялись в подборе ярлыков и сравнений: “антипатриотическое, космополитическое, гнилое отношение”, “цедея сквозь зубы слова барского поощрения”, “гнусно хихикает”, “вредный, облеченный в заумную форму бред”, “гнусный поклев”, “по-хулигански третировал”, “бред фашистских мракобесов”, “двурушники космополиты и их подголоски”, “диверсант от театральной критики, литературный подонок Борщаговский”, “зловоние буржуазного ура-космополитизма, эстетства и барского снобизма”⁵⁶.

До 2 февраля “общественность” в лице узкого круга художественной интеллигенции Москвы и Ленинграда на первых собраниях осудила “космополитов”, одобрила статьи в “Правде” и “Культуре и жизни”, а также предложила свои кандидатуры, в основном из числа бывших формалистов⁵⁷.

Наглядным пособием для судилищ стал фильм “Суд чести” (сценарий А.Штейна, режиссер А.Роом). Подробная рецензия с актуальными выдержками из сценария была помещена в “Правде” еще 25 января 1949 г.

Проведение кампании было поручено “Литературной газете” и “Советскому искусству”. Это вызвало обиду, недовольство и растерянность у редакторов других газет. Так, два месяца спустя редактор “Труда” Н.А.Куликов на совещании редакторов газет ставил перед М.А.Сусловым вопрос: “Мне припоминается, что на последнем совещании редакторов (тогда уже были опубликованы статьи в “Правде” и “Культуре и жизни”) возникал такой вопрос, как быть другим газетам? Никакого ответа на это мы не получили”⁵⁸. Скрывая замысел руководства ограничиться рамками нематериальной сферы и услугами только двух газет, представитель “Правды” В.М.Кожевников ука-

зал Куликову на необходимость самостоятельности в постановке “партийно-принципиальных вопросов”⁵⁹. Другие редакции должны были действовать на свой страх и риск.

Цели и задачи внутренней антикосмополитической кампании не скрывались. “Литературная газета” в передовых статьях от 12 февраля, 2 и 19 марта 1949 г. разъяснила, что главное — разгром “космополитизма”, “обогащение патриотического сознания интеллигенции”, искоренение “низкопоклонства перед буржуазным Западом”.

2 марта образ врага был унифицирован. В статье члена союза писателей А.А.Елистратовой “Предатели народов” утверждалось: “В какие бы одежды он ни рядился, под каким бы псевдонимом он ни выступал — под видом ли панамериканизма, католицизма, сионизма или под любым другим наименованием, — космополитизм активно служит интересам империалистической реакции”. Неопределенность, многозначность термина, так и не раскрытая до конца, позволяла легко манипулировать им, использовать как универсальное орудие пропаганды. Вместе с тем, отдельные признаки космополитизма могли играть самостоятельную роль при дискредитации граждан.

Антикосмополитическая кампания способствовала формированию в том числе образа внешнего врага. Особенностью информационного потока I полугодия 1949 г. о международной жизни было резкое увеличение количества статей об американском образе жизни; продажности и лживости западных средств массовой информации (СМИ); блоковой политике Запада; плане Маршалла. Уменьшилось количество сравнений западных явлений с фашизмом, изображение кризисных явлений в экономике⁶⁰. Не потому, что советские идеологи поменяли мнение: потому, что это считалось само собой разумеющимся и должно было уступить место новой информации. На стра-

ницах газет постоянно соседствовали статьи типа “Зримые черты коммунизма” и “Американские людоеды”⁶¹.

Механизмы создания образа врага во время “охоты на ведьм”

В ходе кампании формирования образа врага, закрепления его в общественном сознании использовались такие формы воздействия, как собрания творческой интеллигенции; заседания партийных комитетов; ученых советов; периодическая печать⁶²; фильмы, пьесы, книги и рецензии на них.

На собраниях деятели искусств и ученые единодушно одобряли опубликованные в “Правде” и “Культуре и жизни” статьи, услужливо приводили иные “факты” деятельности группы театральных критиков, подтверждающие их “вину”. Список “космополитов” начал быстро расти. На партсобрании ССП СССР 9—10 февраля писатели немедленно обвинили в “космополитизме” не только театральных, но и литературных критиков, прежде всего И.Л.Альтмана, Л.М.Субоцкого, Ф.М.Левина, Б.Л.Дайреджиева, Д.С.Данина, Б.В.Яковлева (Хольцмана). Хольцман потянул за собой цепочку из “Лейтеса, Ленобля, Костелянца, Фейгельмана”. Еврейские писатели осуждались за якобы распространенные среди них “националистические, сионистские настроения”, за связь с арестованными ранее писателями И.М.Нусиновым, И.С.Фефером. Не случайно на собрании зашел разговор о “тайном сговоре” “космополитов”. Олицетворение образа врага в лице конкретных носителей “космополитизма”, его мифологизация способствовали разжиганию низменных эмоций, шовинистических настроений, преодолению критического мышления участников собраний. В угаре “патриотического возбуждения” люди становились управляемыми, чем пользовались организаторы кампании для внедрения в общественное сознание пропагандистских установок, образа врага. Так, доктор филологических наук, сотрудник института Мировой литературы Т.Л.Мотылева в своей объяснитель-

ной в ЦК ВКП(б) отмечала, что партийное собрание, на котором разбиралось ее персональное дело, проводилось в “сенсационном тоне”, ей задавали порочащие вопросы и не выслушивали ответы. На ученом совете, где разбор дела продолжился, атмосфера была такова, что все проголосовали за формулировку руководства, а потом, отмечала Мотылева, в “личных беседах... выражали мне сочувствие”. В содержание обвинений входило создание “антипартийной группы”, делались попытки изобразить ее “еврейской националисткой”. Кампания произвела “гнетущее впечатление на честных беспартийных ученых”, не могла не отметить Мотылева⁶³.

Лицемерный конформизм и психологическая забитость ученых перед властью были следствием «обогащения патриотического сознания». Агитпроп стремился к иному – к сознательному усвоению гражданами установок пропаганды, но получилось «как всегда».

После четырехмесячного испытательного срока Т.Л.Мотылева по распоряжению М.А.Суслова была направлена на работу в Государственный библиотечный институт, т.е. была понижена в своем профессиональном и социальном статусе⁶⁴. За редким исключением подобная участь была уготована всем так называемым космополитам. Сломанные нищетой, боязнью репрессий, возмущенные тем, что их перестали считать советскими гражданами, “космополиты” направляли покаянные письма в ЦК ВКП(б)⁶⁵.

Специфика аудитории определяла способ действия пропагандистов. Если газеты писали только о выгодности действий “космополитов” внешнему врагу, то на заседании ученого совета Всесоюзной политической академии им. В.И.Ленина (ВПА) 21 марта зам. заведующего агитпропом Ф.М.Головенченко добился принятия постановления, в котором “безродные космополиты” были названы “прямой агентурой империалистической реакции, врагами советского патриотизма”⁶⁶.

Широкое использование образа врага способствовало сплочению советской бюрократии, вовлечению в кампанию сомневающихся, колеблющихся. Так, А.Суров и редактор “Советского искусства” В.Вдовиченко пытались обвинить в “космополитизме” К.Симонова и Б.Горбатова из карьерных соображений. Ход доносам не был дан, но провокационный маневр вынудил Симонова выступить с докладом на московском собрании драматургов и критиков, твердо заверив руководство партии в своей преданности⁶⁷.

Материалы собраний с заметной редакцией публиковались печатью. В них устранились те высказывания, которые могли быть истолкованы как прямой антисемитизм. Акцент делался на антипатриотизме “космополитов”, их низких моральных качествах, “двурушничестве”. Обвинители требовали сурового наказания для “космополитов”.

Низкопоклонство перед Западом искали и в молодежной среде. В конце 40-х годов стали появляться факты нового неприятного для советских идеологов явления в среде “золотой молодежи” — сыновей и дочерей номенклатурных работников, получившего название “стиляжничество”. В марте 1949 г. на страницах “Крокодила” появилась статья Д.Беляева “Стиляга”. В ней так объяснялась сущность нового феномена: “Стиляга знаком с модами всех стран и времен, но не знает, как вы могли убедиться, Грибоедова... Стиляги не живут в полном и в нашем понятии этого слова, а как бы сказать, порхают по поверхности жизни”. После нескольких сравнений героя статьи с животными автор определил стереотип отношения к нему: “хочется плюнуть”⁶⁸.

В ходе кампании содержание образа врага постоянно обогащалось. Публицисты и писатели из национальных республик — Азербайджана, Таджикистана — обнаружили, что космополитизм и наци-

онализм в их регионах проявляется в форме паниранизма, панисла-мизма, пантюркизма, течения “фиюзатистов”⁶⁹.

В искусстве признаками “космополитизма” были признаны декаденство, формализм, “искусство для искусства”. Признаками вражеской деятельности считались также упоминания критикуемого о “всечеловечности” того или иного писателя, “преклонение” перед мировой наукой, культурным объединением Западной Европы, “общемировой еврейской культурой”. Аппаратные работники и деятели искусств словно забыли указание канонизированного вождя коммунистов В.И.Ленина обогащать свою память знанием всех богатств, которые выработало человечество. Кинорежиссер И.Пырьев, как и многие другие, считал совсем наоборот: мол, советское киноискусство не имеет зарубежных отцов и матерей и идет “особой коммунистической дорогой”⁷⁰. Образ врага по-прежнему использовался для духовной изоляции СССР и навязывания работникам искусств и всему населению идеологических догм, выгодных номенклатуре.

Психологической обработке были подвергнуты и представители науки. Ю.Францев, А.Югов, академик М.В.Митин разоблачали генетику как расовую теорию современного империализма. Содержание образа врага расширялось: Митин утверждал, что вейсманисты были “космополитическим отрядом” в биологии. Честь разгрома этого “немецко-американского лжеучения” Югов приписывал “ученому сталинской эпохи” Т.Д.Лысенко. Метод разоблачителей характеризуется подменой понятий, примитивизмом и утилитаризмом; шла игра на невежестве читателей. Так, профессор Студицкий, вместо разоблачения идеологических спекулянтов на данных генетики, обрушивается на самих менделистов, обвиняя их в расизме; сам превращается в спекулянта⁷¹.

Подобными приемами воинствующие мракобесы от науки окончательно закрепили за собой первенство в научных учреждени-

ях. В науке и обществе при помощи образа врага насаждался авторитаризм, нетерпимость к инакомыслию, антиинтеллектуализм — важнейшие характеристики бюрократии.

ЦК коммунистической партии способствовал возникновению и закреплению у граждан качеств, прямо противоположных заявленным в Программе ВКП(б). Вместо «постоянного повышения уровня культуры, организованности и самостоятельности масс» пропагандисты объективно возвращали у запуганных людей конформизм и индивидуализм — как раз то, за что критиковали представителей буржуазного общества.

Драматизируя ситуацию, “Литературная газета” все два месяца проведения кампании пыталась утвердить представление о некоем “заговоре” космополитов. С этой целью постоянно публиковались ничем не подтвержденные высказывания участников собраний о заговоре космополитов, использовалась терминология спецслужб. “Теоретиками” группы были признаны восемь человек: семь названных “Правдой” и Альтман. Их деятельность, якобы, выходила далеко за рамки Москвы. В Ленинграде их “соучастником” был объявлен кинорежиссер С.Д.Дрейден. Через “связника” Н.А.Коварского, “кинокосмополита”, театральные критики, мол, осуществляли связь с главой ленинградских кинокосмополитов Л.З.Траубергом. Последнего “связали” с “буржуазным космополитом” В.А.Сутыриным, который на деле был ответственным секретарем ССП, старым коммунистом. “Оруженосцами” Трауберга были объявлены М.Ю.Блейман, Н.Д.Оттен и “другие”. Метастазы заговора местные партийно-советские работники обнаружили в Харькове, Киеве, Минске. На собраниях и в отчетах муслировалась идея о “диверсионных” методах “космополитов”, в том числе шантаже, угрозах, клевете, запугиваниях в адрес драматургов-патриотов⁷².

В течение кампании “Литературная газета” поместила не менее 42 статей антикосмополитической направленности⁷³ (для сравнения: “Правда” — 9). Они нашли отклик в читательской среде: в январе 1949 г., по свидетельству В.В.Ермилова, редакция получила 1175 писем, посвященных разоблачению “врагов”, в феврале — 1469, марте — 1685, апреле — 1459⁷⁴. Наиболее типичным из них оказалось письмо старого большевика Маркова, опубликованное “ЛГ” 12 февраля под заголовком “Живые трупы”. Рабочий благодарил партию за защиту советского, “самого передового искусства в мире” и “разоблачение вредной антипатриотической группы космополитов”. Другие читатели, в духе пропаганды, отмечали отрыв “космополитов” от народа, “омерзительность писаний отщепенцев”, “клеветническую деятельность бродяг-космополитов”, выгодность их деятельности Западу⁷⁵.

Так же последовательно, хотя и в меньшем масштабе, вели кампанию газета “Советское искусство” и самый популярный журнал “Крокодил”. Редакция газеты заранее подготовилась к систематической травле семи критиков. Уже 29 января газета опубликовала статью “Политическое лицо критика Юзовского”, 5 февраля — в следующем номере — “Двурушник Борщаговский”, 19 февраля — “Буржуазный националист Альтман”, 26 февраля — “Враг советской культуры Гурвич”, 5 марта — “Разоблаченный клеветник Малюгин”, 12 марта — “Эстетствующий антипатриот Варшавский”, 19 марта — “Политический хамелеон Холодов (Меерович)”. В заголовках статей акцент делался на одном из отрицательных в советском обществе качеств, которые в совокупности приписывались каждому из критиков и «группе» в целом.

В журнале “Крокодил” за два месяца появилось не менее десятка материалов. 20 марта редакция сообщила, что и в их рядах были антипатриоты — “эстеты-остряки типа Бермонта и Кроткого (он

же Герман)”. “Бандиты космополитического пера, низкопоклонники перед реакционной и продажной западно-буржуазной литературой, немало вредили на фронте сатиры и юмора”, сообщалось в редакционной статье “Цитируя классиков”. Важной особенностью журнала было использование рисунка, карикатуры на “космополитов”.

Одновременно с “разоблачением” деятельности так называемых космополитов продолжалась критика политики Запада. В I полугодии 1949 г. только “ЛГ” поместила более пятидесяти статей внешнеполитической направленности К.Симонова, К.Федина, В.Лациса и других, которые были посвящены борьбе за мир, против создания Северо-Атлантического союза⁷⁶. Разоблачались американский образ жизни, неомальтузианские теории наиболее правых кругов Запада. В совокупности они создавали негативный образ США. Лично Ермилов считал наиболее удачными статьи А.Сурова “Американские гаулейтеры”, посвященной разоблачению администрации по реализации “плана Маршалла”, и В.Лукашевича “Кто угрожает американскому народу”, в которой врагом народа назывались американские монополисты — производители оружия, не заинтересованные в мирной политике США⁷⁷.

Таким образом, за счет шельмования маленькой группы творческих работников, ученых в обществе поддерживалось психологическое напряжение; внедрялся в массовое сознание новый образ врага и пресекались в зачатке идеи, развитие которых могло бы со временем привести к переоценке социально-экономических и политических структур советского общества. Фокус внимания людей перемещался на деятельность различного рода “врагов”. “С негодованием говорили многие драматурги об испорченных творческих биографиях, о погубленных замыслах, о ненаписанных пьесах, об энергии, бесплодно растроченной на преодоление преград”, — подводила итоги “деятельности” космополитов редакция “ЛГ” в отчете о собрании

драматургов и критиков Москвы. Подобные выступления оценивались как свидетельство “углубления и обогащения патриотического сознания... зрелости политических выводов, партийности мысли”⁷⁸.

Представляется, идеологические кампании были нужны именно для того, чтобы законсервировать выгодные номенклатуре общественные отношения, а противоречия общества объяснить действиями «врагов».

Новые планы

В третьей декаде марта антикосмополитическая кампания пошла на спад. За время ее проведения было “разоблачено” столько “космополитов”, что возникла угроза существованию одной из основополагающих идеологических догм — о морально-политическом единстве советского общества. Несмотря на все усилия руководства СССР блок НАТО был создан 2 апреля 1949 г., и продолжение кампании могло бы создать впечатление, что кремлевские руководители нервничают и боятся. Еще одну причину прекращения кампании указал позднее редактор раздела внутренней жизни “ЛГ” Н.С.Атаров: “Мы сбавили тон в силу большого противодействия ведомств”⁷⁹. Советские ведомства были раздражены не только безграмотностью критики в свой адрес со стороны газеты, но и самим фактом кампании “критики и самокритики”, при помощи которой политическая номенклатура стимулировала трудовую активность хозяйственной.

В результате 29 марта 1949 г. на совещании редакторов центральных газет М.А.Суслов предложил газетчикам “осмыслить” ситуацию и прекратить публиковать “крикливые” статьи. Выступивший на совещании В.В.Ермилов продемонстрировал понимание планов руководства: “Борьбу за советский патриотизм против буржуазного космополитизма газета будет вести гораздо более углубленно”⁸⁰. Подразумевалось делать акцент на утверждении позитивных советских ценностей и масштабном разоблачении внешнего врага.

Партийная установка была закреплена 7 апреля "Правдой", опубликовавшей последнюю статью антикосмополитической кампании — "Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции", написанную Ю.Павловым. О внутренних "космополитах" в статье ничего не говорилось. "Правда" начала кампанию, она же поставила в ней и точку.

Первыми откликнулись на новые указания ЦК партии руководители ССП. Уже 1 апреля К.Симонов направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкова проект предложений "О мероприятиях по усилению антиамериканской пропаганды". В течение апреля—мая его существенно переработали и превратили в комплексный агитпроповский "План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время"⁸¹. Одобренный секретариатом ЦК ВКП(б), он характеризовался предельной конкретикой, явной грубостью и прямолинейностью в изображении противника. План предусматривал "систематическое печатание материалов, статей, памфлетов, разоблачающих агрессивные планы американского империализма, антинародный характер общественного и государственного строя США, развенчивающих басни американской пропаганды о "процветании" Америки, показывающих глубокие противоречия экономики США, лживость буржуазной демократии, маразм буржуазной культуры и нравов современной Америки". Документ четко расписывал деятельность средств массовой информации, в том числе и "ЛГ", институтов философии, экономики АН СССР, ССП, издательств. План не предусматривал изображение каких-либо позитивных моментов жизни государства-противника. В результате даже верная, но односторонняя информация об американских противоречиях неминуемо должна была уродовать восприятие мира и мышление советских людей. Общие положения конкретизировались тематическими тезисами, на десятилетия ставшими основой советской пропаганды: "Капитали-

стические монополии США — вдохновители политики агрессии... США — главный оплот международной реакции... Североатлантический пакт — орудие агрессии англо-американского империализма... Американские империалисты — душители свободы и независимости народов... Монополии вскармливают фашизм на американской почве.. Демократия в США — лицемерное прикрытие всевластия капитала... Прогрессивные силы США в борьбе за мир и сотрудничество народов... США — страна национальной и расовой дискриминации. Миф о всеобщем равенстве и равных возможностях для всех в США... Под страхом нового экономического кризиса... Вырождение культуры в США. Космополитизм на службе американской реакции... Наука на службе американских монополий. Проповедь аморализма и звериной психологии в США. Продажная американская печать... Преступность в США”.

Казалось, ничего нового по сравнению с тем, что пропагандировала печать в предыдущие два года, план не нес. Кроме одного: под руководством агитпропа на отпор врагу была мобилизована вся пропагандистская машина, работа стала более систематической, целенаправленной, комплексной. Вместе с тем, тот факт, что секретариат ЦК ВКП(б) утвердил план в рабочем порядке, без протоколирования, говорит об известной осторожности Кремля: информационная политика могла быть скорректирована или изменена в случае более благоприятной международной обстановки.

В течение второй половины года и в дальнейшем увидели свет художественные, историко-популярные и философские книги и брошюры, в которых формировался образ американского врага⁸². Наиболее оперативно сработала печать. Так, уже в мае 1949 г. журнал “Огонек” поместил фоторепродукции картин и скульптур западных модернистов, в том числе Сальвадора Дали. В комментарии президента Академии художеств А.М.Герасимова содержится квинтэссен-

ция советского понимания образа врага. В полотнах ведущих буржуазных живописцев, считал академик, отражаются “ИДЕИ ВОИНСТВУЮЩЕГО ИМПЕРИАЛИЗМА С ЕГО РАСОВОЙ НЕНАВИСТЬЮ, ЖАЖДОЙ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА, КОСМОПОЛИТИЗМОМ, ЗООЛОГИЧЕСКИМ ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИЧЕСТВОМ, ОТРИЦАНИЕМ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ПОДЛИННОГО РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА”⁸³ (выделено мною — А.Ф.).

Комментарий Герасимова иллюстрирует еще один метод советских пропагандистов. Психологические установки по всем признакам образа врага формировались с расчетом, что каждая из них воспроизведет в сознании граждан весь стереотип.

Во второй половине 1949 г. агитпроп и пресса в 1,5—4 раза увеличили количество критических материалов по американскому образу жизни и культуре. В исполнении плана антиамериканской пропаганды лидировали “ЛГ”, “Крокодил”; быстрые темпы возрастания количества подобных материалов отмечены в “Огоньке”⁸⁴.

Третий враг, тройной удар

В I квартале 1949 г. советские пропагандисты оперировали двумя основными формами образа врага: первый — американский империализм и его сателлиты; второй — внутренний враг — “космополит”. Между тем, по мере нарастания противоречий с югославским руководством, в ЦК ВКП(б) накапливались материалы об антисоветской деятельности Тито и его единомышленников. Информаторами выступали в том числе и перебежчики, которые охотно подтверждали мнение советского руководства о правительстве Югославии. Так, Михайло Панайотович и Томин Урош 15 апреля составили подробный отчет о положении в Югославии, прежде всего в университетской среде, знакомой им по учебе в загребском университете. Перебежчики констатировали перерождение “клики Тито”: отметили роскошную жизнь чиновников, бедность и террор в деревне, нищету ра-

бочих, подчинение страны англо-американцами. “Времена оккупации кажутся прекрасными по сравнению с нынешним положением”, — резюмировали авторы. Они дали списки известных им “титовцев” и его противников⁸⁵. После идеологической обработки многие студенты и курсанты, обучавшиеся в СССР, пожелали выйти из рядов КПЮ, вступить в ВКП(б) и получить советское гражданство⁸⁶.

Основную тяжесть идеологической войны против югославского руководства взяла на себя «Правда». Уже только заголовки статей показывают содержание и цели кампании: “Клика Тито — злейший враг социализма”; “Путь измены и предательства югославских троцкистов”; “Югославские троцкисты — штурмовой отряд империализма”; “Клика Тито наносит удар в спину народно-демократической Греции”; “Режим Тито превратился в фашистский режим”; “Клика Тито превратила КПЮ в полицейский аппарат” и тому подобное. К написанию статей были привлечены югославы-эмигранты, руководители зарубежных компартий⁸⁷.

К августу 1949 года образ югославского врага был закреплён в общественном сознании.

Антиюгославская кампания летом—осенью 1949 г. органично сочеталась с очередной антикосмополитической, но направленной против внешнего врага. По традиции ее вела “Литературная газета”, которая реализовывала один из тезисов плана по усилению антиамериканской пропаганды: “Космополитизм на службе американской реакции”. На этот раз поводом послужила ратификация США и другими странами договора о создании Северо-Атлантического пакта.

В августовских и сентябрьских статьях Д.Жантиевой “Космополиты — враги своего народа”, Б.Песиса “Космополиты — слуги реакции”, Б.Быховского “Маклер космополитизма” и других критиковалась западная печать, выступавшая, с точки зрения авторов, с космополитическими идеями глубокой интеграции Европы и США,

военного объединения стран Запада. “Глашатаи космополитической “атлантической культуры” (псевдоним Северо-Атлантического блока), — писал Б.Песис, — охотно маскируются жаргоном “свободы искусства”. Среди “глашатаев” были названы “мэтр космополитического декаданса Элиот”, Соммерсетт Моэм, А.Жид, Симона де Бовуар, Ж.-П.Сартр. Часть авторов, например, Сартр, дискредитировались безосновательно, по привычке. Однако среди критикуемых были и представители правых сил США и европейских стран, которые в очередной раз дали пищу пропагандистской машине СССР. Так, Б.Быховский назвал “маклером космополитизма” Эмери Ривса за его книгу “Анатомия мира”. Ривс являлся сторонником неограниченного развития “индустриальной экономики” США за счет экономической экспансии и атомного шантажа. “Впервые в истории одно государство может покорить мир и владеть им”, — цитировал Быховский главную мысль автора. И констатировал: “космополитизм... ясно выступает как позолота колонизации”, является средством ведения “холодной войны” с целью завоевания мирового господства⁸⁸.

Начало антиюгославской кампании сопровождалось практически полным исчезновением со страниц газет и журналов на период до начала 1953 г. образа внутреннего врага — “космополита”, “сиониста”. Вместе с тем, режим нуждался в поддержании напряженности в обществе. Разоблачительные статьи против западных космополитов и югославского руководства выполняли и внутривнутриполитическую функцию: напоминали о необходимости бдительности после недавней “охоты на ведьм” в СССР.

Забуревший мавр сделал свое дело

Напряженная и ответственная работа по дискредитации внешнеполитических и надуманных внутренних врагов не проходила бесследно для советских журналистов: в конкурентной борьбе между собой они использовали образ врага. Так, в редакции “ЛГ” возник

конфликт интересов между главным редактором В.Ермиловым и редактором раздела международной жизни О.Кургановым (Эстеркиным), недовольным тем, что начальник снимает с себя ответственность за публикуемые материалы, не подписывает номера газеты почти в течение полутора лет. Ермилов немедленно обвинил Курганова в общении с высланной еще в феврале “шпионкой” А.Л.Стронг и добился его снятия с поста решением секретариата ЦК ВКП(б)⁸⁹.

В свою очередь, деятельность самой “Литературной газеты” вызывала все больше нареканий у А.А.Фадеева и агитпропа ЦК ВКП(б). Руководство газеты, считал Фадеев, “получив много, получив такое помещение, штаты, успех на первых порах — забурело, зазналось немного, в рутину немного стало впадать”⁹⁰. В справке агитпропа “О положении дел в «Литературной газете»” констатировалось, что “ошибки, крикливый тон, несамокритичность “Литературной газеты” снижают ее авторитет, вызывают у читателя недоверие к газете”⁹¹. Редакция и главный редактор обвинялись в искажении идей Ленина, в отсутствии коллегиальности, в оскорблении критиков, которых якобы только “ЛГ” называла прямыми агентами врага, шарханьях из крайности в крайность. В результате 17 августа 1949 г. “Правда” опубликовала статью “Выше уровень литературной критики”, в которой говорилось о недостатках редакционной и литературно-критической работы “ЛГ”. Прямо о политических ошибках “ЛГ” было сказано очень скупо: редакция, мол, отнеслась к борьбе с “космополитами” как к очередной кампании, приписала себе в этой борьбе несуществующие заслуги. ЦК ВКП(б) поставил на место редколлегия, обнаглевшего от безнаказанности главного редактора, открестил от собственных перехлестов, приписав их газете, одоблив только ее борьбу с “космополитизмом”. Вопрос о смещении Ермилова стал делом времени. В январе 1950 года главным редактором газеты будет назначен К.М.Симонов.

Некоторые выводы

Таким образом, к августу 1949 г. произошло окончательное становление советского варианта образа врага. Инструмент политики, идеологическое выражение общественного антагонизма на всех уровнях — между государствами, социальными группами внутри государств, между личностями, образ врага приобрел три основные формы, точно соответствующие направлениям политики советского руководства. Американский империализм олицетворял ужасы капитализма. Югославские сепаратисты — “клика Тито” — преподносились пропагандистами как предатели дела социализма в Восточной Европе. Внутренним врагом стал “отщепенец-космополит”. Пропагандисты противопоставляли им идеализированный СССР, преданные делу социализма силы в Восточной Европе, советского гражданина-патриота.

Образ врага формировался при помощи приписывания противнику всех антиценностей, известных в советском обществе, одностороннего преподнесения реципиентам специфических особенностей общества противника, откровенного шельмования личностей и сути явлений. Это мощное средство давления на эмоции, чувства и интеллект, при помощи которого номенклатура дезориентировала советских людей с целью формирования “советского патриотизма”, активизации трудовой деятельности кадров, мобилизации всего общества для выживания в холодной войне. В итоге — для сохранения существующих общественных отношений, власти номенклатуры.

В процессе формирования и содержания каждой из форм образа врага имелась специфика. Так, милитаризм, экспансионизм, членовеконенавистничество американских руководителей изображались следствием неразумности и отсталости всего общественного устройства страны. Югославские руководители преподносились как пособники США, которые довели свой народ до бедственного положения.

Образ внутреннего врага был унифицирован в термине “космополит”: в его содержание вошли разрозненные ранее признаки вредной и враждебной советскому строю деятельности. В целом его содержание было неопределенным, что делало термин удобным орудием манипулирования общественным сознанием. Космополитизм изображался как явление не характерное для советского общества, источником которого может быть только заграничное влияние, пережитки царского прошлого и капитализма в сознании отдельных людей. Мифологизация образа врага происходила за счет выдачи многочисленных мнений за факты, развития антисемитизма среди населения. Государство реанимировало общественные пережитки во имя политической целесообразности. Для этого потребовался длительный период организационной и идеологической подготовки, а затем и психологический штурм в I квартале 1949 г. С мая 1949 г. “космополит” как внутренний враг исчезает со страниц советской печати: продолжение кампании могло разрушить миф о морально-политическом единстве советского общества.

Космополитами — “пятой колонной” США — называли также политиков и деятелей искусств Западной Европы, которые выступали за военную, политическую и экономическую интеграцию с США.

Дальнейшая эскалация “холодной войны” должна была сказаться и на содержании образа врага, прежде всего внешнего.

§ 3. Психологическая война в сентябре 1949- июле 1951 гг.

Новые реалии и иллюзии

Возникновение Северо-Атлантического пакта (НАТО) закономерно вело к обострению международной обстановки. В октябре 1949 г. произошли еще три события, которые серьезно повлияли на содержание пропагандистской деятельности: в Европе конституиро-

вались два немецких государства — ФРГ и ГДР; в Китае победила революция.

Часть американского истеблишмента весьма болезненно восприняла неподконтрольные ей события в Китае — как практическое осуществление всемирного коммунистического “заговора”, и потребовала начать интервенцию. Гнев изоляционистов обрушился на администрацию Трумэна, которая, по их мнению, “отдала” Китай коммунистам¹.

В Советском Союзе победа китайских коммунистов была воспринята с энтузиазмом. Осенью 1949 г. газеты и журналы были заполнены материалами об экономическом, культурном и политическом развитии Китая. В них все время подчеркивалось, что Народно-освободительная армия победила не только Чан Кайши, но и стоявших за его спиной американцев. Статья академика М.Митина в “Литературной газете” 5 ноября 1949 г. подчеркивала важнейший вывод советских руководителей: началась “эра крушения капитализма”. Признаками нового этапа, по мнению Митина, были: “победа китайской революции”, народные движения против колониализма в Малайзии, Бирме, Вьетнаме, а также “отпадение от капитализма стран Центральной и Юго-Восточной Европы”.

Образ врага бродит по Восточной Европе

“Отпадение” восточноевропейских стран от мира капитализма после создания НАТО было закономерным процессом: результатом внутривнутриполитического развития — часть восточноевропейских руководителей и народа опасались за свою безопасность перед лицом НАТО и планов втягивания в западные союзы Германии; а также результатом советского вмешательства. Осенью 1949 г. агитпроп и пресса сфокусировали внимание советского общества на политических процессах против восточноевропейских “космополитов”. Газеты сообщали, что “венгерский государственный преступник Райк” со-

знался, что “они были инструментом в руках Тито и его американских хозяев”. То же сообщалось и по “делу Костова” в Болгарии².

Используя мощь МГБ, спецслужб стран Восточной Европы, печати³, советские пропагандисты перемешивали показания подсудимых на сфальсифицированных процессах с верной информацией — “американское правительство тратит огромные средства для организации шпионажа во всех странах мира”⁴, и при помощи этой информационной реальности формировали у советских людей представление об объединении всех внешних вражеских сил против СССР, мира демократии и социализма; о вездесущности “руки Вашингтона”.

Лидером борьбы с восточноевропейским “космополитизмом” стала “Правда”. На фоне ожесточенной критики блоковой политики западных держав, диктата США в отношении союзников, дискредитации “плана Маршалла” и западного образа жизни во второй половине 1949—первой половине 1950 гг. выделялись ее материалы о борьбе с американскими, английскими, югославскими шпионами, “шпионами в сутане”, местными предателями. Читателю преподносились обвинительные акты, отчеты о заседаниях судов, небольшие заметки. В этот период газета опубликовала не менее 10 материалов по Албании, 12 – по делу Костова в Болгарии, 19 – по Венгрии (из них 15 по делу Л.Райка), 3 по Румынии, 14 по Чехословакии⁵.

Психологическая война сопровождалась дипломатическими акциями. 28 сентября 1949 г. СССР прекратил в одностороннем порядке действие договора о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве с Югославией, а 25 октября выслал посла. Вскоре подобные акции провели и восточноевропейские союзники.

ЦК ВКП(б) скоординировал действия пропагандистов и контразведчиков. Так, 9 декабря 1949 г. из ВОКС на имя В.Г.Григорьяна поступила справка “Англо-американская пропаганда и меры борьбы с нею в Чехословакии”. “Американцы пытаются убедить чехов и сло-

ваков в том, — отмечалось в ней, — что Чехословакия, якобы, “исторически” должна быть страной “западной ориентации”, которой будто бы не по пути с Советским Союзом”. Американские и английские пропагандисты умело использовали социологическую пропаганду⁶. На фоне экономических затруднений в стране действия политических противников представляли опасность. Советники МГБ в Чехословакии подливали масла в огонь - сообщали о происках англо-американской и титовской агентуры⁷. В результате были предприняты контрпропагандистские и политические меры: усиливалось движение сторонников мира, активизировалась деятельность чехословацкого общества дружбы с СССР, а также началась подготовка к политическому процессу над рядом руководителей Компартии Чехословакии. Аресты начались на рубеже 1950—1951 гг.⁸, сразу после Брюссельской сессии НАТО, и положили начало знаменитому делу Р.Сланского.

Борьба за мир на фронте психологической войны

Создавая образ американского врага, советские руководители использовали различные способы воздействия на мировое общественное мнение. Важным элементом в советской внешней политике стало движение борцов за мир, первый Всемирный конгресс которого прошел в апреле 1949 г.

Опыт был удачным. Советские люди, пережившие Вторую мировую войну, живо откликнулись на работу конгресса. Некоторые письма, пришедшие в «Правду» и направленные 25 июня 1949 года в агитпроп, нельзя читать без сожаления и сострадания. «Передо мной портрет погибшего сына...,- писала А.Соломатина из Московской области, - Жадным слугам империализма, ненавистным звериным мордам вынести слова проклятия, заклеить их агрессивные планы позором...Вы, стяжатели долларов, вам война лишь нажива. Ваши дети не дрались на полях сражений...Вы потеряли совесть, вам чужда жа-

лость, лишь себя и отродье свое бережете. Но настала пора. Сила грозная крепнет, растет, поднимается. Не спасут вас пакты...»⁹.

В письме выражены чувства, которые были присущи миллионам советских граждан: боль утрат, страх перед новой войной, нежелание считаться с вкладом бывших союзников в разгром фашизма. Низкий культурный уровень и иллюзии, доверие к газетным штампам, чувственное, а не рациональное восприятие мира делало людей, подобных Соломатиной, легкой добычей агитпропа в вопросе внедрения образа врага в общественное сознание.

Новая стратегия психологической войны была закреплена на третьем совещании Информбюро 16—19 ноября 1949 года. Важнейшей задачей союзников в международной политике была признана “борьба за мир”, “развертывание движения сторонников мира”¹⁰. Кроме того, Информбюро осудило “клику Тито-Ранковича”, которая, якобы, стала бандой “убийц и шпионов”, перешла от национализма к “фашизму и прямому предательству национальных интересов югославского народа”. Совещание подчеркнуло важность сталинской теории обострения классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму для анализа текущего момента.

К установленному 2 октября 1949 года “Международному дню борьбы за мир” центральные газеты опубликовали около 40 статей, наполненных жесткой критикой США и их союзников¹¹. А в марте 1950 года Верховный совет СССР принял Закон о мире, согласно которому в Советском Союзе запрещалась пропаганда войны.

Работа прессы по созданию образа врага вновь была скоординирована с акциями МИДа и общественных движений. В октябре—ноябре 1950 г. в период подготовки и проведения Второй Всесоюзной конференции советских сторонников мира и II Всемирного конгресса сторонников мира советской прессой было опубликовано более 180 статей известных общественных деятелей Запада и Востока,

в каждой из которых содержались установки советской пропаганды, в совокупности подтверждающие стереотип образа внешнего врага, а также идеализирующие СССР и страны народной демократии¹². Подобного ажиотажа не было во время первого Всемирного конгресса.

С целью привлечь внимание к конгрессу советские лидеры драматизировали ситуацию: опубликовали “секретное циркулярное письмо Эттли”, которое, как считали пропагандисты, показывает “страх английского правительства перед движением сторонников мира”¹³. Эттли верно понял цели организаторов съезда: прежде всего “посеять известные опасения среди общественности в Соединенных Штатах и вызвать сомнения у английского правительства в отношении того, имело ли подписание Северо-Атлантического пакта перво-степенное значение”, а также вербовка новых сторонников движения в Великобритании, где организаторы съезда были намерены провести конгресс. В результате противодействия английского правительства место съезда было перенесено. Премьер-министр Великобритании обращал внимание и на время проведения — оно совпадало с сессией Генеральной Ассамблеи ООН. А.Я.Вышинский, речь которого перепечатали все газеты, предложил ставшие традиционными меры: прекращение пропаганды войны, запрещение атомного оружия, сокращение вооруженных сил супердержав, заключение Пакта мира¹⁴.

Борьба за мир объединила многих искренних противников милитаризма, демократов, сторонников антиколониального движения. Их деятельность отчасти способствовала становлению современного многополярного мира. Однако в условиях биполярного мира она закономерно приводила к парадоксальному результату: углублению конфронтации супердержав и их блоков. Со всеми вытекающими последствиями: ростом милитаризма, ограничением демократии на Западе и искоренением даже мысли о ней на Востоке, колониальными войнами, в которые вмешивались супердержавы.

Германский неофашизм – новая форма образа врага

С советской стороны продолжались обвинения США в нежелании денацифицировать и демилитаризовать Германию. Они резко усилились после возникновения в мае 1950 г. “плана Шумана” и, в октябре, “плана Плевена”, которые предусматривали все большую экономическую и военную интеграцию Германии со странами Запада.

Если раньше советские пропагандисты изображали западно-германских политиков жалкими марионетками в руках правительства США, то с мая 1950 г. критика германского милитаризма приобретает все более самостоятельное значение. Возникает еще одна форма образа врага — германский милитаризм, неофашизм. В идеологическом и пропагандистском отношении это была очень удобная мишень — воспоминания о борьбе с немецким фашизмом были очень свежи в памяти миллионов людей. После создания в 1950 г. так называемого “ведомства Бланка” — государственной организации, которая занималась оборонными вопросами ФРГ, его глава — социал-демократ, бывший профлидер, стал наряду с канцлером К.Аденауэром олицетворением образа немецкого неофашиста.

Советские опасения не могли не усиливаться после вызывающих публикаций в мае 1950 г. еженедельника “Ю.С. энд уорлд рипорт”, в которых сообщалось о новых видах секретного американского оружия: атомных бомбах; подводных атомных лодках; боевых отравляющих веществах; ракетах, управляемых радаром и т.п. Руководитель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г.Григорьян докладывал о подобной информации, распространяемой в Европе Франс-пресс, секретарям ЦК¹⁵.

Критикуя западных лидеров и их милитаристские планы, советские пропагандисты решали несколько задач: дискредитировали профсоюзы Запада, социал-демократию, показывали рост милитаристской мощи Германии для воздействия на народы и правительства

стран Восточной Европы и народ СССР. Страх перед Западом должен был способствовать усилению экономической и политической интеграции восточноевропейских государств и СССР в рамках созданного в январе 1949 года Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Еще одна мощная кампания по дискредитации внешнеполитического врага началась во время Брюссельской сессии НАТО в декабре 1950 года. Сессия приняла решение создать ядро вооруженных сил ФРГ и включить страну в совместную с блоком оборону. “Расчет правителей США прост, — комментировал в “Правде” решения сессии П.Наумов, — возродить в Западной Германии бывшую нацистскую военную машину, пустить в ход сохранившуюся рурскую военную промышленность, поставить у власти неонацистскую военнокатолическую клику и сделать ее американским жандармом в Западной Европе”. В одном предложении журналист воспроизвел все архетипы, насаждавшиеся советской пропагандой. То же отразилось в статьях других газет: “В поисках наемников”; “От фактов никуда не уйдешь”; “Армия американского разбойничьего империализма”; “Брюссельский диктат”¹⁶.

Корейская война и эскалация образа врага

Но наибольшие возможности для закрепления и развития в общественном мнении образа американского врага советские пропагандисты получили после начала корейской войны. Обе корейские стороны давно готовились к гражданской войне: вопрос был только в том, кто первый начнет. Первыми открыли боевые действия северокорейские войска: 25 июня 1950 г. они перешли 38 параллель.

Советские пропагандисты представили дело с точностью до наоборот: мол, южнокорейские войска напали на мирную Северную Корею. Односторонность и предвзятость, определяемые только своими интересами, проявляли все пропагандисты — и советские, и американские.

Образ американского врага эволюционировал: от опасного милитариста к нелюдю, который был воспитан всей системой капитализма и наконец-то получил возможность проявить свою сущность. Пропагандисты использовали грубые приемы, характерные для периода Отечественной войны, в сочетании с новыми символами. 23 сентября газета поместила фото командующего американскими войсками в Корее Д.Макартура, рассматривающего трупы корейских солдат. Фраза Макартура “это радует мои старые глаза” как нельзя кстати подходила для олицетворения империализма. А.Чаковский не преминул назвать его “генерал-садистом” и “гангстером”.

Никаких объяснений относительно того, почему представитель СССР в Совете Безопасности ООН не наложил вето на решение об использовании международных вооруженных сил в борьбе против агрессора, в советской печати не было; пропаганда прикрывала явный дипломатический просчет. Вместо рациональных объяснений пропагандисты обрушили на читателей статьи, в которых преобладали эмоции и грубость по отношению к противнику. Так, уже 8 июля К.Симонов опубликовал в “ЛГ” статью “Кровавые дураки”. В ней впервые дискредитировались конкретные представители западных держав в ООН, которые, по мнению Симонова, приняли “истерическое и кровавое решение о военном нападении на корейский народ”. Т.Шоун, представитель Великобритании, был представлен “немолодым дураком старой английской дипломатической школы”; представитель США Д.Остин объявлен “дураком напыщенным и велеречивым”; а Ж.Шовель, француз, — “дурак в ранге посла” — уличался в стремлении отказаться от понятия “суверенитет”. Указание на один из главных признаков “космополитизма” — отказ от суверенитета, должно было, с точки зрения пропагандистов, определить отношение читателя к противнику. Драматизируя ситуацию и, вероятно, прощупывая намерения американской стороны, “Литературная газета” 1 ав-

густа извещала читателя о намерении “врагов мира” использовать в Корее ядерную бомбу — вопрос, который действительно поставил перед президентом США Макартур, но пять месяцев спустя.

Тему “кровавых дураков” развивал также журнал “Крокодил”. Редакция ввела рубрику “Зарисовки на бегу”, посвященную отступлению южнокорейской армии, и обрушилась на Д.Ф.Даллеса. А.Васильев в статье “Главный адвокат Уолл-стрита” использовал откровенно мещанские способы дискредитации: “Он очень богобоязлив, этот старый ханжа с лицом скопца. От деда, прожженного политика, Джон унаследовал дар интригана, от отца-богослова — лицемерие иезуита”¹⁷.

Дискредитация Ватикана

Во второй половине 1949 г. на порядок выросло количество материалов о враждебной деятельности Ватикана, который, по мнению пропагандистов, поставил “свои скудные идеологические резервы” на помощь Вашингтону. Поводом послужила одиозная акция Пия XII, отлучившего от церкви коммунистов, всех их сторонников. Наибольший вклад в разоблачение Ватикана вносили два журнала: “Крокодил” и “Журнал Московской патриархии”. «Крокодил» изображал Папу римского вдохновителем террора, заговоров, шпионажа, ретивым поборником американских интересов¹⁸. Журнал РПЦ показывал США, капитализм как “отрицание христианства”, а католицизм — как идеологического защитника этих порядков. При этом использовались ложные аналогии между общинной собственностью первохристиан и государственной в СССР, противостоящих, якобы, частной на Западе¹⁹.

Формируя негативный образ католической церкви как одного из элементов западного общества, редакция журнала «Крокодил» опиралась на устойчивые представления русских православных христиан о церковнослужителях, о святой жизни, а также на негативное

отношение к товарно-денежным отношениям. Русскому человеку – вне зависимости от отношения к религии – были понятны и иконописный лик святого Сергия Радонежского, и упившийся до положения риз – такой родной и близкий – сельский батюшка, которого во время пасхальной службы поддерживают два ангелоподобных инок. Понятно, что образ жизни американских католических монахинь, о котором писал журнал, мог вызвать у православных только осуждение, а у атеистов – издевательскую усмешку. Грамотно подобранная лексика усиливала пропагандистский эффект от фотоматериалов. «На снимке, взятом из американских газет, - отмечалось в «Крокодиле», - изображена *обычная сцена* из жизни крупнейшего католического монастыря в Чикаго. На монастырском кегельбане *сестры-послушницы режутся в кегли. Чемпионка-монахиня Мирман Джозеп* (в центре) уже *обеспечила себе царство небесное и приличный гонорар* на земле меткостью и силой удара. Теперь монахини-тяжеловесы нашли *еще один путь спасения*: они занимаются *боксом и французской борьбой*»²⁰ (Выделено мною – А.Ф.).

В материале о «монашках-тяжеловесах» много иронии. Другие материалы были полны сарказма и могли восприниматься как приговор всему западному обществу. В том же номере «Крокодила» сообщалось о приглашении, разосланном в одном из городов штата Кентукки местной церковью: «Евангелист Персент, бывший боксер, бывший бандит, самогонщик и вымогатель – современное божье чудо. Каждый должен послушать этого исключительного евангелиста».

Некоторые выводы

В первой половине 1951 г. информационная политика советского правительства не изменилась. Газеты и журналы дружно разоблачали американский империализм, его сателлитов в Европе и Азии, организаторов «корейской авантюры», журнал «Америка», ООН, превратившуюся в «организацию для американцев». Продолжа-

лось освещение процессов над реальными и мнимыми шпионами в Чехословакии, Китае. Изображался “Маразм американской культуры”, социал-демократы по-прежнему выступали в качестве “агентов американского империализма”. Прославлялся патриотизм советских людей, дружно подписывающихся на очередной заем; сообщалось о новом снижении цен²¹.

Усиление конфронтации супердержав закономерно вело к эскалации образа врага на всех направлениях психологической войны. С его помощью руководство СССР изолировало свое геополитическое пространство – Восточную Европу. Не допускало влияние Запада на своих граждан. Пыталось воздействовать в своих интересах на граждан государств Западной Европы.

Недостаточная квалификация советских журналистов потребовала привлечения к пропагандистской работе зарубежных журналистов-коммунистов. В августе 1950 г. по направлению Национального комитета компартии США в Советский Союз на 2 года прибыл Д.Кларк, корреспондент “Дейли Уоркер”²²; из Франции — Ж.Катала. Вскоре их статьи появились в советской печати.

Новые экономические и политические процессы на Западе воспринимались прежде всего сквозь призму образа врага, потребовали от пропагандистов создания его новой формы – германского неонацизма, подключения к дискредитации политических противников движения борцов за мир. Апофеозом грубой пропаганды стала дискредитация США в период корейской войны.

Развитие национально – освободительного движения, победа китайской революции, казалось бы, подтвердили иллюзорную идею советских идеологов о скорой гибели капитализма, активизировали деятельность пропагандистов. Однако они не учли, что демократизация международных отношений в исторической перспективе ударит в том числе и по существующей системе власти в СССР.

§4. Искусство и публицистика на службе пропаганды.

Долговременная пропаганда: романсы и финансы

Внедрение образа врага в общественное сознание осуществлялось в том числе при помощи искусства. Литература, кино, спектакли были средством долговременной — на десятилетия рассчитанной, пропаганды¹.

Работники культуры оказались в непростых условиях: с 1948 г. государство прекратило дотации учреждениям культуры. Скучные средства, выделяемые по остаточному принципу, стали использоваться более целенаправленно: исключительно на оплату заказных идеологизированных произведений. Через крупные театры с писателями заключались договоры на предмет “создания пьес на современные советские темы”. В конце 1947 г. решения ЦК ВКП(б) требовали активизировать творческую активность таких драматургов, как Л.Леонов, Н.Погодин, В.Соловьев, В.Вишневский, А.Крон, В.Катаев; привлечь относительно молодых А.Софронова, Б.Полевого, В.Кожевникова и других. Тему “о высоком идейно-политическом уровне советской интеллигенции и борьбе с низкопоклонством перед западом в научной среде” разрабатывали А.Штейн, создавший пьесу “Честь”, Б.Ромашов, написавший пьесу “Великая сила”. На “разоблачении поджигателей новой войны и показе роста международного авторитета Советского Союза” специализировались И.Эренбург (“Лев на площади”), К.Симонов (“Русский вопрос”), В.Кожевников (“Судьба Реджинальда Дэвиса”)². Апробированные произведения тиражировались при помощи кино.

Между тем, в театральном деле, кинопромышленности, кинопрокате сложилась кризисная ситуация. Так, производство на “Мосфильме” в послевоенные годы развивалось крайне неровно: в 1945, 1947 гг. по 8 фильмов, в 1946, 1948 — по 4; после всплеска активности в 1950 г. — 9 фильмов, в 1951 г. был выпущен только один. Еще

хуже обстояли дела на “Ленфильме”: производство кинокартин упало с 5 до 1³. В 1949 г. в СССР было выпущено всего 16 фильмов. Все они были сделаны в соответствии с идеологическим заказом государства, и прежде всего — “Встреча на Эльбе”, “Кубанские казаки”, “Падение Берлина” (2 серии) (Мосфильм); “Академик Иван Павлов” и “Александр Попов” (Ленфильм); “У них есть родина” (киностудия им. Горького). Проблемы в кинообслуживании были те же, что и в театре: в годовом отчете за 1949 г. министр кинематографии констатировал падение посещаемости кинозалов. Вместе с тем, подчеркивая возрастающую роль советского кино в Восточной Европе и на Западе, он отмечал увеличение посещаемости советских кинокартин за рубежом более чем в 1,5 раза⁴.

Необходимость обеспечения кинопроката и пополнения бюджета привели к парадоксальной, на первый взгляд, ситуации. Комиссия агитпропа в июле—августе 1948 г. допустила к выходу в свет 50 немецких, американских, французских, итальянских фильмов. Их статус — “фильмы из трофейного фонда” — избавлял от необходимости платить за прокат державам, которые были союзниками СССР во Второй мировой войне. Разрешались некоторые музыкальные фильмы. Исторические, показывающие, с точки зрения цензоров, “звериный облик английских колонизаторов” (фильм “Капитан Ярость”), “жестокость и коварство английской знати, плетущей интриги и заговоры” (“Сердце королевы” о Марии Стюарт). Патриотические, показывающие, как во имя родины жертвуют любовью (“Мария Илонна”). Документальные фильмы о путешествиях. Не допускались ленты, изобилующие жестокими и эротическими сценами, имеющие намеки на расизм. Отвергались фильмы, осуждающие борьбу народа против угнетателей или “прославляющие мощь американской военной авиации и непревзойденные качества американских пилотов”⁵.

Идеологизированные характеристики ряда фильмов кажутся простой данью принятым правилам игры. Самоизоляция СССР всегда была весьма относительной. Благодаря книгам, фильмам заинтересованные советские граждане могли ознакомиться с бытом других народов. Проблема состояла в восприятии иного образа жизни, новых идей. Так, не все зрители однозначно восприняли допущенные к показу картины. В ноябре 1948 г. Л.Ф.Ильичев направил информацию Г.М.Маленкову с отзывом граждан на фильм “Порт-Артур” (“Спасение знамени”). В частности, Чечулин из Ленинграда возмущался, что о славе русского оружия говорят иностранные фильмы; его раздражало, что и японцы, и русские показаны с одинаковым “безразличием”, а “подлый шпион ведет себя на допросе и при расстреле геройски”. Эмоции Чечулина определяла ненависть к прошлому недавних врагов — “самураев — сподвижников фашизма”⁶.

Подобные настроения были широко распространены в советском обществе, развивались при помощи пропаганды и были действительным препятствием на пути к правильному пониманию других народов, к самопознанию.

Советская литература на боевом посту

После мартовского (1948 г.) совещания по вопросам критики и библиографии практически все газеты и журналы опубликовали рецензии на важнейшие для государства патриотические произведения и спектакли. Летом—осенью в их число входили прежде всего пьесы Б.Ромашова “Великая сила”, А.Штейна “Закон чести”, Н.Вирты “Хлеб наш насущный”⁷. Советские авторы предложили набор конкретных проявлений черт космополитизма в быту, на службе, в деятельности ученых. Признаки врага полностью совпадали с теми, которые перечислила “Литературная газета” в передовой статье 17 апреля 1948 года.

Неожиданным моментом было связывание образа врага с признаками бюрократического разложения. “Космополитами” представляли типичные советские хозяйственники, которые брали взятки, подкупали свое начальство, опирались “на целую бюрократическую иерархию из знакомых”. Это перерожденцы. “Надо было воевать — мы не прятались, — говорит главный герой пьесы Ромашова, — вот заработали. А теперь мне хочется пожить”. Следуя идеологическим установкам, писатель показывал, что “космополит” любит без дела употреблять иностранные словечки, покупать заграничные вещи, испытывает тщеславную радость от публикации в зарубежном журнале. Отрицательный герой деловит, преуспевает, одевает жену во все модное, имеет оранжерею. В нем нет советской скромности и стремления быть как все.

Но автор предсказывает его падение вслед за низложением высоких покровителей. Критик Е.Холодов (Меерович), будущий “космополит”, считал одним из самых значительных итогов театрального сезона 1948 г. то, что имя Милягина — “космополита” из пьесы Ромашова — стало нарицательным для обозначения людей, “холопящихся перед буржуазным западом”.

В пьесе Штейна перечислены другие качества личности, благодаря которым советские ученые могли попасть под влияние “космополитов”: “Аполитичность. Смолоду усвоенный пиетет перед иностранной наукой. Несколько гипертрофированное честолюбие. Ослабление связей с коллективом”. Все рецензии призывали советских людей к бдительности.

Привязка признаков бюрократического разложения к “космополитизму” драматизировала ситуацию в период, когда в широких слоях народа росло недовольство дифференциацией доходов, привилегиями номенклатуры, ставшими особенно заметными в конце 40-х — начале 50-х гг.⁸. В соответствии со своим мировоззрением советские

руководители пытались при помощи “низов”, пристально наблюдавших за руководителями на местах, “подхлестнуть” хозяйственников, в самоуспокоенности и “хозобрастании” которых после войны видели не только единственную причину невыполнения планов в экономике, но и возможного политического перерождения. В государстве, которое стремилось догнать Запад, развитие казарменно-коммунистической идеологии масс и руководителей служила средством мобилизации общества в период “холодной войны”. Кроме того, лидеры СССР искренне верили, что бюрократизм не более чем опасный пережиток, не характерный для совершенного общества, которое они построили, и пытались вести с ним борьбу.

Образ врага использовался номенклатурой для подавления инакомыслия и защиты государственных интересов в области литературы. К примеру, А.А.Фадеев не скрывал причины гонений на так называемых космополитов, в частности, литературоведа и критика Б.Л.Дайреджиева. “Была пьеса Вирты “Хлеб наш насущный”, которую мы защищали, — говорил генсек ССП СССР на заседании президиума в августе 1949 г., — Дайреджиев выступил против этой пьесы в “Труде”. Мы теперь знаем, кто такой Дайреджиев, что он “космополитюга ” (смех). Ему не нравилась идея этой вещи. В это время было более или менее известно партийное мнение об этой вещи, которое охватывало то передовое, что в ней есть, но это нигде не было опубликовано”⁹.

В течение 1948—1949 гг. были созданы новые пьесы, экранизированы апробированные. Во всех произведениях четко прослеживается антиамериканский аспект. Условно их можно разделить на две группы. Первые поднимают вопросы патриотической гордости советских ученых. Это, например, фильмы “Суд чести”, “Академик Иван Павлов”, пьеса К.Симонова “Чужая тень”. Так, в рецензии “Слава русской науки” член-корреспондент Академии наук СССР Э.Асратян

особо выделил следующий эпизод из фильма: “Изменник Петрищев приводит к нему американца Хикса, предлагающего Павлову уехать в Америку. Хикс маскирует свой грязный бизнес излюбленным доводом космополитов — прислужников империализма: “Для человечества не важно, где вы будете работать”. В гневном ответе Павлова звучит горячий патриотизм большого русского ученого: «Наука имеет отечество, и ученый обязан его иметь. Я, сударь мой, — русский. И мое отечество здесь, что бы с ним не было». Рефреном через все рецензии проходила мысль: только “свет Кремля” спасет человечество; делался вывод: “Люди — будьте бдительны!”¹⁰.

Другие произведения должны были показать отчужденному от власти и собственности советскому народу его роль в глобальных политических процессах; в них изображались внешнеполитические друзья и враги. Подобная концепция отражена в рецензиях: “Два мира” (о фильме “Встреча на Эльбе” по книге братьев Тур и В.Шейнина), “Свет — с Востока” (о фильме “Заговор обреченных” по пьесе Н.Вирты “В одной стране”). В рецензии “Обличение космополитических диверсантов” пропагандировались пьесы А.Якобсона “В цитадели”, “Два лагеря”; роман В.Лациса “Буря” рекламировался в очерке лауреата Сталинской премии за 1948 г. В.В.Ермилова “Литература сталинской эпохи”¹¹.

В романе Лациса враги показаны садистами, изготовителями бактериологического оружия, пессимистами; вследствие предательской деятельности “космополитов” гибнут приличные люди. В фильме “Встреча на Эльбе” роль журналистки-шпионки играла знаменитая Любовь Орлова. “И хотя во время работы над ролью еще не была опубликована книга Аннабеллы Бюкар, — писал режиссер фильма Григорий Александров, — раскрывающая подлые методы американских дипломатов, еще не была разоблачена и выслана из СССР американская шпионка Анна Луиза Стронг, происходящие события дава-

ли все же полное основание для создания образа, целью которого является поднятие бдительности советских людей”. Пьеса Вирты “В одной стране” была вызвана к жизни событиями в Чехословакии. В ней показано, что планы “Уолл-стрита” в исполнении “лидера католической партии” в виде космополитических лозунгов “мирового хозяйства” и “мирового планирования” разбиваются в прах при столкновении с философией и практикой “социалистического интернационализма”. Представители не названной восточноевропейской страны клянутся в любви Сталину, СССР, советскому народу.

Цель подобного рода пропагандистских произведений — запугать внешней опасностью и, для поддержания авторитаризма и культа личности вождя, в конце успокоить: мир в надежных руках советских руководителей; внушить простому гражданину, что он играет огромную роль в политических процессах современности прежде всего своим ударным трудом.

Образ врага в публицистике

Установки советской пропаганды реализовывались и в публицистике. В марте 1949 г. пресса активно рекламировала сборник “Люди русской науки”. В нем подчеркивалось, что несмотря на нищету талантливые русские ученые не выезжали работать за границу по приглашениям иностранцев¹².

Тогда же появилась книга перебежчицы А.Бюкар “Правда об американских дипломатах”. Рецензенты отмечали, что книга является “искренним рассказом очевидца”. Особое внимание обращалось на отрыв “антисоветской клики государственного департамента США” от интересов американского народа, активную разведывательную деятельность посольских работников против СССР, их низкие моральные качества и неуважение к советским людям. Книга и рецензии завершались панегириком советскому строю и патриотизму граждан, их преданности “товарищу Сталину”¹³. Книга дискредитировала вра-

га накануне подписания Северо-Атлантического пакта, способствовала пресечению связей советских людей с иностранцами.

В еще большей степени эти задачи реализовывала книга Ральфа Паркера “Заговор против мира”, вышедшая пятидесятитысячным тиражом в октябре. Осенью определилась новая стратегия советского руководства — борьба за мир, и книга Паркера способствовала популяризации курса Кремля. Паркер объяснял причины раскола антигитлеровской коалиции при помощи теории “удара ножом в спину”: “...в то время, когда советский воин показывал чудеса храбрости, верности, кристальной чистоты и умения воевать... в это время на Западе, в военных и дипломатических кругах уже плелась сеть тайного заговора против этого героического и самоотверженного народа”. Естественно, информация противника о тяжелой жизни советских людей воспринималась им как “пропаганда”. Вслед за Бюкар, Паркер особо остановился на разведывательной деятельности американских дипломатов в СССР. Практически все газеты и журналы отметили следующие слова из его книги: “Таковы люди, которые проводят дни, рыская по колхозным рынкам, вокзалам, бродя вокруг заводов и аэродромов, заговаривая с русскими в парках, чтобы собрать материал для донесений и снискать себе одобрение начальства, а то и повышение по службе...”¹⁴.

Публикации взволновали бывшего сотрудника “Правды” А.Магида. 12 октября 1949 г. он направил И.В.Сталину письмо “Еще к вопросу о бдительности. Некоторые существенные замечания и предложения”¹⁵. Магид в казарменно-коммунистическом духе предлагал провести чистку кадров, запретить даже встречи с героями войны и труда, ставшими модными после войны: “Сюда приходят и жены министров и их замов. Затем после одной-другой рюмки вина происходит и болтовня”. Попутно журналист доносил на бывших коллег. Причинами, которые подвигли А.Магида написать, были:

идеологические установки; стремление получить утраченные привилегии; оскорбленное самолюбие изгнанного из редакции за склочный характер и неграмотность журналиста.

Главная идея письма А.Магида полностью совпадала с мыслями советских руководителей. К словам автора письма “мне кажется, что прилагаемый материал заслуживает его внимания” руководитель секретариата Сталина А.Н.Поскребышев приписал “и притом срочного” и направил письмо секретарям ЦК ВКП(б). В целом видно, что при помощи книг и рецензий на них режим развязывал консервативно-охранительную деятельность наиболее косных представителей государственного аппарата и народа.

Исполнение плана антиамериканской пропаганды

Книги Бюкар и Паркера стали составной частью антиамериканской пропаганды, которая с мая 1949 г. велась по особому плану. Верстки первых книг просматривались лично секретарями ЦК ВКП(б). Так, 17 мая Г.М.Маленкову была представлена верстка книги Мак-Вильямса “Бедствующая земля”. 22 июня Маленков просматривал верстку книги “Труд и капитал в США”. В сопроводительном документе отмечалось, что в ней разоблачалась лживость пропаганды монополистов США о так называемом “американском образе жизни”. 19 августа М.Суслов рецензировал верстку “Маяковский об Америке”, а 3 сентября — М.Твена “Рассказы и памфлеты”, в которых “резко обличается империалистическая политика правящих кругов США, разоблачается продажность правительственных учреждений и прессы”; 17 сентября он же изучал книгу Томаса Бурке, посвященную плану Маршалла¹⁶. Из указанных в пп. 5, 6, 10, 11 “Плана...”¹⁷ произведений в июле 1949—январе 1950 гг. были изданы книги М.Горького, А.Клода, Г.Кана, Д.Грея, Д.Спивака, А.Бюкар, брошюра “Против философствующих оруженосцев современной реакции”, “Интервенция США в Советской России в 1918—1920 гг.” и другие¹⁸.

Обращает на себя внимание издание большого количества книг русских, советских и иностранных авторов, писавших об Америке в конце XIX—первой трети XX века, — М.Твена, Т.Драйзера, М.Горького, В.Маяковского, Д.Стейнбека. Советские политики не показывали высокий уровень жизни Америки, достигнутый уже после войны, новые формы государственного регулирования экономики, значительно смягчавшие традиционные кризисы. В результате в середине века формировалась упрощенная картина американской жизни: только валютные спекуляции, роскошь буржуазии и сплошная нищета трудящихся, разорение фермеров, “суд Линча” и т.д. Этот прием формирования образа врага можно назвать “сдвиг по фазе”.

Химеры примитивного мышления

В точном соответствии с антиамериканскими установками продолжали создаваться художественные произведения, сценарии спектаклей, фильмов. Ненависть к бывшим и нынешним противникам искажала историческое восприятие, порождала прямую подтасовку фактов, натяжки, ошибки, упрощения. Так, на заседании секретариата ЦСП СССР 12 сентября 1949 г. состоялся диалог между автором сценария “Поджигатели войны” Л.О.Арнштамом и участником дискуссии Г.Д.Мдивани: “Мдивани: “Не знаю, что стоит ли в такой сцене показывать карикатурного Гитлера?.. (Арнштам: А мне кажется не карикатурным, а таким на самом деле)... Он был слишком опасным и сильным врагом, а карикатура это смягчает... Устраивает ли это будущего зрителя?”¹⁹.

Отрывки из сценария Арнштама были опубликованы в майском номере “Искусство кино” за 1950 г. и, таким образом, прошли мимо публики. По причине того, что в творческой конкуренции победил Н.Н.Шпанов с политическим романом “Поджигатели” — осенью 1949 г. он стал лауреатом Сталинской премии. Роман получил широкую

рекламу: “Литературная газета” 28 декабря 1949 г. подчеркивала его партийность.

Однако нашлись вдумчивые читатели, которые обратили внимание на фальсификации. Так, кандидат экономических наук М.Н.Мейман писал И.В.Сталину в январе 1950 г.: “Таким образом, вместо того, чтобы показать действительную историческую обстановку гнусного предательства Чехословакии западными державами, автор, теряя всякое чувство меры, изображает разбойничью гитлеровскую Германию в образе невинной Гретхен, соблазненной англо-американским Мефистофелем”. Подобный подход, по мнению Меймана, умалял “трудность и значение величайших в истории побед, одержанных Советским Союзом”; фальсификации могли быть использованы антисоветской пропагандой²⁰.

Замечания грамотного коммуниста не были приняты. Маленков распорядился помочь Шпанову в создании следующего тома произведения²¹: политическая конъюнктура, нужды пропаганды заставляли игнорировать принципы историзма и системности.

Подобного рода контрпропагандистские произведения были изданы практически по всем международным проблемам: В.Василевская “Песнь над водами” (Польша), О.Мальцев “Югославская трагедия”, И.Эренбург “Девятый вал” (Франция, США), Д.Олдридж “Дипломат” (Иран, Великобритания), Д.Еремин “Гроза над Римом” (Великобритания).

Одновременно изымались произведения периода войны, в которых нынешние противники изображались позитивно. 30 июня 1949 г. Д.Т.Шепилов просил секретаря ЦК ВКП(б) М.А.Суслова дать указание Главлиту об изъятии из библиотек сборника И.Эренбурга “Война” (1942 г.), т.к. в статье “Де-Голль” бывший союзник назывался “патриотом народной Франции”. Предложение обосновывалось “мне-

нием народа”: подобные статьи, мол, “вызывают возмущение советских читателей”²².

Эзопов язык пропаганды

Важную роль в формировании не только мировоззрения, но и общей культуры в советское время играла армия. Армейская пропаганда была предметом особой заботы ЦК ВКП(б). Определенную роль в ней играли брошюры из “Библиотечки журнала «Советский воин»”, “Библиотеки матроса”, “Библиотеки солдата”, а с 1950 г. — “Библиотечки военных приключений”.

Одной из первых книг в “Библиотечке военных приключений” был детектив Н.Томана “Что происходит в тишине” (Воениздат, 1950). Действие повести происходит в Прибалтике в период Отечественной войны. Советские контрразведчики разоблачают диверсионную деятельность коварных фашистов. Автор призывает советских людей к бдительности. На первый взгляд — обычный военный детектив.

Между тем, 1950 г. в Прибалтике все еще шли бои с националистами. Сказать об этом прямо советская пропаганда не могла — под сомнение была бы поставлена догма о морально-политическом единстве советского общества. По этой же причине не представлялось возможным развернуть длительную кампанию шпиономании в печати. Пропагандисты прибегли к социологической пропаганде, к государственному “эзопову языку” для повышения бдительности граждан. Националисты Прибалтики считались недобитыми последышами фашистов, США — фашизирующим государством, которое их поддерживает, засылает шпионов. Незначительная подмена времени действия позволяла пропагандистам использовать подобные детективы для развития в общественном сознании образа врага.

В написанных по заказу государства книгах, пьесах, спектаклях реализовывались все установки советской пропаганды, утверждался стереотип образа врага.

§ 5. Образ врага — инструмент советской бюрократии.

Средство духовного насилия

Мифологизация образа врага была выгодна в первую очередь руководителям разных рангов, которые использовали его как средство духовного насилия и дезориентации граждан для укрепления своего авторитета и реализации интересов. Номенклатура использовала его всякий раз, как только возникала необходимость мобилизовать массы на решение экономических и политических задач или подавить их нежелательную активность и самостоятельность.

Типичный пример — деятельность А.А.Фадеева. Как сообщил в ЦК ВКП(б) аноним, 30 ноября 1949 г. на партсобрании ССП Фадеев заявил: “Здесь есть еще много недоисключенных космополитов”. Членов секретариата и президиума ССП анонимщик называл “бандой поэтических рвачей и выжиг”, использующих союз для проталкивания своих сочинений в издательства и театры при помощи высоких покровителей из ЦК и МК ВКП(б); зажимщиками критики, бюрократами, которые “смертельно запугали всех остальных”. Обвинение носило политический характер: рвачество, погоня за рублем и бюрократизм с 1948 г. связывались с “космополитизмом”.

М.А.Суслов направил письмо секретарям ЦК для ознакомления¹. Последствий для руководителей ССП анонимка не имела, однако могла быть использована против них при любом случае нелояльности. Пострадавшие вносили вклад в мифологизацию образа врага.

Образ врага интенсивно использовался во время кампаний «критики и самокритики». Работник ЦК ВКП(б), профессор Ф.В.Константинов, выступая перед слушателями Высшей партийной школы (ВППШ) в 1950 году с лекцией «Формы общественного созна-

ния», обмолвился: «Можно было бы сказать: битье тоже определяет сознание, ибо разве критика и самокритика, как битье, не определяют сознание?». Молодые слушатели, которые еще не прониклись цинизмом кадрового партийного работника, немедленно написали донос в ЦК ВКП(б) по поводу этого и других высказываний лектора².

Вульгаризация марксизма была закономерным явлением со стороны идейного защитника полицейского государства.

Средство отчуждения

и нейтрализации социальной чувствительности

Термин “враг” глубоко проник в сознание творческой интеллигенции, способствовал отчуждению граждан друг от друга. 1 февраля 1950 г. поэт С.И.Кирсанов возмущался словами заведующего разделом “Литературной газеты” Н.С.Атарова, обращенными к нему: “Почему не заходите, хотя мы с вами литературные враги?”. За фактом поэт видел целую тенденцию в поэтической критике, выражавшейся во “враждебности, нацеленности на то, чтобы найти зло в тебе”. Вслед за анонимными критиками он отмечал “самоуправство” лидеров ССП³.

Кампания по разоблачению псевдоврагов нейтрализовала и без того низкую социальную чувствительность многих творческих работников, сформированную предыдущим периодом развития страны. Они были вынуждены приспосабливаться к требованиям властей, некритически воспринимать все догмы пропаганды, сдерживать принципиальность в угоду конформизму во время дискредитации их коллег. Впрочем, у А.М.Борщаговского потрясения вызвали обратную реакцию: он глубоко задумался о сущности советского строя⁴.

Наличие образа врага в любой форме позволяло советским чиновникам разъединять людей, превращать их в толпу, осуществлять принцип “разделяй и властвуй”.

Модификация и закрепление иллюзий пропаганды

Образ нового врага модифицировал классические установки идеологии, что способствовало закреплению у народа иллюзий относительно советского общества. Так, еще в 1924 г. И.В.Сталиным были сформулированы особенности “ленинского стиля работы”: “а) русский революционный размах и б) американская деловитость”⁵. Однако 2 сентября 1950 г. пропагандист из Одессы Г.И.Золотухин в своем письме на имя Сталина поставил вопрос о замене “американской деловитости” более актуальным словосочетанием “коммунистическая сознательность”. В доказательство приводились аргументы из арсенала советской пропаганды, буквально списанные из передовиц газет. “От так называемой американской “деловитости”, выраженной в “плане Маршалла”, “доктрине Трумэна”, “Северо-Атлантическом пакте” и других документах, — писал Золотухин, — большинство народов стран Европы, Ближнего Востока и другие народы терпят разорение, голод и национальное принижение... деловые качества советских людей сейчас воспринимают все народы в своей жизни”⁶. Подобные письма не случайно оказывались в агитпропе. 13 октября 1950 г. в “Правде” в статье “Великая сила социалистической идеологии” профессор Ф.Константинов говорил о чертах характера, воспитанных партией в советских людях. На первом месте стояли “широкий революционный размах и большевистская деловитость”.

Константинов не лицемерил ни в статье, ни во время лекций студентам. Он верил в то, что говорил, но подходил к вопросу прагматично, искренне желая подготовить слушателей к эффективному «битью» по сознанию пока еще несознательного, с его точки зрения, крестьянства. В упомянутой выше лекции он заявил молодым слушателям ВПШ: «В настоящее время, пожалуй, половина крестьянства находится под влиянием, во власти религиозной идеологии». Для людей, «владевших информацией», это не было откровением. Профессор продолжал доказывать, что даже больше половины, но слуша-

тели возмущенно кричали с мест: «Меньше!». В доносе они отмечали: «Если согласиться с утверждением лектора, то выходит, что для колхозного крестьянства нашей страны социалистическая идеология вовсе не является господствующей идеологией. А это явная фальсификация нашей советской действительности».

В результате Константинову пришлось держать ответ перед кафедрой и исправлять «ошибку»⁷. Создается впечатление, что профессор был наказан не столько за вульгаризацию марксизма, сколько за выступление перед неподготовленной к восприятию правдивой информации аудиторией и скандал, вызванный этим выступлением. Агрессивное невежество, которое Константинов и ему подобные невольно воспитывали в подрастающем поколении, периодически обрушивалось на самих создателей.

Следствием работы пропагандистского аппарата по насаждению выгодных бюрократии идей было искаженное самопознание и самосознание Золотухина, слушателей ВПШ, миллионов советских людей.

Антиинтеллектуализм пропагандистов

Выступая с шовинистических позиций, разоблачая политических противников и мнимых внутренних врагов, советские руководители совершенно утратили навыки марксистского анализа мировых тенденций. Так, еще в 1913 году В.И. Ленин писал об одном из законов зрелого капитализма: «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки». После Второй мировой войны эта тенденция усилилась вследствие того, что лидеры западных стран стремились быстрее восстановить экономику. Специфической особенностью процесса была ускоренная милитаризация, создание военных блоков на анти-советской основе. Не имея возможности кардинально повлиять на

ход событий, советские руководители уподобились мелкобуржуазным социалистам прошлого: пытались при помощи пропаганды задержать тенденции, которые рушили «милые их сердцу «устои»⁸.

Не лучше обстояли дела и с анализом внутривластной ситуации в СССР. Номенклатура игнорировала или превратно истолковывала негативные, с ее точки зрения, тенденции, делала ставку на их духовное и физическое подавление, а не осмысление, учет и развитие в соответствии с интересами различных групп населения.

Антиинтеллектуализм пропагандистов предопределялся потребностями советской государственной системы: курсом номенклатуры на изоляцию страны от внешнего мира, стремлением сохранить свою власть. Для сохранения власти чиновники во все времена стремились развивать не интеллект граждан, а авторитаризм.

Образ врага и развитие авторитаризма

Критику в свой адрес многие руководители воспринимали как антигосударственное действие. Искусствовед О.М.Бескин, ошельмованный в 1948 году как формалист, а в 1949 как космополит, воспроизвел в своей записке в ЦК партии слова президента Академии художеств и председателя оргкомитета Союза советских художников А.М.Герасимова. В начале 1948 года на Пленуме оргкомитета Герасимов заявил, что «за оргкомитетом наблюдает Комитет по делам искусств, а за последним ЦК партии – что же критиковать?»⁹. В результате, отмечал Бескин, художники боялись высказывать свою точку зрения и теряли критерии «для суждения о достижениях и ошибках в развитии пластических искусств».

Авторитаризм руководителей оказывал мощное воздействие на общественное мнение: среди интеллигенции утвердилась точка зрения, что критиковать руководителей не только опасно, но и бестактно. Тех же, кто осмелился выступить, дискредитировали с помощью образа врага.

Сохранение власти номенклатуры

Новые идеологические ярлыки, обозначающие врага, интенсивно использовали карательные органы. В 1950—1951 гг. их активность была направлена против “сионистов” в промышленности и научных учреждениях. Потерявший связь с реальной действительностью И.В.Сталин, следователи МГБ объясняли хозяйственные неудачи происками врагов или безответственностью директоров предприятий. Субъективизм воспроизводился административно-командной системой, в которой волюнтаризм, приписки к результатам работы и бюрократизм стали нормой. Сказывалось и влияние пропаганды, насаждавшей патриотические идеалы. Истинная же причина неудач заключалась в ином: в отсутствии значительных материальных стимулов для высокоэффективного труда в монополизированной, директивно управляемой экономике. Политбюро же считало данную экономическую структуру единственно разумной — это была основа власти номенклатуры, и видело панацею в смене кадров. Через три—четыре года (1946—1949—1953 гг.) повторялись идеологические кампании, которые способствовали моральной стимуляции трудящихся на более интенсивный труд и смене кадров. Номенклатура использовала патриотические иллюзии и образ врага, причем по мере обострения ситуации в СССР и в мире акцент делался на втором.

Процесс смены кадров в начале 50-х гг. определялся и естественными причинами: выросло новое поколение служащих, стремившихся сделать карьеру. “Остается только наблюдать, — писал в сентябре 1952 г. один из хозяйственников, — как приходят на работу молодые, грамотные люди, а нам становиться в сторонку. В результате получается: этот пьет — сняли с работы, этот отстал, политически неграмотный — сняли с работы, этот стал растратчиком — сняли с работы, этот не справляется с новой техникой — сняли с работы”¹⁰.

Подрастающая молодежь впитывала нормы и использовала способы продвижения по социальной лестнице, которые были характерны для политической системы советского общества, в том числе и обвинения вышестоящих начальников в “сионизме”.

Молодежи было на кого равняться. В архивах отложились сведения об ожесточенной борьбе среди художников и скульпторов, журналистов и ученых, в ССП и аппарате управления государством. Среди «самой передовой в мире» интеллигенции процветали кумовство, злорадство, зависть, доносы¹¹. Доносчики постоянно использовали образ врага. Эту социальную среду режим воспроизводил для самосохранения: руководство страны стравливало группировки для проведения идеологических кампаний и тем самым не допускало усиления их влияния на свою политику.

Стоит отметить еще один аспект проблемы. Граждане, страдая от произвола местных руководителей, обращались в ЦК партии. Образ врага в сочетании с авторитаризмом и иллюзорной верой в возможность восстановления справедливости способствовали нейтрализации социального протеста в формах, выгодных номенклатуре, а ЦК ВКП(б) решал дело гражданина в зависимости от конъюнктуры.

Метод и приемы дискредитации

Итак, образ врага способствовал сохранению устойчивости бюрократической системы в период “холодной войны”. Как и всякой бюрократической системе, советской были присущи такие черты, как авторитаризм; утопизм, волюнтаризм и безответственность аппарата за результаты принятых решений; антиинтеллектуализм и нетерпимость к инакомыслию; недоверие к самостоятельным действиям отдельных личностей и народных масс; стремление выдать частные интересы бюрократии за общенародные. Выбор способа формирования образа врага определялся свойствами бюрократической системы и опирался на универсальные принципы, метод и приемы пропаганды.

Главным методом формирования образа врага была дискредитация противников на основе противопоставления: внутреннего врага — “космополита” — советскому патриоту; капиталистического общества, американского империализма и “клики Тито-Ранковича” — миру “народной демократии” и социализма, СССР. Идеологическая бюрократия¹² создавала информационную реальность, важнейшим элементом которой был образ врага, с целью воспитания “советского патриотизма”.

Для осуществления этой цели использовались любые приемы, даже откровенная ложь. Например, 15 января 1949 г. в “Литературной газете” была опубликована статья В.Крижановского и И.Юревича “Таинственный остров”, в которой члена-корреспондента АПН РСФСР профессора Ф.А.Рау обвиняли в “теоретических диверсиях”. Авторы инсинуации явно спекулировали на немецкой фамилии ученого. Работники агитпропа Д.Попов и П.Климов подтвердили невиновность профессора: дискредитацией научного оппонента занимались его ленинградские коллеги. Но извинений не последовало, виновные не были наказаны. Статья стала еще одним элементом новой информационной реальности. Лояльное отношение к доносчикам стимулировало бюрократическую неумолимость нижестоящих чиновников: спустя полгода, несмотря на заключение комиссии ЦК ВКП(б), редактор раздела внутренней жизни “ЛГ” Н.С.Атаров продолжал отстаивать прежнюю точку зрения¹³. Пропагандисты создавали образ врага, шельмуя преданных государству людей. Запуганный человек всегда лоялен власти.

Если деятельность гражданина не вписывалась в прокрустово ложе официальной идеологии, пропагандисты дискредитировали его при помощи таких приемов как подмена понятий, подтасовка и игнорирование фактов. В сентябре 1948 г. в ЦК ВКП(б) обратился философ Б.М.Кедров, который, оправдываясь за свою “ошибку” — заяв-

ление о несущественности приоритетов для истории науки, рассказал о действиях главного редактора “ЛГ” В.В.Ермилова. Пропагандист начал “поход” против бывшего редактора “Вопросов философии” после того, как журнал заступился за молодого физика Маркова, взгляды которого газета извратила. “Критика, — отмечал Кедров, — которая сводится к приклеиванию оскорбительных ярлыков и простому повторению моей фразы о приоритетах, бесплодна... “Литературная газета” не стыдится искажать критикуемые взгляды. Она действует по принципу: “выловить и выдернуть из контекста отдельные неточные выражения и склеить из них мнимую “концепцию”... В итоге автору приписывается прямо противоположное тому, что он говорит, и опускается то, что отражает его подлинные взгляды”¹⁴. Несмотря на заявления Кедрова, оргбюро ЦК ВКП (б) подвергло философа критике, а “Литературная газета” в марте 1949 г. квалифицировала его взгляды как “космополитические”.

В мае 1949 г. Д.Т.Шепилов инкриминировал Кедрову — одному из крупнейших материалистов-диалектиков, нежелание “с порога” отвергать основы идеалистической философии¹⁵. При этом заведующий агитпропом ссылаясь на В.И.Ленина. В условиях авторитаризма некому было опровергнуть столь примитивный аргумент. Между тем, Ленин писал в работе “К вопросу о диалектике”: “Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического”¹⁶. Шепилову пришлось признать факт искажения цитат Ермиловым, но, не желая оценивать факт, он перевел вопрос на “партийную” оценку творчества Кедрова и правильную, с точки зрения руководства, позицию “ЛГ” о “космополитическом” характере ошибок философа¹⁷.

Историческая ограниченность пропагандистов и образ врага

Историческая ограниченность политиков и идеологов была одной из важных причин возникновения и формирования образа врага

обеими сторонами. Так, советские пропагандисты исходили из положения о детерминации агрессивности США отживающей свой срок капиталистической экономикой. Журналист “ЛГ” В.Лукашевич в статье “Кто угрожает американскому народу” использовал цитату из статьи американского журналиста Д.Лоуренса, который писал: “Ясно, что суммы, расходуемые на вооружения, создали в Америке видимость процветания. Таким образом, получается парадокс, что наиболее серьезную угрозу американской экономике представляет опасность внезапного поворота... к миру”. “Умри, Лоуренс, лучше не скажешь”, — в восторге от саморазоблачения врага писал Лукашевич¹⁸.

Сегодня очевидно, что советский и американский журналисты смотрели на проблему односторонне. Ассигнования на вооружения действительно могли создать только видимость динамичного развития. Подъем же экономики США после войны был обеспечен прежде всего за счет государственного регулирования и социальных реформ. Кроме того, предприятия ВПК относительно быстро использовали секретные технологии для выпуска гражданской продукции. В 1949 году многие американцы еще не разобрались в этом вопросе, воспринимали регулирование как одну из антикризисных мер, время которой истекло. В результате гносеологическая ошибка Лоуренса была максимально использована Лукашевичем для доказательства одного из тезисов советской пропаганды.

Таким образом, среди граждан и руководителей СССР закреплялся догматизм, который мешал правильно оценить тенденции динамично развивающегося мира. В этом смысле советские идеологи были похожи на американских консерваторов — считали, что в дальнейшем на Западе будет по-прежнему развиваться свободная рыночная экономика. Разница между ними состояла в оценке перспектив. Если советские лидеры предвещали крах капиталистической эконо-

мике и обществу, то американские консерваторы видели в ней залог “просперити” (процветания).

Связь образа внешнего и внутреннего врага

В системе пропаганды образ внешнего врага был связан с внутренним и выполнял специфическую внутривнутриполитическую функцию. Дезориентированных, отчужденных друг от друга при помощи образа внутреннего врага людей пропагандисты запугивали образом внешнего врага, добиваясь сплочения народа вокруг правительства. Внешнеполитическая функция образа американского империализма, капитализма в целом состояла в у страшении правительств и народов стран “народной демократии” для удержания их в советском геополитическом пространстве. Внедрение образа внешнего врага в общественное сознание происходило систематически, комплексно, длительное время, с учетом психологии рядового гражданина СССР – на основе принципов пропаганды.

Дискредитация внешнеполитических противников

Комплексный характер пропаганды по формированию образа внешнего врага выражался в дискредитации всех сторон жизни Запада. Любое из направлений пропаганды позволяло выходить на смежные. Обвинения в адрес якобы профашистской, уголовной западной демократии немедленно ставили под удар социал-демократов, представители которых были министрами внутренних дел. В противовес несовершенной демократии Запада превозносилась фикция – демократия советская. Социал-демократы представляли пособниками поджигателей войны и прислужниками империализма. Так же называли и органы печати Запада. Пропагандисты — выразители интересов узкой группы кремлевских руководителей — не стеснялись обвиняли зарубежных коллег в наличии “слишком тонкого слоя интеллекта», отпущенного им природой¹⁹.

Для доказательства умозрительных построений идеологи и пропагандисты супердержав использовали эмоциональные сравнения, факты, термины, драматизировали обстановку. Так, в советской прессе назывались фантастические цифры возможной безработицы на Западе — 19 млн. человек. Значительное количество статей в газетах и журналах было посвящено безнравственности американского бизнеса²⁰. Обстановку в экономике характеризовали только при помощи эмоциональных сравнительных оборотов: “свинцовая туча”, якобы нависшая над капиталистическими странами, “холодный ветер наступающей депрессии”.

Эскалация “холодной войны” отразилась на критике культуры противника. Если в апреле 1947 г. в “Плане пропаганды среди населения идей советского патриотизма” говорилось только об “упадке современной буржуазной культуры”, то в апреле—мае 1949 г. в “Плане мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время” — о “маразме буржуазной культуры и нравов современной Америки”, “вырождении культуры в США”. Столь резкое изменение оценок связано с пониманием того факта, что массовая культура является мощным фактором социологической пропаганды. В процессе контрпропаганды западную культуру неизменно связывали с милитаризмом (“Вот она, культура Трумэнов и Даллесов”), провокациями (“Кинопровокаторы”), неизменно-болезненными состояниями (“Культура духовных наркотиков”, “Искусство сумасшедшего дома”)²¹.

В создании образа врага принимали участие такие мастера карикатуры, как Л.Бродаты, Ю.Ганфа, К.Елисеев, Е.Щеглов, М.Черемных, В.Горяев. Их рисунки сопровождались легко запоминающимися стихотворениями известных поэтов: С.Маршака, Вл.Масса и Мих.Червинского, А.Безыменского, С.В.Михалкова.

Важным приемом было использование свидетельств очевидцев. В январе 1948 г. “Огонек” сообщал о возвращении из США армянских репатриантов. Портные, деревообделочники, врачи дружно осуждали американский образ жизни в противовес неизвестному им советскому: “Вечная борьба за существование”; “я приехал в страну, где разрушен идол наживы”. По мере развития “холодной войны” другой журнал - “Крокодил”, увеличивал количество подобных материалов: если в 1947 г. разоблачению американского образа жизни было посвящено не менее 16 материалов, то в 1949 — 44²².

Мощным оружием в руках пропагандистов стало обвинение западных политиков в отсутствии разума. С этой целью создавались одиозные фигуры, которые олицетворяли свойства образа врага. В стихотворениях и карикатурах постоянно фигурировал бывший министр обороны США Д.Форрестол: в мае 1949 г. душевнобольной Форрестол выбросился из окна с криком “русские танки”.

Представляя западных политиков сумасшедшими, опасными милитаристами, советская бюрократия объясняла происходившие в мире события действием “руки Вашингтона”, а недостатки советского общества — влиянием “растленного” запада на отдельных советских граждан. Образ врага создавался приемами, характерными для бюрократии.

Ирония истории

Неразборчивость в средствах формирования образа врага, историко-философское фантазирование не раз приводили пропагандистов в интеллектуальные и идеологические тупики — к ситуациям, которые Г.В.Ф.Гегель называл “иронией истории”.

Типичным представителем пропагандистского аппарата был В.В.Ермилов. В угаре борьбы с космополитами он санкционировал публикацию 16 февраля 1949 года статьи З.Паперного «Космополиты в кинокритике и их покровители». Автор статьи писал:

«И.Вайсфельд, например, формулирует ленинские положения в таком чудовищно искаженном виде: «Ленин учил, - безапелляционно заявляет он, - что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». Члены редколлегии пропустили ошибку Паперного, а Ермилов еще и приписал: «Под формулировкой Вайсфельда охотно подписался бы любой идеалист, любой махист»²³. С легкой руки Ермилова, который сам творил новую информационную реальность, идеи Ленина превратились в «идеалистические бредни».

Содеянное было оценено агитпропом как политическая ошибка, что признавалось (неслыханный случай!) в следующем номере газеты от 19 февраля.

Однако в деятельности пропагандистского аппарата были просчеты, которые он не мог заметить, а если бы и заметил, то не признал бы никогда. Так, критикуя одного из ученых за «извращения буржуазного кадетского характера»²⁴, т.е. за дух «Вех», главный редактор «Литературной газеты» вместе с другими пропагандистами повторил всю философию, структуру идеологии и терминологию знаменитого сборника: интеллигенты были объявлены «отщепенцами-космополитами», противостоящими государству; официальной, единственно верной идеологии; народу; они объявлялись растлителями молодежи; людьми, не имеющими «здорового национального чувства»²⁵. В духе двойных стандартов недостатки советского общества объяснялись не свойствами режима, не «бытием», как в отношении Запада, а субъективными недоработками, ошибками или «предательством» конкретных индивидов. В конце 40-х гг. подобный взгляд на мир был признан «патриотическим».

А.Н.Веселовский мог бы быть доволен еще одним аргументом в пользу своей теории о «странствующем сюжете». Сюжеты кадетской идеологии перекочевали в идеологию советскую.

Эволюция интернационалистской идеологии революционеров-основателей советского государства в державный патриотизм была закономерным следствием утвердившихся с начала 30-х годов общественных отношений, которые К.Маркс еще в XIX веке характеризовал как «грубый и неосмысленный», «казарменный коммунизм». Для его представителей характерна иллюзия о преодолении «человеческого самоотчуждения», эксплуатации на том основании, что граждане равны в правах перед общиной, которая на деле выступает в роли «всеобщего капиталиста». В СССР государственная эксплуатация граждан обернулась отрицанием личности человека и воспроизводством индивидов, «которые не только не возвысились над уровнем частной собственности, но даже и не доросли еще до нее»²⁶.

Примитивное мышление граждан воспроизводилось пропагандистским аппаратом, который обслуживал интересы номенклатуры. Образ врага и державный советский патриотизм стали важнейшими элементами пропаганды. Ее дальнейшее развитие предопределялось новыми факторами международных отношений и внутренней политики правительства СССР.

ГЛАВА III

ЭВОЛЮЦИЯ И РОЛЬ ОБРАЗА ВРАГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х ГОДОВ.

§ 1. Функционирование и развитие образа врага в мае 1951—августе 1952 гг.

Мир в начале 50-х годов

В начале 50-х годов во внешней и внутренней политике капиталистических государств появились новые тенденции, которые вызвали негативную реакцию правительства СССР. Это “план Плевена”, выдвинутый в октябре 1950 г. французским премьер-министром, — план создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), с помощью которого западные державы пытались провести ремилитаризацию ФРГ. “План Шумана”, согласно которому возникло Европейское объединение угля и стали — зародыш будущего “Общего рынка”.

Дестабилизирующими факторами мировой политики, которые влияли на развитие образа врага, продолжали оставаться корейская война и конфликты сторон на переговорах в Кэсоне и Панмыньджоме; рост национально-освободительного движения, которое всемерно поддерживал СССР, — в 1951 г. добилась независимости Ливия, в 1952 — Египет; американско-советско-японские отношения.

Самостоятельным фактором политики стали взаимоотношения двух немецких государств, а также деятельность канцлера ФРГ Конрада Аденауэра. Канцлер использовал программу ремилитаризации Западной Германии, образ советского и восточногерманского противника для давления на США и Великобританию с целью расширить суверенитет страны, ограниченный оккупационным статусом. Восточногерманское правительство, в свою очередь, не раз невольно подыгрывало Аденауэру, который стремился не допустить общегерманских выборов. Воинственная риторика сторон определялась не

только позицией лидеров государств, но и народов: например, в апреле 1952 г. подавляющая часть западных немцев, выступая за переговоры с СССР, одновременно не принимало сложившихся после войны границ. Аденауэр не верил в возможность их передела, но был вынужден из политических соображений делать заявления и предъявлять претензии восточноевропейским странам¹.

В свою очередь, правительство США пыталось использовать ремилитаризацию ФРГ и образ советского врага для ограничения суверенитета ФРГ, в котором оно видело “трудного партнера”².

Правительство СССР пыталось удержать в своем геополитическом пространстве страны Восточной Европы, и прежде всего таких “трудных партнеров” как Польша и Чехословакия. В Чехословакии шла активная подготовка политического процесса, жертвой которого в конце 1952 г. станет Генеральный секретарь ЦК КПЧ Р.Сланский³. Наряду с созданием образов шпионов, спецслужбы СССР и стран Восточной Европы искусно заманивали в ловушки реальных западных шпионов и диверсантов⁴.

Во внутренней политике перед правительством СССР встали не менее трудные задачи. Восстановление экономики страны в основном было закончено. Энтузиазм трудящихся, вызванный пафосом восстановления, угасал, а возможностей для материального стимулирования эффективного труда государство все еще не имело. Значительные средства расходовались на гонку вооружений. Крайне медленно росло благосостояние граждан. Сельское хозяйство по-прежнему рассматривалось как главный источник накопления средств для модернизации промышленности. Принципы функционирования хозяйственного механизма не способствовали решению новых задач⁵. Пропаганда была призвана затушевывать противоречия реальной жизни и объяснить трудящимся, особенно крестьянам, почему им так тяжело живется на родине социализма.

Перестройки аппарата пропаганды

Изменения в межгосударственных отношениях, новые внутриполитические тенденции вызывали необходимость коррекции пропагандистской деятельности. В 1951—1954 гг. это привело к тому, что отдел пропаганды и агитации перестраивался четырежды: в январе 1951, январе и апреле 1953, мае 1954 гг. Реорганизации отражали процессы централизации и специализации, характерные для всех бюрократических аппаратов. Но смысл их был различным. Если перестройки 1951, января 1953 и 1954 гг. были направлены на ужесточение критики Запада, то в апреле 1953 г. реорганизация СИБ, например, должна была ограничить излишнее рвение пропагандистов в период разрядки. Особенностью перестройки 1954 г. было создание не только функциональных, но и территориальных отделов в рамках отдела пропаганды и агитации.

Направления пропаганды и новые лица

В середине 1951г. образ врага не был выражен столь ярко и полно, как в марте 1949г. На страницах советских газет до января 1953г. практически отсутствовала одна из его важнейших форм — образ внутреннего врага "космополита", "сиониста". ЦК ВКП (б) делал акцент на развитие у граждан "советского патриотизма", а также боролся против "пережитков капитализма" в сознании "отдельных" несознательных граждан СССР.

В начале 50-х гг. в советской внешнеполитической пропаганде пересекались и стимулировали друг друга две основные линии, которые в конечном итоге способствовали закреплению в общественном сознании образа американского милитаризма: корейская и западно-европейская, прежде всего германская.

Весной—летом 1951 г. на страницах советских газет стало заметно творчество приглашенных из-за рубежа журналистов-коммунистов. Один из них — Жан Катала, специализировался на

дискредитации представителя правых сил — де Голля, и созданной им партии “Объединение французского народа” (РПФ). Спекулируя на невежестве подавляющего большинства советских людей, Катала отождествлял позицию французского правительства, которое выступало за сотрудничество с американцами, и позицию де Голля, который резко критиковал как коммунистов, так и американскую экспансию во Франции.

21 июня Катала опубликовал статью “Де Голль — оруженосец Уолл-стрита”, которая в первоначальном варианте называлась “Де Голль не пройдет!” и предназначалась для публикации до дня выборов в Национальное собрание Франции. Но де Голль “прошел”, РПФ даже отобрала голоса у социалистов, и статья была опубликована с небольшими изменениями. “Решив во что бы то ни стало навязать свою волю народу, де Голль, равно как и “200 семейств”, — писал Катала, — прибегли к наиболее надежному с их точки зрения средству: они полностью превратились в агентуру американского империализма”. Дописка на полях черновика рукой советского редактора усиливала удар: “Этому способствовало еще и то, что де Голль и его сообщники скоро поняли — лондонские покровители ненадежны. Сама Англия, потрепанная и ослабленная войной, стала превращаться в американского вассала”⁶.

По-прежнему разоблачались югославские сепаратисты. Журналисты, зарубежные корреспонденты соревновались в подборе хлестких заголовков: на протяжении 1951—1952 гг. “Литературная газета” поместила статьи Мэрсина Мэтая — албанского дипломата, арестованного в Югославии, “21 месяц в титовских застенках”; В.Катаева “В клоаке титофашистов”; И.Ремизова “Белградские мальтузианцы”. Журналисты использовали высказывания западных политиков, которые неоднозначно относились к югославским руководителям: Катаев, например, цитировал сенатора Маккарэна, публично назвавшего Ти-

то “бандитом и убийцей”, но призвавшего конгресс оказать помощь Югославии, потому что это было выгодно США⁷.

В дискредитации США при помощи статей о событиях в Корее преуспел американский коммунист Джозеф Кларк. Поселенный в квартире на Садово-Самотечной улице, Кларк начал поставлять согласованные с советскими пропагандистами статьи⁸. 7 июля 1951 г. он опубликовал в “ЛГ” статью “За что они сражаются”, посвященную низкому моральному состоянию американских солдат, воюющих за интересы монополий в Корее.

Тупики корейской войны и пропаганда

Статья Кларка верно отражала ситуацию: война затянулась, правящие круги Америки зашли в тупик. Деятельность дипломатов супердержав с лета 1951 г. была направлена на поиск выхода из корейской войны без потери лица⁹. 23 июня по американскому радио выступил советский представитель в ООН А.Я.Малик, который предложил воюющим сторонам начать переговоры о прекращении огня, “о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели”¹⁰.

В тот же день, 23 июня, “Литературная газета” опубликовала заметку Б.Агапова “Дикари в Ясной Поляне”, в которой сообщалось о вызывающем и грубом поведении первого и второго секретарей посольства США. На следующий день редакция опубликовала письма возмущенных советских граждан.

Произошедшие 23 июля события показали противоречивость ситуации: вынуждая своих сателлитов начать переговоры о заключении перемирия в Корее, супердержавы не собирались прекращать психологическую войну. Поводы следовали один за другим: с июля 1951 г. США и государства Западной Европы начинают осуществлять “план Плевена”. В августе были сорваны переговоры в Корее, до конца октября возобновились боевые действия; в сентябре прошел СМВД в Оттаве и Вашингтоне, принявший концепцию ЕОС, а также

Сан-францисская конференция, утвердившая американский вариант договора с Японией.

Вместе с тем, заявление Малика и переговоры по корейскому вопросу, проведение в апреле 1952 года международного Экономического совещания говорили о появлении первых ростков будущей разрядки международной напряженности. У нее были объективные причины. Народы Запада и Востока устали от первого этапа холодной войны. Политика США зашла в тупик, и правительство было вынуждено спасти свой имидж миротворца. Правительство же СССР нуждалось в налаживании торгово-экономических связей с Западом для закупки товаров и сырья, которые не могла произвести промышленность отечественная.

В столь противоречивой обстановке меняются функции образа врага. Дискредитация США теперь направлена на принуждение к заключению соглашения по Корее. Еще одна задача - раскол единого фронта Запада с целью наладить торговые отношения с западноевропейскими странами.

В результате более гибко заработала советская цензура. Так, после срыва переговоров по Корее в августе 1951 г. "Литературная газета" дискредитировала в глазах советских людей нового американского главнокомандующего объединенными силами ООН на Дальнем Востоке: поместила фотографию под заголовком "Риджуэй-палач Кореи". Редакция использовала прием переноса отрицательного авторитета с одного лица на другое: напомнив о подобном фото с Макартуром, газета комментировала: "Спокойно любуется он трупами. Да, Уолл-стрит не ошибся, когда, подыскивая замену Макартуру, остановил свой выбор на Риджуэе"¹¹. С октября переговоры возобновились, и отдел пропаганды и агитации стал жестко цензурировать материалы, присылаемые собственными корреспондентами "ЛГ" в Корею. Например, В.С. Латов с января по май 1952 г. направил около

десятка сообщений, в которых политика США подвергалась критике с помощью образа врага. В статье “Дети Кореи” он, например, писал: “Американские звери, презрев законы джунглей, терзают и рвут на части детские тельца”; в статье “Пауки в банке” Ли Сын Ман и Ким Сон Су обзывались “облезлыми павианами” и “матерыми предателями”. Однако статьи так и остались в виде телеграмм¹². Латов, проинструктированный в ином, видимо, духе, напрасно просил сообщить об их судьбе. Часть его менее эмоциональных материалов была размещена в армейских газетах и “Советском искусстве”¹³.

Вихри психологической войны

Однако образ врага-милитариста применялся для обвинений американской стороны в затягивании переговоров о мирном урегулировании в Корее. Типичный пример — статья Б.Щетинина “Цепь проволочек”, опубликованная 10 апреля 1952 г. “Литературной газетой”. Накануне заключения Боннского и Парижского соглашений Щетинин небезосновательно отмечал: “Война в Корее используется американским империализмом для усиления военного напряжения во всем мире, как средство давления на своих европейских сателлитов в вопросах перевооружения и вооружения». Таким образом, СССР пытался мобилизовать мировое общественное мнение против США.

Весной 1952 года, во время Экономического совещания на страницах газет вновь предстало неприглядное лицо американского империализма, который мешает своим сателлитам торговать с СССР. Газеты утверждали, что это западные страны нуждались в торговле с СССР, а Союз шел на сотрудничество только исходя из стремления к миру. Агитпроп организовал публикацию большого количества статей иностранных авторов в “Литературной газете” и “Труде”. В статье Нелли Фельд и Робера Ламбуата “Какие преимущества получит Франция от интенсивной торговли с Советским Союзом”, опубликованной “ЛГ” под заголовком “Письмо из Франции”, французское

правительство осуждалось за участие в военных программах Пентагона, которые разоряют местную промышленность¹⁴. Подобные материалы были опубликованы по Италии, Великобритании¹⁵.

Образ врага активно использовался для нейтрализации заявлений делегатов Экономического совещания. Так, в газетном отчете о выступлении промышленника из Австрии Ю.Шахнера, анализировавшего причины международной напряженности, утверждалось, что он “пустился в странные утверждения, что этими причинами будто бы является «непрерывный и чудовищный рост народонаселения», «прогресс технизации»”¹⁶. Удивленно-пренебрежительный тон и выделение постулатов разоблаченных ранее неомальтузианских теорий оживляли одну из психологических установок образа врага и воспроизводили весь стереотип.

Апогей советской пропаганды в 1951 г. приходится на ноябрь, когда советская печать дружно обрушилась на “атомный” октябрьский номер журнала “Кольерс”. В написании статей для него принимали участие многие известные политики, экономисты и писатели Запада, обратившие острое своего пера против советского врага. В беллетристической форме журнал преподнес читателям один из вариантов ядерного нападения на СССР. Это позволило пропагандистам СССР и их иностранным помощникам оживить в сознании советских людей практически все формы образа внешнего врага. Так, Пьер Куртад обращал внимание, что по сценарию “Кольерса” третья мировая война начинается с “белградского инцидента”, и привязывал прогнозы журнала к антисоветскому дипломатическому демаршу правительства Югославии в ООН. Джозеф Кларк нанес удар по всей политике Вашингтона: “Дела вашингтонских “миротворцев” говорят сами за себя. Это — агрессивный Северо-Атлантический блок, это — густая сеть баз, опутавших весь земной шар; это — миллиардные ассигнования, вливающие силу в военную машину Уолл-стрита ...это,

если хотите, и специальный “атомный” номер моргановского еженедельника “Кольерс”¹⁷.

Правые силы США вновь дали повод для закрепления образа врага в общественном мнении СССР. Конгресс США принял закон от 10 октября 1951 г., который предусматривал выделение 100 млн. долларов на финансирование подрывной и диверсионной деятельности против СССР и стран народной демократии. В передовой “Правды” от 23 октября “Диверсанты и шпионы на содержании конгресса” закон назывался “террористическим”. В ноябре—декабре советские газеты опубликовали ноты СССР и Чехословакии по данному вопросу, а правительство добилось обсуждения вопроса о вмешательстве США в дела других государств на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако США не обратили внимание на ноты, а обсуждение вопроса в ООН провалили.

Палочный аргумент

Тогда же, в октябре 1951 г., появилась статья “Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике” — одна из немногих, в которой вновь мелькнула тень внутреннего образа врага. “Правда” напомнила об антикосмополитической кампании 1949 г., а также осудила А.С.Гурвича за выдуманные факты принижения роли советской литературы¹⁸. Это было недвусмысленное предупреждение так называемым космополитам: ЦК ВКП(б) и руководство ССП не допустит никакого инакомыслия.

Угрозы в адрес возможных внутренних врагов прозвучали в сложной международной обстановке. 18 февраля 1952 г. Турция и Греция присоединились к НАТО; началась война нот между СССР и США по германскому вопросу; Лиссабонская конференция руководителей стран НАТО утвердила проект создания “европейской армии” — ЕОС, и приняла программу ремилитаризации ФРГ. В мае западные державы планировали подписать соглашение о создании ЕОС и за-

ключить “Общий договор” с ФРГ, согласно которому прекращалось действие оккупационного статуса.

Германская проблема и образ врага

В еще большей степени закреплению образа врага в общественном сознании способствовали статьи по германскому вопросу. В октябре—ноябре 1951 г. советские пропагандисты развивали тему “Генералы вермахта на службе Уолл-стрита». Так, содержание статьи Д.Мельникова (Меламеда) и Л.Черной “Лакштифели жаждут реванша”, опубликованной “Огоньком”¹⁹, сводилась к тезису о преемственности планов фашистской Германии и США: мол, предчувствуя поражение Германии, Гиммлер приказал разработать специальный план сохранения офицерских кадров для обеспечения “реванша” в III мировой войне. План, якобы, поддержали американцы, реабилитировав нацистских преступников для использования против СССР. В акции приняли участие все центральные газеты: так, “Комсомольская правда” осуждала “план Шумана” как “план войны”; “Правда” назвала планы интеграции “политикой реванша и агрессии”²⁰.

Усиление конфронтации по германской проблеме сорвало попытку агитпропа ЦК ВКП(б) снизить интенсивность использования образа врага в пропаганде по корейскому вопросу. В течение марта—мая 1952 г. Советский Союз трижды предъявлял США ноты, в которых муссировалась мысль о возрождении “вермахта”²¹, а также обвинил США в использовании бактериологического оружия в Корее. Американские пропагандисты использовали не менее хлесткие контраргументы: реанимировали “Катынское дело”.

Для отпора врагу срочно были мобилизованы такие “свидетели”, как митрополит Николай. Заголовок его статьи “Голос свидетеля” подменял понятия: митрополит был свидетелем не расстрела, а вскрытия могил в 1944 г. и сам оказался жертвой обмана со стороны спецслужб СССР. “Во мне, как участнике расследования Катынского

преступления, закипает жгучее чувство протеста против такой нечестной, отвратительной провокации, — писал отец Николай, — затеявшие ее круги воскрешают гнусную провокацию Геббельса и К°, поднятую в 1943 г., с ее попытками приписать преступление нам. Но народы умеют разбираться во лжи и правде!” Написанная 3 марта, статья уже 6-го увидела свет в “Литературной газете”²². Обращает на себя внимание и выбор автора: церковь была авторитетом для сельского населения. Развивая тему, “Литературная газета” 8 марта опубликовала два фото: “1941. Преступление гитлеровских палачей в Катыни. — 1951. Преступление американских палачей в Корее”. Одновременно 4 и 5 марта “Труд” перепечатал “Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров”.

Заключение Боннского “Общего договора” с Германией 26 мая и подписание 27-го Парижского договора о создании ЕОС вызвало мощный пропагандистский залп в советской печати. Известные журналисты эксплуатировали образ врага в статьях типа “Сговор агрессоров” В.Березинского; “Разоблачить агрессоров” Е.Григорьева; “Против боннского сепаратного договора” С.Зыкова и других. В этой акции также участвовали все центральные газеты²³.

Все лето 1952 г. пресса вела прицельный огонь по заключенным соглашениям, по “наместнику Гитлера” — К.Аденауэру, военизированным подразделениям ФРГ²⁴.

Образ врага-“неофашиста” в лице Аденауэра пропагандисты использовали для давления на общественное мнение Франции, в которой не только коммунисты, но и значительные слои населения опасались возрождения германского милитаризма. “Фашизм не пройдет”, — гласили газетные заголовки, посвященные арестам француз-

ских коммунистов Ж.Дюкло, А.Стиля — организаторов акций протеста против Боннских и Парижских соглашений²⁵.

Долговременная пропаганда в действии

Весьма своевременно, 15 июня, “Труд” — одна из самых массовых газет СССР, опубликовал рецензию-рекламу книги И.Эренбурга “Девятый вал”. “Это произведение включено в живой и бурный поток текущей действительности”, — писал Л.А.Плоткин, который пытался донести до рядовых советских людей пропагандистские моменты произведения. В книге изображена “кипучая” жизнь отдельных представителей советской интеллигенции, которые проводят время в заграничных командировках, читают «лекции» о положении в мире иностранным корреспондентам газет, с жалостью смотрят на одураченных американской пропагандой людей. Эренбург устами отрицательных героев смело воспроизводит постулаты антикоммунистической пропаганды, но искусно нейтрализует ее: доводит до абсурда, показывает шпионскую деятельность носителей. Вот типичный пример: спор антисоветски и просоветски настроенных западных интеллектуалов: “Профессор Хенусси прервал его: “Может быть, вы скажете, что дискуссия по биологии не искажение данных? Я ознакомился с отчетом, трудно себе представить большее подчинение науки политической указке”. “Не нахожу, — спокойно ответил Дюма, — конечно, у них стиль разговора другой. Я готов понять, что некоторые выражения вас коробят. Но на дискуссии был поставлен вопрос первостепенной важности...” “Для коммунистов, — воскликнул профессор Хенусси, — в конечном итоге это не научная дискуссия, а пропаганда. Завтра мы, быть может, прочитаем, что Дарвин был коренным русским...” Дюма пожал плечами: “Это, простите, не остроумно. Трудно поверить, что такие вещи говорит ученый, а не газетчик...”²⁶. “Всесторонне изобразив мир смидлов, нильсов, лоу и бедье, их “культуру”, политику и “идеалы”, их каннибальские за-

мысли, — подчеркивал Л.Плоткин, — Эренбург вместе с тем показал неизбежную историческую обреченность этих преступных планов и вожделений”. Писатели продолжали насаждать стереотип образа врага.

Беспроницаемая открытость

Идеологи и пропагандисты из ЦК ВКП(б) были уверены в превосходстве советского экономического и политического строя над любым несоветским. После антикосмополитической кампании 1949 г. к этому присоединилась уверенность в отсутствии в стране инакомыслящих, прочном морально-политическом единстве общества. В результате впервые с октября 1947 г. И.В.Сталин мог допустить открытую полемику с внешнеполитическим врагом в печати.

Летом 1951 г. министр иностранных дел Великобритании лейборист Моррисон направил в редакцию “Правды” письмо, в котором прославлял западные ценности — свободу и демократию. “Граждан Британии не забирают в их жилищах, их не ссылают, их не заключают в трудовые лагеря, — писал министр, — хотелось бы мне знать, может ли каждый из вас открыто сказать, что он испытывает такое же чувство личной безопасности...” “Правда” и “Комсомольская правда” поместили на своих страницах письмо, а также ответ, дополненный затем откликами из зарубежной печати²⁷.

Политическая наивность Моррисона состояла в неучете мировоззрения советских людей, сформированного во многом пропагандой. Подавляющее большинство советских читателей, не знавших, что такое свобода и демократия, согласились бы с “Правдой”, демагогически заявившей, что “в СССР не существует печати, организаций для врагов народа, ...для неисправимых воров, для засылаемых заграничной разведкой диверсантов, ...для тех преступников, которые стреляли в Ленина, отравили Горького, Куйбышева...”. Использование сильнейшего контраргумента, основанного на образе врага,

уводило от вопроса о возможности существования в СССР гласности, оппозиции правительству, парламентаризма.

Впрочем, не был свободен от лицемерия и демагогии и Моррисон. “В то время как Моррисон хвастался личной свободой, свободой печати и независимостью англичан, — цитировала “Комсомольская правда” ливанскую газету “Аш-Шарк”, — мы знаем, каким образом англичане лишили арабские народы их свободы”. В итоге, идеологические схватки способствовали одурачиванию граждан всех стран.

Образ врага в экономических отношениях

Несмотря на то, что внутриполитическая пропаганда практически не использовала образ внутреннего врага, многочисленные комиссии ЦК ВКП(б) объясняли обнаруженные на местах недостатки его действиями. Так, в I половине 1951 г. комиссии агитпропа провели проверку партийно-агитационной работы в 19 областях СССР. На строительстве Цимлянского гидроузла Волго-Донского канала и иных объектах проверяющие обнаружили штурмовщину, нерациональное использование техники, невыполнение рабочих норм сорока процентами рабочих, высокий уровень травматизма. Комиссии отмечали наличие жесточайшей эксплуатации: “Продолжительность рабочего дня на ряде объектов доводится до 24 часов и не соблюдаются выходные дни”. Неосмысленный протест рабочих был закономерен: в одном из автопарков на всех автомашинах были разбиты фары.

Чиновники же объяснили факт только деятельностью “сомнительного в политическом отношении человека” — главного инженера гаража, бывшего заключенного, и слабой воспитательной работой местной партийной организации. Предлагались чисто бюрократические способы исправления “недостатков”: “увеличение штатного расписания политотдела”, чтение лекций о международном положении, патриотизме советских людей, в которых муслировался образ врага. Важным средством мобилизации считались собрания, на кото-

рых рабочие составляли письма-обязательства И.В.Сталину²⁸. На втором плане в рекомендациях, как правило, стоял пункт о необходимости обеспечения строительства новой техникой и ничего — о материальной заинтересованности рабочих, прекращении бюрократической регламентации труда, новых формах его организации.

Образ врага в социальных отношениях

Борьба с западным влиянием внутри страны приобрела форму искоренения пережитков капитализма в сознании отдельных граждан СССР. Под пережитками подразумевались халтура на работе, воровство, несоблюдение законов, бюрократизм, взяточничество, национализм. Наличие качеств, которые формировали у людей экономическая и политическая системы советского общества, объяснялось вредоносным влиянием Запада и прошлым царской России.

Несознательный советский человек — носитель “пережитков капитализма в сознании”, — разновидность образа внутреннего врага, адаптированная номенклатурой для относительно спокойного периода внутриполитической жизни; идеологический символ, который обозначал потенциального политического перерожденца. С начала 50-х годов его активно использовали суды для обеспечения монополии номенклатуры на собственность, для подавления социального недовольства граждан. Заместитель министра юстиции РСФСР И.Перлов в не опубликованной “Литературной газетой” статье “Советский суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей” приводил многочисленные примеры наказаний граждан за “частно-предпринимательскую деятельность под вывеской различных артелей”, “спекуляцию”. “Пережитки капитализма”, отмечал И.Перлов, находили отражение в делах “так называемого частного обвинения” — судебных разбирательствах по поводу клеветы, склок. Причиной возникновения подобных явлений зам. министра считал сохранивши-

еся “мелкобуржуазные привычки” отдельных граждан, а также “плохую постановку культурно-массовой работы” на местах.

Однако примеры, приведенные в статье, говорили о другом: тяжелом положении советских людей, которое и было причиной нездоровых общественных явлений. Социальный протест дезориентированных пропагандой граждан принимал пока примитивные формы и направлялся против сограждан. И.Перлов рассказал историю трех интеллигентных людей — врача и двух архитекторов, соседей по коммунальной квартире, которые делали друг другу “мелкие гадости” на кухне и подавали в суд “клеветнические заявления”. “Только тогда, когда народный суд вынес всем троим обвинительный приговор, в квартире установились мир и спокойствие”, — самодовольно констатировал чиновник²⁹.

В обществе, пронизанном насилием³⁰, обвинение граждан в наличии у них “пережитков капитализма в сознании” стало эффективным орудием номенклатуры для подавления социального протеста на той стадии, когда еще не произошло его осмысление и перерастание в недовольство всем государственным и общественным строем; помогало создавать картину социального благополучия; формировало у населения установку на непротивление властям; способствовало отчуждению граждан СССР от собственности и власти.

Статья же И.Перлова, которая многое говорила о реальном социальном статусе гражданина, в январе 1952 г. была списана в архив.

Снова кризис пропаганды

В начале 50-х годов советское общество было на грани кризиса: в ЦК ВКП(б) поступало большое количество документов о росте недовольства населения. Патриотическая пропаганда уже не могла в должной мере обеспечивать стимуляцию труда, социально-политическое единство общества.

Это сказалось на деятельности пропагандистов: отделы пропаганды центральных газет публиковали все меньше статей о коммунистическом воспитании трудящихся, советском патриотизме, а к тем, которые появлялись на страницах газет, относились формально: статьи состояли из раскавыченных и закавыченных цитат. Заведующие подотделами агитпропа ЦК ВКП(б) А.Слепов и В.Лебедев с тревогой писали о снижении активности газет секретарю ЦК М.Суслову³¹ и предлагали усилить контроль за их деятельностью.

Идеологическую бюрократию все меньше устраивало отсутствие на страницах газет ярко выраженного образа внутреннего врага, без которого патриотическая пропаганда становилась неэффективной. В результате пропагандистские установки апреля—мая 1949 г. подверглись конверсии. 11 сентября 1952 г. “Литературная газета” опубликовала статью Б.С.Рюрикова “В жизни так не бывает”, в которой автор под видом критики взглядов неких отсталых людей отрицал прежнюю линию пропаганды. “Ложью и фальшью является утверждение, — писал Рюриков, — что у нас нет уже отсталых людей, людей чуждых, злых, недоброжелательных. Не со всем дурным наследием прошлого мы разделились, не со всеми пережитками капитализма в сознании людей покончено!”

Статья Б.С.Рюрикова была опубликована в момент, когда завершалось следствие по “делу врачей” и полным ходом шла подготовка к XIX съезду ВКП(б); в Чехословакии подходил к концу суд над “группой” Р.Сланского. Статья говорила о подготовке ЦК ВКП(б) идеологической кампании, в которой образ внутреннего врага будет играть важную роль.

§2. Образ врага как средство преодоления кризиса.

Догмы и действительность

В сентябре 1952 г. советские люди активно обсуждали в партийной печати проекты важнейших документов XIX съезда ВКП(б), в

том числе проект нового Устава партии. Длительное — больше трех лет — отсутствие на страницах газет крайних форм образа внутреннего врага, деловой настрой корреспондентов, которые пытались выявить причины недостатков советского общества, привели к тому, что в списке причин негативных явлений не нашлось места действиям внутреннего врага. Граждане сообщали о росте бюрократизма, безответственности и бытовом разложении местных руководителей, неэффективном управлении народным хозяйством чиновниками, преследованиях по национальному признаку, зажиме критики, распространенном клеветничестве. Во многих письмах рассказывалось о тяжелом положении советских людей, подчеркивались социальные контрасты. “Группа высокооплачиваемых членов партии остается без оснований в преимущественном положении..., — отмечал И.Бушков из Москвы, — Рост неравенства, появившийся за последние 10 лет, не вяжется с переходом к строительству коммунизма, именно этот рост неравенства приводит к таким извращенным понятиям, как “две дисциплины”, о чем указывается в тезисах тов. Хрущева”¹. В письме старого коммуниста Я.Деревянко, который всю жизнь проработал в “категории среднего и старшего комсостава”, звучит “грустный вопрос” и обида: “Как же буду существовать дальше? Ведь на 210 рублей обычной пенсии и даже на 300 рублей повышенной не проживешь. Ведь это жизнь впроголодь... Не скрою, эта предстоящая нерадостная перспектива вызывает не только грусть, но и сильную обиду... Если и впредь будет то же невнимание и казенное безразличие, которое было до сих пор, то, не скрою, к чувству обиды присоединится и чувство оскорбления за свое человеческое достоинство”².

Корреспонденция говорила о том, что многие советские граждане находятся на пути рационального объяснения негативных явлений советского общества, начинают обвинять в происходящем не только местные, но и центральные власти. Стон измученной страны

уживался с иллюзией, что в СССР отсутствует “эксплуатация человека человеком” — синоним отсутствия эксплуатации вообще³.

Факты, изложенные в письмах, противоречили догмам идеологии и пропаганды. ЦК ВКП(б) имели два средства, при помощи которых можно было отвлечь внимание людей от тяжелой жизни, дать выгодное номенклатуре объяснение причин негативных явлений: обвинение в “головотяпстве” местных начальников и происки врагов. Оба средства и были использованы в кризисной обстановке.

Одновременно с первым — предсъездовским, потоком писем в ЦК ВКП(б) приходило большое количество анонимок, авторы которых обвиняли местных начальников в служебных преступлениях и использовали термины “космополит”, “еврей”, “сионист”, “бывшая немецкая переводчица”, “анархист-террорист”⁴.

Один из таких доносов, написанный в октябре 1952 г., стоит воспроизвести с сохранением орфографии и пунктуации автора: “Тов. Маленков. Секретар Винницкого Обкома... еврей абанывает ЦК женил доч на еврее Это защитник информаторсионистов. Проганите Проверте это правда”⁵. Проверки выявили, что второй секретарь Винницкого обкома ВКП(б) не еврей, а на зятя-еврея нет компромата. Однако стало известно, что отец зятя в 1934 г. был арестован ОГПУ за “спекулятивные сделки”, а жена свата имеет “письменную связь с Америкой”. В феврале 1953 г. пленум Винницкого обкома освободил секретаря от должности за “наличие компрометирующих данных на родственников”.

Факты свидетельствуют, что советские люди использовали образ врага ситуативно против начальства тогда, когда эксплуатация и унижение становились невыносимы; что среди широких масс населения термины “сионист” и “еврей” стали обозначать врага. В свою очередь, образ врага помогал высшей бюрократии держать под контролем бюрократию среднюю — “удельных князьков”, при помощи

низов общества и обвинять местное начальство в преступлениях. Образ врага, антисемитизм стали материальной силой, которая определяла мышление и поведение и рядовых граждан, и номенклатуры.

Неудачная попытка остановить кризис

В выступлениях делегатов 19 съезда появились новые моменты, которые свидетельствовали о скором возвращении образа внутреннего врага на страницы газет. В “Докладе XIX съезду партии об изменениях в Уставе ВКП(б)” секретарь ЦК Н.С.Хрущев следующим образом обосновал необходимость включения в Устав пункта о соблюдении коммунистами государственной тайны: “Многие работники, обольщаясь хозяйственными успехами, забывают указание партии о необходимости всемерно повышать бдительность. Нужно всегда помнить о капиталистическом окружении, о том, что враги социалистического государства пытались и будут пытаться засылать в нашу страну свою агентуру для подрывной работы. В своих гнусных целях враждебные элементы стремятся пробраться на различные посты в партийных, государственных и хозяйственных организациях и использовать людей беспечных, болтливых, не умеющих хранить партийную и государственную тайну”⁶. Политбюро было мало возложить вину за негативные явления на местных руководителей⁷; оно готовило политический процесс, с помощью которого надеялось мобилизовать общество и преодолеть кризис.

Между тем, хозяйственные успехи были таковы, что правительство, прежде всего, видимо, Г.М.Маленков, попыталось еще раз запугать директоров предприятий неминуемым судебным преследованием за должностные преступления. 16—18 декабря 1952 г. “Известия” и “Правда” опубликовали сенсационные статьи типа “Либеральное отношение к нарушителям дисциплины”, в которых сообщалось о растратах и хищениях на десятки миллионов рублей, резком

возрастании приписок к выполнению планов в ряде регионов СССР, безнаказанности руководителей.

Однако публикации вызвали недовольство идеологических чиновников, которые использовали для их прекращения образ внешнего врага. Работники ЦК КПСС В.Степанов и В.Лебедев 18 декабря напомнили секретарю ЦК Н.А.Михайлову, к чему приводит гласность. “Справедливо критикуя соответствующие организации за слабую борьбу с этим злом (хищениями-А.Ф.), — дипломатично отмечали они, — редакции газет вместе с тем поступают, по нашему мнению, неправильно, сгущая краски и чрезмерно увлекаясь публикацией обобщаемых фактов, иллюстрирующих размеры всякого рода хищений, что может дать пищу для реакционной прессы”⁸. В результате в конце декабря “обобщаемые факты” исчезли со страниц газет, но проблема, которую надо было решать, осталась.

Таким образом, можно предположить, что “дело врачей” — новый этап в использовании образа внутреннего врага, было детерминировано прежде всего внутренними экономическими, политическими и социальными причинами — кризисом общества. Страх Сталина перед международным сионистским заговором⁹ не более чем мотив, субъективное мнение И.В.Сталина и номенклатуры. Само это мнение порождено бюрократическим мышлением чиновников, которые в силу своего классового положения объясняли негативные явления общества действием врагов.

Образ врага в период дела врачей

ЦК КПСС сделал еще одну попытку сплотить общество, преодолеть кризисные явления перед лицом враждебного Запада, стимулировать трудовую активность людей за счет оживления мифов о внутренних врагах, которые, якобы, уже отравили ряд советских руководителей и подбирались к “отцу” — И.В.Сталину.

9 января 1953 г. на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС был утвержден проект сообщения ТАСС об аресте группы “врачей-вредителей” и статьи “Правды” по этому поводу¹⁰. Вскоре руководитель секретариата И.В.Сталина А.Н.Поскребышев направил секретарю ЦК КПСС и руководителю отдела пропаганды и агитации Н.А.Михайлову записку: “Т. Михайлову. Посылаю 1 экз. “хроника” арест врачей-вредителей для помещения в газетах на 4-й полосе справа”¹¹. В передовой статье “Правды” “Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей”, пришедшей вместе с запиской, подчеркивалось, что в СССР все еще “сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали, сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди (выделено в тексте — А.Ф.), скрытые враги нашего народа. Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, будут вредить и впредь”¹². 13 января “хроника” и статья были опубликованы: кампания началась.

Патриотизм, основанный на ненависти к врагу, невежестве и одностороннем подходе к положению дел в СССР и за рубежом, был неотъемлемой чертой непосредственных исполнителей заданий ЦК. Субъективно эти люди были честны, стремились донести до населения правду, как они ее понимали. Однако их материалы, попадая в органы пропаганды, приобретали системное качество — становились средством дезинформации. Типичный пример — Аннабелла Бюкар (Лапшина). Перебежчица, она стала работать диктором радио.

15 января 1953 г. Бюкар получила разрешение секретарей ЦК КПСС Г.М.Маленкова и Н.А.Михайлова выступить по радио о мирном строительстве в СССР. “Эта атмосфера мира, спокойствия и счастья в Советском Союзе особенно благотворна в эти дни, когда военная пропаганда и военный психоз господствует во многих странах мира, — вещала диктор гражданам США и Великобритании, — я лег-

ко могу понять, как это все губительно действует на нервы и здоровье простых людей”¹³. Добросовестно заблуждаясь, Бюкар выдавала свое субъективное мнение за факты, с энтузиазмом выполняла партийные установки. Неизвестно, как отреагировала бы на передачу Бюкар колхозница, вдова фронтовика М.А.Аничкина, которая не могла направить детей в школу из-за отсутствия одежды; другие жители ряда районов Калужской области, где за прошедшие после войны годы трудящиеся получали за один трудодень от 146 до 400 граммов зерна и 4—7 копеек деньгами. Члены секретариата ЦК КПСС в январе 1953 г. объясняли это плохой работой местных руководителей¹⁴, а попутно проводили кампанию насаждения иллюзий: “Чтобы ликвидировать вредительство, — отмечалось в передовой “Правды”, — нужно покончить с ротозейством в наших рядах”.

“Символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины” стала Л.Ф.Тимашук, донос которой был использован как повод для следствия по “делу врачей”. Тимашук была награждена орденом Ленина “за помощь в разоблачении трижды проклятых врачей-убийц”¹⁵.

В письмах, присылаемых в редакции газет, граждане ритуально проклинали врачей, требовали жестоких наказаний, докладывали о подозрительных фактах: “сеть этой банды” “обнаружилась” в других уголках страны¹⁶.

Пропагандисты действовали искусно: подбирали для обозначения врагов термины, которые вызывали у людей необходимые ассоциации, но при формальном рассмотрении были безупречны. Например, заголовок статьи “Иудиной шайке нанесен сокрушительный удар” в “Крокодиле” был двусмыслен: намекал на национальность “врагов”¹⁷. Таким же свойством обладал термин “сионист”, широко используемый печатью.

Кампания по разоблачению новых врагов способствовала резкому усилению мнительности, подозрительности и страха среди советских людей, прежде всего евреев. Часть из них спешила выразить верноподданные чувства и просила различать евреев-предателей и честных советских людей. Для аргументации использовался стереотип внешнего врага: “Мы воочию убедились, — писал москвич В.И.Айзенштадт, — как осуществляется пресловутый план ассигнований американских империалистов на содержание и ведение шпионско-диверсионной деятельности в Советском Союзе и странах народной демократии”¹⁸. Другие возмущались, а потому быстро выявлялись органами безопасности. Оппозиционная среда состояла из евреев, занимавшихся умственным трудом, слушавших “Радио Израиля”, “Голос Америки”. Так, преподаватель английского языка киевской спецшколы Юровский заявил, что “целью этого процесса (дела врачей — А.Ф.) является — показать Америке, что она себя некорректно ведет по отношению к СССР. Подобного рода процессы свидетельствуют о шаткости нашего строя”¹⁹. Секретарь одной из комсомольских организаций Бобруйска Гайлепер в кругу молодежи заявил еще более категорично: “Это провокация и открытый террор против еврейского населения”²⁰. Для контраста в сводки о состоянии общественного мнения по “делу врачей” включались точки зрения заключенных. Так, церковник “П” провел аналогию: “Раньше, в царское время, тоже говорили, что во всем виноваты евреи”²¹. В контексте выступлений в поддержку решений партии подобные высказывания выглядели как брюзжание обезвреженного врага.

Антисемитизм получил колоссальное распространение и стал серьезным фактором, который определял стиль политического мышления людей. При помощи национализма и шовинизма власть сумела нейтрализовать социально-политический протест миллионов людей, ввести его в рамки, выгодные правящей группе. “Факты”, созданные

ЦК КПСС, органами безопасности, прессой, вновь создали информационную реальность, которая воздействовала на общественное и индивидуальное сознание и возвращала пропагандистам нужные им “мнения” граждан. Так, офицеры ГЛАВПУРа требовали от И.Эренбурга объяснить зарубежной общественности, что “дело врачей” не антисемитская кампания, а борьба против подрывной работы “сионистов”. “Но ведь народу рот не заткнешь, — приводили политруки “неотразимый” аргумент, — они видят факты, а эти факты говорят за то, что среди этих “мучеников” фашизма больше всего современных фашистов, чем в другой нации; что нет ни одного фельетона в наших газетах, где бы среди жуликов и прохвостов не фигурировали бы люди с еврейскими фамилиями”²².

Ссылки на народ были небезосновательны. Дезинформированные пропагандой люди выражали протест против тяжелой жизни в антисемитской форме: рабочие из Москвы и Ленинграда требовали “почистить этих людишек”, “убрать всех евреев с работы пищевого блока, торговой сети, со снабженческих работ и направить всех евреев на добычу угля”²³; а работница московского завода “Электропровод” Бобкова просила агитатора: “Напишите письмо нашему правительству о том, чтобы всех евреев выселили из Москвы, и мы все подпишемся. Ведь от них не продыхнешь... Я живу на станции Кусково и вижу, что там кругом еврейские дачи”²⁴.

Местные руководители использовали патриотический ажиотаж граждан для мобилизации на новые трудовые свершения. Машинист железнодорожной станции Сопково т. Галочкин на митинге призвал своих коллег к бдительности, а также заявил, что не пожалеет сил для укрепления могущества Родины: взял обязательство провести три тяжеловесных состава за неделю²⁵. Творческий коллектив фильма “На далекой заставе” принял решение “сделать эту картину такой, чтобы наши советские люди были еще более бдительны”²⁶.

После разоблачения “врачей-вредителей” и “Джойнт” энергия местных руководителей и судов была направлена на устранение “недостатков” в промышленности и управлении. Однако, по сравнению с декабрьскими (1952 г.) публикациями по этому вопросу изменился контекст, в котором преподносились факты бесхозяйственности, хищений и приписок. Так, в статье государственного советника юстиции 3-го класса Г.Александрова “Пользуясь ротозейством...” отмечалось: “Нередко, как мы писали выше, расхитителями социалистической собственности оказываются скрытые враги народа — агенты иностранных разведок... Хищения для них являются не чем иным, как методом мести, вредительской, подрывной деятельности”²⁷.

Таким образом, в начале 1953 г. образ внутреннего врага вновь появился на страницах советских газет, был использован как одно из средств, с помощью которого правительство СССР попыталось выйти из серьезного социально-экономического кризиса. Пропагандисты манипулировали в основном термином “сионист”, но в широких массах населения враг уже давно обозначался термином “еврей”. Антисемитизм вновь был использован для насаждения образа врага, смещения фокуса внимания населения с истинных причин кризиса — отсутствия материальных стимулов для развития производства, неэффективности государственной экономики и управления, действий полицейского государства, а также для нейтрализации социального протеста населения и развития “советского патриотизма”. Пропагандисты выполнили свои задачи, на время отвлекли внимание людей. Но это не могло остановить кризиса советской экономики, накопления социальных противоречий.

Образ врага – сионистский Израиль

Как и прежде, пропагандисты связали образ внутреннего врага с внешним. Но появились и новые моменты: подыгрывая обывательскому антисемитизму, “Правда”, “Литературная газета” делали ак-

цент на “связи” “врачей-вредителей” с зарубежными еврейскими организациями — “Джойнт дистрибьюшн комити”, филиалом Американского еврейского комитета, которым руководили воротилы “Уолл-стрита”. “Пражский процесс и сообщение об аресте в Советском Союзе группы врачей-вредителей, — утверждал английский журналист Дерек Картэн, привлеченный агитпропом, — лишний раз подтвердили факт, вскрытый венгерским правительством: “Джойнт” является орудием американской разведки, используемым для подрывной заговорщической деятельности против стран социализма. Недаром он так тесно связан с Уолл-стритом”²⁸.

Цикл статей, посвященных изображению империалистических связей США с Израилем, деятельности израильских спецслужб, появился на страницах советских газет после взрыва в советской миссии в Израиле. В статье “Террористический акт в Тель-Авиве и фальшивая игра правителей Израиля” подчеркивалось, что взрыв был совершен после того, “как органы государственной безопасности СССР и ряда стран народной демократии обрубили кровавые щупальца международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт»”²⁹. В других статьях, размещенных в “Комсомольской правде”, “Красной Звезде”, отмечалось, что Израиль — полуколония американского империализма, которая обеспечивает США содержание военных баз и шпионских сионистских групп за границей³⁰.

Взрыв миссии добавил элемент драматизма в пропаганду, сделал ее более эффективной при воздействии на советских людей, а также послужил поводом для разрыва дипломатических отношений СССР с Израилем.

Таким образом, в 1953 году появились первые предпосылки новой формы образа врага — сионистского Израиля. Однако в середине 50-х годов эта форма не была закреплена в общественном со-

знании. Сказались краткие сроки пропагандистского воздействия на население, да и сам Израиль был представлен лишь жалкой марионеткой США.

Образ американского врага: ничего нового

Дискредитируя правительство Израиля, “сионистов”, пропагандисты ни на минуту не забывали о главном враге — США, и продолжали создавать негативный образ противника. Еще до начала кампании, 8 января 1953 г. на заседании редколлегии по обсуждению плана раздела международной жизни “Литературной газеты” на первый квартал 1953 г. К.Симонов давал следующие установки коллегам: “Особенно я просил бы подумать о темах: высокомерие американцев, унижение других наций, издевательства над обычаями и нравами других стран, издевательства над идеей национальной независимости и суверенитета”. “Это самая нужная, действенная пропаганда..., — продолжал он, — если бы американцы сидели у себя в США, может быть, не было бы такой проблемы, а то, что они всюду расползлись, всюду гадят, и всюду их поведение возмущает народы, — вот тут-то и надо их бить”³¹. Опытный пропагандист, Симонов делал акцент на тех чертах поведения противника, которые негативно воспринимаются любым человеком — “высокомерии”, “унижении”.

Это была общая установка ЦК КПСС для всех пропагандистов. Советские газеты немедленно увеличили количество материалов о вмешательстве Соединенных Штатов в дела других государств: о подрывной деятельности западных спецслужб в Болгарии, Польше, ведении США бактериологической войны в Корее³².

Традиционно изображался американский образ жизни, проявления расизма в США, отсутствие жизненных перспектив у американской молодежи. В статье француза Пьера Дэкса впервые в советской прессе была отмечена пьеса Ж.-П.Сартра “Тварь, заслуживающая почтения”: в пьесе “разоблачались царящие в Соединенных

Штатах методы насилия, линчевания и полицейских репрессий”³³. Сообщение о новом американском правительстве, сформированном в начале февраля 1953 г., также не обошлось без дозы пропаганды: министры, которые действительно были “ставленниками Уолл-стрита”, были обвинены еще и в связях с бывшим фашистским режимом Германии³⁴.

Продолжение политики изоляционизма

Одним из важных признаков подобного рода кампаний было резкое увеличение количества статей, разоблачающих западную идеологию³⁵. После мощной атаки советских газет против идеологической экспансии США в “Правду” пришло два письма с требованием заглушить сигнал вражеских радиостанций “Голос Америки” и “Би-би-си”. Пенсионер военного министерства СССР И.Ф.Морозов 24 января писал: “Советский человек знает, что только советские радиопередачи являются честными и справедливыми. Но нередко в эфире появляются (и днем, и ночью) противные истерические выкрики паразитов из так называемых “Голоса Америки” и “Би-би-си”, которые своей гнусной ложью и клеветой отравляют эфир”³⁶. Сославшись на мнение граждан, 17 февраля 1953 г. Совет министров принял решение об ускорении строительства радиостанций, “предназначенных для защиты от антисоветской пропаганды”³⁷.

Таким образом, советские пропагандисты продолжали политику изоляционизма: связывая образ коварного внешнего врага с “врагом” внутренним, они обеспечивали морально-политическое единство общества перед лицом Запада в условиях кризиса общества. Ничего нового, кроме резкого усиления критики правительства Израиля, отдел пропаганды ЦК КПСС уже предложить не мог.

Навязчивая идея бдительности

Важнейшей идеей, которая проходила через десятки статей внешне- и внутривполитического содержания, была идея о необходи-

мости бдительности. “В основе революционной бдительности лежит забота о морально-политической устойчивости советского молодого человека, — резюмировала “Комсомольская правда”, — болтает лишнее твой товарищ — одерни его; узнал, что друг попал в плохую компанию — вытащи его оттуда, разоблачи негодных людей. Не бойся выступить на комсомольском собрании, в стенгазете, резко и справедливо поговорить о недостатках товарища”³⁸.

Формально правильные, подобные призывы способствовали организации дополнительного давления на личность со стороны государства и общества. Значительная часть молодежи воспитывалась в духе конформизма и аполитизма, прикрываемого словами о “советском патриотизме” — слепой преданности власти и ненависти к ее врагам. Пример Тимашук говорит о разрушительном воздействии подобной пропаганды на личность человека.

§ 3. Образ политического противника при проведении психологических операций в период разрядки. Март 1953—май 1954 гг.

Вынужденное отступление

В начале марта 1953 г., казалось, ничто не остановит вал антиамериканской пропаганды. Однако в конце февраля произошло невероятное: из плана Воениздата “по разным причинам” были исключены антиамериканские книги: сборник “Звериное лицо американского империализма”; В.Аварина “Империалистическая агрессия США на Тихом океане”; генерал-майора Жукова “Западногерманский стратегический плацдарм американского империализма” и другие. Обратившиеся за разъяснениями Д.Мельников (Меламед) и Л.Черная, авторы книги “Гитлеровские генералы на службе американского империализма”, получили устный ответ, что “в нынешней международной обстановке тема книги потеряла свою актуальность”. Переубедить редакцию им не удалось¹.

Количество антиамериканских материалов весной катастрофически упало в журналах и газетах: в январе в “Крокодиле” их было 13, в “Красной Звезде” — 57; в феврале, соответственно, 12 и 38; марте — 9 и 21, апреле — 0 и 7; мае — так же². Менялось и качество: в июне в “Крокодиле” появилась только одна малозначительная карикатура с критикой системы просвещения США³.

Разрядка немедленно сказалась на антиюгославской пропаганде. В марте разоблачительные статьи исчезают из прессы. В июле 1953 года СССР восстановил дипломатические отношения с Югославией⁴. В течение последующих полутора лет в советской прессе не появилось ни одной сколько-нибудь примечательной статьи об этой стране. Образ югославского врага - «отщепенца» от лагеря социализма начал уходить из общественного сознания.

Приспосабливаясь к новой международной обстановке, в апреле 1953 г. секретариат ЦК КПСС реформировал агитпроп. Подотделы были переименованы в сектора; всего их было восемь: партийной пропаганды, лекторских групп, центральных газет, местных газет, журналов, издательств и полиграфии, агитационно-массовой работы, радиовещания. Начальником отдела был назначен В.С.Кружков. Тогда же, в апреле, началась перестройка СИБа, которая свелась к увеличению контролируемых звеньев, а также передаче СИБа из-под контроля Внешнеполитической комиссии ЦК КПСС Министерству культуры. Начальником был назначен П.А.Поздеев⁵.

Резкое ослабление антиамериканской пропаганды стало возможно по двум причинам. Во-первых, сказывалась усталость правительств и народов супердержав, их союзников от первого этапа “холодной войны”. После переизбрания Г.Трумэна и смерти И.В.Сталина у новых руководителей супердержав появилась возможность быстрее договориться по многим не решенным ранее международным проблемам. Правительству Советского Союза передышка была нужна

для того, чтобы справиться с серьезным социально-экономическим кризисом, получить от Запада большие партии сырья и товаров народного потребления⁶. Во-вторых, это диктовалось нуждами пропагандистского ведомства: чрезмерное запугивание граждан “образом врага” могло привести к обратному результату — равнодушному восприятию пропаганды.

Разрядка и логика противостояния

Однако и в условиях разрядки ни номенклатура, ни граждане СССР не могли сразу отказаться от использования образа врага в своих заявлениях, письмах, официальных правительственных документах: общественные антагонизмы приобретали иные формы, но продолжали существовать. Например, 7 апреля на имя Берии обратились с письмом шесть граждан из Хомутовского района Курской области с жалобой на недавно назначенного секретаря РК КПСС. Секретарь, проявив рвение, крутыми мерами собирал недоимки и вызвал недовольство людей. А чтобы начальство наверняка обратило внимание на их нужды, жители Хомутовки прагматично использовали образ врага: “Позвольте попутно добавить: Меняйлов — еврей”⁷.

Инспекторы ЦК КПСС, куда было переправлено письмо, знали цену подобного рода ярлыкам, а потому обратили внимание только на “голое администрирование” секретаря. 20 апреля Н.С.Хрущеву доложили, что факты подтвердились, меры приняты. Политическая система советского общества еще имела кредит доверия, чему способствовали в том числе и мифы о врагах, и кремлевский популизм.

Однако среди заключенных ГУЛАГа было немало людей, которые уже не верили в добрых начальников и были готовы отстаивать свою свободу с оружием в руках. Летом 1953 г. вспыхнули восстания заключенных в Кенгире, Воркуте и других лагерях. Это усугубляло кризис советского общества, подталкивало кремлевское руководство к поиску новых решений старых проблем.

Многие консервативно настроенные члены ЦК КПСС по привычке объясняли негативные явления в обществе происками врагов. Они боялись гласности, проникновения в СССР либеральных идей. Нуждались в образе врага для удержания в повиновении населения. Это был элемент их образа жизни и политического мышления.

Последствиями разрядки были недовольны и правые силы США. События 1953—1954 гг.: заключение в июле 1953 г. перемирия между Севером и Югом в Корее; рост национально-освободительного движения; поражение французских войск при Дьен-Бьен-Фу во Вьетнаме; решение индокитайской проблемы на Берлинской (февраль 1954 г.) и Женевской (апрель—июль) конференциях; нежелание Национального собрания Франции ратифицировать Парижские оглашения по вопросу создания ЕОС — все воспринималось как поражение перед лицом наступающего коммунизма. На Д.Эйзенхауэра было организовано давление с целью добиться разрешения на применение атомной бомбы в кризисных ситуациях, для дальнейшего увеличения военных расходов. Но президент, желая иметь сбалансированный бюджет страны, удовлетворял не все нужды ВПК. Он предпочитал тайные операции ЦРУ по всему миру и развертывание “психологической войны” против СССР⁸.

Именно при Эйзенхауэре пропагандистские органы США обрели второе дыхание. Важнейшие решения принимались Советом национальной безопасности и Управлением психологической стратегии. Управление координировало деятельность как государственных, так и частных средств массовой информации⁹. “Что касается линии пропаганды, — писал составитель справки “Голос Америки” Мамедов, — то в докладе (специального комитета по психологической войне при президенте США — А.Ф.) в качестве основной цели указывается на необходимость “доказывать” народам других стран, что “цели и политика США подкрепляют и содействуют стремлению этих наро-

дов к свободе, прогрессу и миру”. Далее комитет рекомендует ставить в пропаганде вопросы “свободы личности”, о праве на владение собственностью и на достойный уровень жизни и (веры — А.Ф.) в идеал всеобщего мира”. Что касается пропаганды внутри США, то комитет рекомендует больше говорить о “силе врага” (СССР) и в особенности “росте атомной мощи СССР и непрерывном развитии советской экономики”. Таким путем комитет предлагает “разъяснять” американцам необходимость в больших “усилиях”, требуемых от США. Комитет возражает против сколько-нибудь существенного сокращения ассигнований на нужды пропаганды”¹⁰.

Противоречия между супердержавами и внутривнутриполитические проблемы сторон способствовали сохранению образа врага.

Материальные возможности противников

В 1953 г. правительство и агитпроп ЦК КПСС столкнулись со значительным материально-техническим и организационным превосходством пропагандистов противника. Об этом говорилось в справках “Американская пропаганда” и “Голос Америки”, направленных СИБом в агитпроп в июне—августе 1953 г., а также в “Справке о печатной пропаганде СССР и США в некоторых странах”¹¹. П.А.Поздеев отмечал отсутствие у СИБ квалифицированных кадров, неумение подать материал вследствие незнания языков многими сотрудниками, слабую техническую оснащенность и элементарную нехватку денег для пересылки изданий. Начальник СИБ привел сравнение возможностей по Индии: ЮСИС — американская информационная служба, имела филиалы во всех крупных городах, издавала газету тиражом 300 тыс. экземпляров на нескольких языках, 15 бюллетеней; Информбюро издавало двухнедельный журнал на 4 языках тиражом 40 тыс. экземпляров — единственный среди отделений СИБ за рубежом, пресс-бюллетень на 8 языках тиражом 9 тыс. экземпляров; все это обслуживал штат из 3-х человек.

Значительно различались возможности органов пропаганды супердержав и внутри своих стран. Разовый тираж только ежедневных газет в США составлял 53950615 экземпляров — примерно 1 газета на трех жителей при развитой инфраструктуре доставки; у американцев насчитывалось 20 млн. телевизоров и 110 млн. радиоприемников, включая автомобильные. В СССР же хронически не выполнялись планы радиофикации регионов: в Ставропольском крае на февраль 1953 г. было радиофицировано только 37,6% населенных пунктов, в Мордовии — 4%. Неблагополучно обстояло дело с распространением центральных газет, особенно на селе. В сентябре 1953 г. зам. начальника Главного управления радиофикации министерства культуры СССР Л.И.Троскунов писал Н.С.Хрущеву, что колхозники читают в основном районные газеты, а центральные и областные доходят только до актива¹². В январе и июле 1952 г. ЦК ВКП(б) обязал ТАСС наладить передачу обзоров общесоюзной и зарубежной информации для районных газет, но редакции районок слабо использовали ее¹³.

Что касается телевидения, то в 1953 г. в СССР действовала только одна станция в Москве; 30 сентября был поставлен вопрос о создании 2 канала ТВ и центра цветного ТВ в Москве; только намечалось строительство станций в других крупных городах¹⁴.

Таким образом, американские пропагандисты имели мощную машину для “промывания мозгов” своим гражданам, могли легко нейтрализовать советскую пропаганду внутри США; но им, как и советским пропагандистам, было нелегко воздействовать на все население СССР.

Воздействие пропаганды СССР и США на народы Европы и Азии было затруднено вследствие неоднозначного восприятия как американской, так и советской “демократии”, в том числе в странах Восточной Европы. Американские идеологи периодически жалова-

лись, что благодаря рекламе они могут сбыть рефрижераторы эскимосам, но бесславно провалились “со сбытом своей демократии немцам, китайцам и народам Балкан”¹⁵. Советские пропагандисты также столкнулись с неприятным фактом: в 1954 г. количество материалов о Советском Союзе в венгерских газетах сократилось вдвое по сравнению с 1950-м годом¹⁶.

Но в целом в начале 50-х гг. американская пропаганда проигрывала советской. Поль Лайнбарджер, один из самых опытных режиссеров психологической войны с американской стороны, с сожалением констатировал, что «борьба между американцами и коммунистами во многих районах мира выглядела как борьба американского старого против коммунистического нового»¹⁷.

Дело Берии: новый враг и кризис пропаганды

Эффективность психологических операций зависела от многих факторов, в том числе от умения пропагандистов в меру пользоваться образом врага. В этом смысле примером неудачной операции может быть признана внутривластная пропаганда в период “разоблачения” Берии.

Весной—летом 1953 г. в СССР развернулась борьба двух группировок бюрократии. Одну возглавлял Л.П.Берия, министр внутренних дел и государственной безопасности, другую — председатель Совета министров СССР Г.М.Маленков и исполняющий обязанности Первого секретаря президиума ЦК КПСС Н.С.Хрущев. Стремление взять инициативу в руки, завоевать популярность в народе и подставить противников привело к тому, что благодаря Л.П.Берии уже 4 апреля 1953 г. в “Правде” было опубликовано специальное коммюнике МВД, в котором сообщалось о реабилитации врачей. Через два дня ЦК КПСС возложил ответственность за дело врачей на бывшего заместителя министра государственной безопасности М.Д.Рюмина. “Презренные авантюристы типа Рюмина, — отмечалось

в “Правде” 6 апреля, — сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, ...глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды”.

Сообщение о реабилитации врачей поразило граждан и вызвало обеспокоенность членов ЦК КПСС: миф о злодеях, подрывавших гармонию советского общества, рушился на глазах.

Сообщение об аресте Берии было опубликовано в “Правде” только после прошедшего 2—7 июля Пленума ЦК КПСС, на котором номенклатура согласовала свои позиции. На мнение членов ЦК большое влияние оказали события 17 июня 1953 г. в Берлине — забастовка трудящихся Восточного Берлина, вызванная узкоклассовой, некомпетентной политикой восточногерманского руководства. Члены ЦК КПСС усмотрели в этом активизацию внешнеполитических врагов, агентом которых был изображен Берия. Тон обсуждению задал Маленков, объявивший бывшего министра внутренних дел “врагом партии и народа”. Его поддержал Хрущев, отметивший, что шпионы, террористы и диверсанты по-прежнему действуют, но значительных заговоров в СССР и не могло быть, “потому что мы имеем монолитность рядов партии, сплоченность нашего народа вокруг нашей партии”. Последующие ораторы немедленно списали на “врага” все преступления, просчеты в политике и системные качества советского строя: Микоян — неэффективную работу сельского хозяйства; Булганин, Бакрадзе, Снечук — просчеты в национальной политике. Мифотворчество продолжил В.М.Молотов: “Похоже на то, что те империалистические круги, агентом которых он был в нашей среде, ... стали толкать своего агента-provokatora на поспешные авантюристические действия”. Мнение Молотова и других докладчиков было выдано за факт: в постановлении пленума Берия был назван “буржуазным перерожденцем” (читай — космополитом - А.Ф.), кото-

рый стал “агентом международного империализма” с целью захвата власти и восстановления капитализма в СССР¹⁸.

Дискредитация Берии при помощи образа врага понадобилась правящей группе для доказательства своего права на власть и сокрытия преступлений режима при Сталине. Немедленно были созваны пленумы местных комитетов партии, на которых обсуждалось закрытое письмо ЦК КПСС, посвященное деятельности Берии. Осуждение “наймита международного империализма” на партийных собраниях в июле 1953 г. и митингах в декабре было использовано для вскрытия серьезных недостатков в работе партийных, советских, хозяйственных организаций, органах МВД, для дальнейшей идеологической обработки населения. “Наше счастье, — заявила знатная ткачиха Моисеева из Орехово-Зуева, — что ЦК КПСС своевременно обезвредил злейшего врага советского народа — Берию. Пусть знают враги, что у советского народа только одна дорога — коммунизм, и он никогда не сойдет с этой дороги. Эта дорога ведет его к счастью”¹⁹.

“Разоблачение” Л.П.Берии не сопровождалось публикацией пропагандистских статей в газетах. Однако через коммунистов — участников собраний, значительная часть граждан знала о происшедшем. В пылу борьбы с бывшим министром власть допустила серьезную ошибку: многие советские люди еще не успели опомниться от “разоблачения” и реабилитации врачей, как появился новый внутренний враг. Несвоевременное использование столь сильного средства вело к формированию психологической защиты, отторжению общественным сознанием образа врага. Если в период “дела врачей” в сводках общественного мнения ЦК КПСС сомнения выражали только “политически сомнительные граждане” — евреи, и заключенные, то теперь вопросы “не получится ли как с врачами?”, “кому же сейчас верить?” задавали многие советские люди. Типичный пример — рассуждения секретаря директора запорожского заво-

да “Интернационал” Хотелова: “Я теперь ни черта не пойму, что творится: соратник Сталина вдруг стал врагом народа. Ведь столько лет прошло, никто ничего плохого о Берия не говорил. И вдруг такое сообщение. Это очень нехорошо и особенно перед иностранными державами”. Ряд граждан открыто заговорил о борьбе за власть в высших эшелонах²⁰.

Сомнения подрывали сакральность власти, вели граждан к рациональному мышлению при объяснении противоречий советского общества. Роль и значение образа внутреннего врага в “объяснении” негативных явлений резко уменьшилось. У пропагандистов возникла объективная потребность компенсировать эту потерю за счет усиленного насаждения образа внешнего врага. Ситуация была похожа на ту, что сложилась в апреле—мае 1949 г., но с одним существенным различием: пропагандисты навсегда потеряли возможность проводить крупные психологические операции внутри страны с использованием образа внутреннего врага.

Обращает на себя внимание тот факт, что и для рядовых граждан типа Хотелова, и для руководителей государства зарубеж представлял отрицательным авторитетом. Этому способствовала деятельность самих пропагандистов, насаждавших образ могущественного и коварного зарубежного врага. Но в одностороннем мышлении граждан, которое формировалось такой пропагандой, была серьезная опасность для самого советского государства. Для примитивного мышления гораздо проще перевернуть все знаки отношения на 180 градусов, чем углубить познание мира. Знакомство граждан с лучшими образцами зарубежной литературы, искусства, техники, науки, предметами быта, образа жизни могло привести и приводило к появлению “западничества”, отрицательному отношению к советской действительности. По этой причине в период разрядки положительной информации о западном образе жизни в печати не было.

Миролюбивые жесты и ненависть

Вместе с тем, весной 1953 г. разрядка привела к миролюбивым жестам СССР и США. Одновременно со снижением количества антиамериканских материалов в печати, СССР развернул “мирное наступление”: показал свое стремление содействовать снижению международной напряженности, решить на компромиссной основе корейский вопрос, начать новый раунд переговоров по Германии. Стремление перехватить инициативу подвигло Д.Эйзенхауэра выдвинуть 16 апреля свои предложения в речи “Шанс для мира”. “Эйзенхауэр знал, — пишет С.Амброз, — что большинство его требований выдвинуты как зондаж и неприемлемы для русских. Они ни при каких обстоятельствах не уйдут из Восточной Европы; объединение Германии представляется им кошмаром; нельзя ожидать, что они прекратят... действия партизан во Вьетнаме и в Малайе; а их неумолимые возражения против инспекции на месте внутри Советского Союза были хорошо известны”²¹. Образ лживого, жестокого и могучего врага довлел и над Эйзенхауэром и был воспроизведен в речи, призывавшей к миру. Одновременно Белый дом организовал утечку информации о возможности применения атомной бомбы в Корее²².

Подобные двусмысленности подталкивали Кремль искать противоречия во взглядах Эйзенхауэра; видеть в стремлении западных лидеров согласовать свои позиции “линию сговора между собой за счет СССР”²³.

Вместе с тем, речи западных лидеров или их изложения публиковались советской прессой. Так, советское правительство, прикрывшись эвфемизмом “общественность”, с интересом встретило заявление У.Черчилля в палате общин: премьер-министр выразил уверенность в возможности обеспечить взаимную безопасность СССР и Западной Европы; с удовлетворением — прекращение использования

Черчиллем обвинений Москвы в инспирировании антиимпериалистических действий по всему миру, в том числе во Вьетнаме²⁴.

Борьба за умы европейцев

Противоречивость ситуации состояла в том, что, делая миролюбивые жесты, супердержавы вели ожесточенную психологическую войну в третьих странах. В мае—июне 1953 г. “Литературная газета”, СИБ и радиокомитет пытались воздействовать на итальянских избирателей во время предвыборной кампании. Наряду с рассказами о советской избирательной системе, успехах КНР и стран народной демократии, пропагандисты использовали образ американского врага и его “марионетки” — правительства де Гаспери.

В конце июня “Крокодил” ознаменовал поражение правительства Италии карикатурой на первой странице, а П.Тольятти 6 июля 1953 г. направил в ЦК КПСС письмо, в котором благодарил советское радио за “борьбу против антисоветской и антикоммунистической пропаганды”²⁵.

Не менее ожесточенной была полемика супердержав по германскому вопросу, в частности, по вопросу создания ЕОС. Весной “ЛГ” атаковала “ландскнехтов американских монополий” — правую французскую газету “Фигаро” и немецкую “Зольдатен-цайтунг”; “фактического военного министра боннского “правительства” Т.Бланка²⁶. Все они стереотипно обвинялись в содействии возрождению “военной машины Западной Германии”, “реваншизме”, проповеди “космополитических идей «европейского оборонительного сообщества»”, “европейской федерации”, якобы несущих народам Западной Европы только потерю их национального суверенитета.

Весьма своевременно МИД и Совинформбюро направили в агитпроп справку “Американская пропаганда”. В том числе в ней утверждалось, что разрядка не входит в планы правящих кругов США; в планах — поиск “новых путей, способов и форм расширения

борьбы на фронте “психологической войны”, создание “особого органа по руководству “психологической войной”, подобного геббельсовскому министерству пропаганды фашистской Германии”²⁷. В конце июня—июле со справкой ознакомились все служащие отдела. Это помогло им традиционным образом осмыслить берлинские события.

“Литературная газета” срочно начала поиск лиц и сил, действиями которых можно было бы “объяснить” недовольство граждан ГДР. Ими последовательно назывались Эрнст Рейтер, бургомистр Западного Берлина, социалист; канцлер ФРГ Конрад Аденауэр; банды фашистов, подготовленные, якобы, в Западном Берлине. “Вдохновителями диверсий и провокаций” были объявлены американские конгрессмены, ассигновавшие в июне свыше 5 млрд. долларов “на военную помощь иностранным государствам”²⁸.

В июле 1953 г. агитпроп и СИБ начали еще одну психологическую операцию, направленную на срыв создания ЕОС. Объектом воздействия стала Франция. В передовой статье “Правды” “Угроза, нависшая над Францией” 18 июля утверждалось, что перед каждым гражданином французской республики встал “вопрос совести”: “Американские круги, заинтересованные в скорейшем восстановлении реваншистского “вермахта”, открыто говорят о своем стремлении сломить сопротивление французов созданию “европейской армии”. Пропагандисты спекулировали на сильных германских фобиях, угольных затруднениях Франции, которые искусственно были созданы США и Великобританией после войны, проводили ложные аналогии: “Французские экономисты указывают, что “план Шумана” воспроизводит в своих основных чертах военно-экономическую операцию Гитлера...”. В этом же номере не случайно были помещены статьи М.Харламова “О капиталистическом окружении” и “Горькие признания” о росте антиамериканских настроений в Европе.

В сентябре СИБ докладывал о распространении статьи “Угроза, нависшая над Францией”: полный текст в “Юманите”, в ряде коммунистических газет в сокращенном виде. Франс-пресс и англо-американские агентства замолчали статью: она затронула любимое детище Эйзенхауэра — ЕОС²⁹. В целом это была успешная операция: в совокупности с другими она способствовала тому, что французы выступили против ЕОС.

Несмотря на заключение перемирия в Пханмынджоме 27 июля 1953 г., идеологические схватки между супердержавами усилились. Правительства СССР и США делали ставку прежде всего на силу. Так, речь председателя совета министров СССР Г.М.Маленкова на сессии Верховного совета 8 августа содержала в себе два взаимоисключающих тезиса: “было бы преступлением перед человечеством, если бы наметившаяся некоторая разрядка международной атмосферы уступила место новому усилению напряженности” и “Соединенные Штаты не являются монополистами в производстве водородной бомбы”. Совсем в духе Эйзенхауэра он обвинил противоположную сторону в проведении стратегии “холодной войны” и заявил об увеличении ассигнований на производство товаров народного потребления³⁰.

Не успели смолкнуть аплодисменты депутатов, как СССР 12 августа испытал водородную бомбу. Пресса публиковала те отзывы иностранных газет, которые подчеркивали главную мысль руководителей: водородное оружие СССР никому не угрожает³¹.

Тогда же, 12 августа, на имя Маленкова обратились Д.Мельников и Л.Черная, авторы отклоненной в феврале книги о гитлеровских генералах, с просьбой пересмотреть вопрос. Книга еще раз поступила к рецензентам³².

Не случайно: в августе советские пропагандисты проводили очередную психологическую операцию, приуроченную к сентябрь-

ским парламентским выборам в ФРГ. План агитпропа предусматривал популяризацию ноты советского правительства от 15 августа, посвященную германской проблеме; разоблачение вмешательства “американских империалистов в избирательную кампанию”, изображение упадка немецкой культуры в Западной Германии вследствие идеологической экспансии американцев, показ бесчинств американских военных в ФРГ, дискредитацию Боннского и Парижского договоров. Кроме того, план предусматривал дискредитацию К.Аденауэра в материалах типа “Личные доходы Аденауэра”³³.

Важнейшая роль в насаждении образа врага среди немцев отводилась радио. Радиожурналисты, а порой это были газетчики, срочно переведенные на радио, постоянно пользовались газетными материалами. 25 августа “ЛГ” назвала Аденауэра “реваншистом”, “Комсомольская правда” 5 сентября — “террористом”, “Правда” 31 августа — “врагом немецкого народа”. Все газеты показывали, что якобы выборы проходили в “условиях фашистского террора”.

Однако на выборах победу одержал блок Аденауэра ХДС/ХСС. У пропагандистов было объяснение — “фашистский террор”. Поворот событий изменил отношение к книге Д.Мельникова и Л.Черной: 11 сентября было принято решение продолжить работу над книгой, исключив “второстепенные материалы и неточные формулировки”³⁴. В середине 1954 года она вышла в свет.

Психологическая война в период разрядки создавала противоречивую ситуацию. Так, в сентябре МВД удовлетворил просьбу СИБа о доставке иностранных газет без ограничений, но, одновременно, партаппарат пресекал несанкционированные попытки общения советских корреспондентов за рубежом со своими коллегами из Би-би-си³⁵.

Ослабление цензурных ограничений на Западе было воспринято пропагандистами в соответствии с законами “психологической войны”. 22 сентября 1953 г. начальник СИБ П.А.Поздеев обратился в

агитпроп и министерство культуры СССР: “В настоящее время в связи с некоторой разрядкой напряженности в международных отношениях и ослаблением режима для иностранной печати, в ряде капиталистических стран складывается более благоприятная обстановка для расширения советской печатной пропаганды”³⁶.

Дискредитация маккартизма

В середине 50-х годов одиозной фигурой, которая олицетворяла милитаристские силы Запада, стал сенатор Д.Маккарти. Распространение маккартизма на Западную Европу испугало многих западных политиков: об “ураганных” поездках по Европе помощников Маккарти Роя Кона и Дэвиса Шайна писали как советские, так и западноевропейские газеты³⁷. В результате инспекции 830 сотрудников “Голоса Америки” были уволены, были сожжены все “издания, которые систематически публикуют коммунистическую пропаганду” из американских библиотек в Европе. На деле среди них было множество либеральных изданий.

В июне 1954 г. “Крокодил» в очередной раз высмеял как американскую демократию, так и сенатора, который назвал “неприличным и незаконным” прослушивание его телефонных разговоров военным министерством США. Карикатура Л.Бродаты называлась “Оскорбленная невинность”³⁸.

Одновременно агитпроп напомнил еще об одном символе милитаризма. В связи с пятилетием трагического случая с Форрестом в журнале “Крокодил” появилась злейшая карикатура — напоминание маккартистам об “атомно-истерическом прыжке”³⁹ их предшественника. Речь шла о враге - не до церемоний.

Некоторые выводы

Таким образом, во второй половине 1953—первой половине 1954 гг. пропагандисты СССР целенаправленно использовали образ врага в психологических операциях против Запада. Противоречия

супердержав привели к тому, что после кратковременного падения численности антиамериканских материалов весной 1953 г. вновь начался их рост. Образ американского, немецкого врага не изменился, активно использовался и для проведения внутренних психологических операций весной—летом 1953 г.

Вместе с тем, после “дела Берии” пропагандисты уже не могли столь активно пользоваться образом внутреннего врага. В общественном сознании СССР началось размывание образа внутреннего врага. Компенсируя потерю, пропагандисты должны были увеличить количество антизападных материалов.

§ 4. Эскалация психологической войны в период разрядки и стабилизация образа врага.

Еще одна перестройка аппарата пропаганды

Обострение отношений между супердержавами во время Берлинского СМВД и Женевского совещания вело к эскалации “психологической войны”. Инициаторами опять выступили правые силы США. 1 июня 1954 г. А.Тертерян в статье “«Толстый ломоть лжи» г-на Марчента” воспроизвел слова помощника госсекретаря США об очередном антикоммунистическом пропагандистском наступлении во всем мире против СССР. Агрессивное поведение правительства противника Тертерян объяснял паникой правых сил перед падением престижа США в Европе и “потерями, которые понесла в Европе и Азии американская «политика с позиции силы»”¹.

Необходимость усиления контрпропагандистской работы стимулировала еще одну перестройку агитпропа ЦК КПСС. 22 мая 1954 г. ЦК утвердил новую структуру отдела. Сектора были уплотнены, созданы новые. Всего их стало десять: три должны были вести традиционную для агитпропа работу — сектора партпропаганды, издательств и журналов, центральных газет и радиовещания; новые — координировать и контролировать пропагандистскую работу в регио-

нах, — сектора областей Севера и Центра, Черноземной полосы и Юга, Прибалтийских республик и т.п. В начале июля 1954 г. ЦК КПСС дал неудовлетворительную оценку работы СИБ.

Тогда же, в июле, Министерство культуры СССР в лице начальника главного управления радиовещания Н.В.Семина и сотрудника В.И.Павловича договорилось с главным директором чехословацкого радио Нечасеком о координации пропаганды радио Москвы и Чехословакии на капиталистические страны². “Большевистская печать”, которая в 40-х годах была главным средством пропаганды на границу, все больше уступала место радио. Одновременно усиливалась контрпропагандистская работа.

Образ врага в контрпропаганде

Инициатором расширения контрпропагандистской работы выступил В.М.Молотов. “Нам надо хватать за руку тех, кто врет, — пересказывал 15 октября 1953 г. выступление министра главный редактор “ЛГ” Б.С.Рюриков на заседании редакции, — кто извращает истину, кто говорит на нас неправду”³. Лживость врага журналисты решили изображать в рубрике “Пойманы с поличным”.

31 мая 1954 г. зав. отделом пропаганды и агитации В.С.Кружков в ответ на пропагандистское наступление Запада предложил секретарям ЦК КПСС план операции, главным элементом в которой был сложившийся образ внешнего врага: “В связи с исполняющимся 1 августа 1954 г. 40-летием первой мировой империалистической войны считал бы целесообразным использовать эту дату для: разоблачения германского милитаризма как главного виновника двух мировых войн и агрессивной политики правящих кругов США, Англии и Франции, стремящихся развязать третью мировую войну; разъяснения внешней политики СССР...”. 17 июня ЦК КПСС дал необходимые указания редакторам центральных газет и радио⁴.

Тем временем редакция “Литературной газеты” выпустила 5 июня номер, заполненный только контрпропагандистскими материалами. Антиамериканской была заметка “Чарли Чаплин — лауреат премии Мира”. Изюминка номера — первая в советской прессе статья бывшего «космополита», а теперь коммуниста Жана-Поля Сартра “К истории с советским балетом”, разоблачала связь правительства США с правыми кругами Франции, которые проводили колониальную политику. В статье О.Н.Прудкова “«Лайф» распоряжается территорией Франции” американцы обвинялись в оскорблении памяти миллионов погибших в борьбе против фашизма.

В своей статье Сартр верно передал логику чиновников не только Франции: когда нет возможности уничтожить врагов, совершаются “мерзкие поступки” “символического характера”, которые и составляют содержание “психологической войны” в широком значении слова. Недопущение выступления советского балета во Франции — способ выражения презрения к врагу, который был вызван раздражением французских правящих кругов от неудач во внутренней политике, а войск — при Дьен-Бьен-Фу во Вьетнаме, отмечал автор.

Ненавистью к противнику были пропитаны и советские пропагандисты. Стремление любым способом выполнить идеологический заказ приводило их к фальсификации используемых источников. Так, в статье Прудкова сообщалось, что журнал “одним махом отобрал у Франции Эльзас и Лотарингию и передал эту территорию западно-германским реваншистам”. Между тем, по утверждению переводчика Н.Ф.Паисова, на карте, помещенной в “Лайфе”, Эльзас и Лотарингия были обозначены как спорная территория. Попытки редактора международного раздела А.Ю.Кривицкого добиться от переводчика перестановки акцентов в угоду конъюнктуре ни к чему не привели — Паисов предпочел профессиональную честь. Конфликт приобрел затяжной характер, вылился в рассмотрение персонального дела пере-

водчика. Аргументы оппонентов Паисова были чисто политические и представляли собой изложение инструктажа, полученного в ЦК КПСС. “В нынешних условиях, — говорила член партбюро “ЛГ” А.Р.Бельская, — когда особенно остро стоит вопрос о контрпропагандистской работе и когда американская пропаганда очень сильно насакивает на нас, нам необходимо отражать каждое выступление, ибо выступления американской пропаганды, направленные против Франции, попытки американцев поддерживать немцев в их реваншистских устремлениях, обращенных к Франции, должны быть разоблачены на страницах нашей газеты”⁵. Она акцентировала внимание сотрудников на том, что данная публикация — поддержка мнения французских коммунистов, высказанного в газете «Комба». Выполняя задание, послушный Прудков подготовил угодную статью.

Жесткая критика врага порой ослабевала: последняя декада июля, казалось, настраивала на мажорный лад. В статье “Большой день в Женеве” спецкоры “Правды” Ю.Жуков и И.Плышевский преподносили заключенные на совещании соглашения как выдающееся достижение советской дипломатии; была опубликована Декларация от 21 июля по вопросу о восстановлении мира в Индокитае. Здесь же были воспроизведены возмущенные отзывы американских реакционеров: сенатор Хэмфри назвал итоги совещания “трагедией”, а сенатор Мэнефилд заявил, что это поражение, подобное поражению в Корее⁶. 27 июля “Правда” выступила со статьей “Мирное сосуществование капитализма и социализма вполне возможно”, которая содержала такой пассаж: “Но одно дело — научная оценка исторических перспектив развития капитализма, а другое дело — отношения Советского Союза с капиталистическими странами”. Автор статьи В.Кортунов доказывал, что экономика СССР в силу преимуществ социалистической системы спокойно переносит установленные империалистами ограничения, в отличие от них самих.

Однако ни та, ни другая сторона не могли и не желали остановить психологическую войну. Согласно принятым решениям, 31 июля и 1 августа советские газеты опубликовали статьи в ознаменование 40-й годовщины первой мировой войны в рубрике “Уроки истории”. Уроки сводились к тому, что создание замкнутых военно-политических блоков, возрождение германского милитаризма неминуемо ведет к войне. В противовес американской превозносилась советская мирная внешняя политика. Среди авторов были знаменитые советские историки, партийные деятели, зарубежные писатели, борцы за мир: Е.Тарле, Б.Пономарев, В.Корионов, С.Цвейг, Э.Пети и другие⁷.

Vive la France! И советская пропаганда

Но главным вопросом августа 1954 г. стал ход ратификации в Национальном собрании Франции Парижских соглашений. 31 августа Г.Рассадин сообщал в “Правде”, что Национальное собрание отвергло американский план “европейской армии”, акцентировал внимание на патриотической речи парламентария Эррио, который выступил с категорическим заявлением: “Мы за единую Европу, а не за Европу шести стран”. Советские дипломаты и пропагандисты почувствовали, что наступил реванш за поражение мая 1952 г. 6 сентября “Правда” в статье И.Филиппова “Конец европейского оборонительного сообщества является ошеломляющим поражением американской дипломатии” сообщила об озлоблении и раздражении, которое царило в Белом доме. Одновременно на другом конце земного шара — около Тайваня, китайское правительство начало военное давление на Чан Кайши. Администрация президента США решила прикрыть Тайвань — заключить с Чан Кайши специальный договор, а также усилить психологическую войну.

Информационные атаки и контратаки

“Как сообщает американская военная газета “Старз энд страйпс, — информировал секретарей ЦК КПСС 11 сентября зам. начальника главного политического управления Советской армии С.Шатилов, — информационное агентство США объявило, что по указанию президента Эйзенхауэра оно начинает пропагандистское “наступление во всемирном масштабе против идеологии советского коммунизма”. Для этих целей, продолжал он далее, были мобилизованы 217 филиалов ЮСИС за рубежом, 104 американские зарубежные библиотеки, выпущена литература: “Внешняя политика советской России”, “Русская церковь и советское государство”, “Принудительный труд в Советской России”, “Борьба за железным занавесом”, “Стратегия и тактика мирового коммунизма”⁸. Американские пропагандисты использовали сформированный образ советского врага.

Советский ответ появился в “Правде” 16 сентября. В редакционной статье “Агрессивная политика под флагом «антикоммунизма»” были использованы слова У.Липпмана о “дурной привычке” США не считаться с интересами других стран. “Все это, — делала вывод газета, — упорные попытки использовать ветхий флаг “антикоммунизма”, чтобы заставить страны капиталистического лагеря объединиться вокруг США для борьбы против широких всенародных движений за мир, национальную свободу и независимость”. Пропагандисты обвиняли США в диктате в отношении союзников и намекали на сходство американской и гитлеровской политики.

Осенью 1954 г. советское правительство использовало все средства давления на американцев из арсенала “психологической войны”: 30 сентября на заседании ГА ООН выступил А.Я.Вышинский с речью “О заключении международной конвенции по вопросу о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения”; Верховный комиссар СССР в Германии Г.М.Пушкин потребовал от своего коллеги Конэнта (США)

“ликвидировать шпионско-диверсионные организации в Западной Германии и Западном Берлине”; советское правительство опубликовало две ноты с предложением создать в Европе систему коллективной безопасности; проблема европейской безопасности обсуждалась на сессии Всемирного Совета Мира⁹. О непримиримости советской стороны говорит появление симптоматичных тем о ликвидации “остатков демократии” в Америке, милитаризации ее экономики, нарушениях границ СССР американскими самолетами; был нанесен новый пропагандистский удар по Ватикану¹⁰.

Агитпроп продолжал искать новые пути проникновения советской пропаганды в печать Запада. В.С.Кружков и секретари ЦК КПСС обратили внимание на инициативу польской газеты “Глос люду” на еврейском языке — “Фолкс Штыме”, редакция которой просила предоставить статьи о жизни евреев СССР, а также любые другие материалы. “Фолкс Штыме” возглавляли опытные люди: учитывая, что бывший спецкор “Нью-Йорк таймс” в Москве Сольсбери выступил с циклом статей по еврейскому вопросу в СССР, они призвали ЦК КПСС бороться с “еврейским национализмом, против сионистско-бундовских агентур американского империализма” и добились разрешения на предоставление материалов. Еще одним аргументом в пользу газеты было использование ее корреспонденций газетами как стран народной демократии, так и капиталистической печатью¹¹.

Детектив как средство политики

Одновременно пропагандисты искали новые способы поддержания психологической напряженности в обществе в период разрядки. Закреплению в общественном сознании образа врага стали способствовать шпионские детективы, главными героями которых были советские контрразведчики и американские агенты, действующие на территории СССР. В последней декаде октября 1954 г. “Комсомольская правда” опубликовала рассказ подобного рода: “Щит Родины”

В.Черносвитова. Благодаря бдительности советских людей американский шпион по кличке “Волк” был везде разоблачен, но спасался за счет своей пронырливости и законов жанра. В конечном итоге “Волк” был арестован советским контрразведчиком, шедшим за ним по пятам от самой границы. Рассказ рекламировал советский образ жизни. “«Волк» вспомнил весь свой многодневный путь через эту необъятную страну, — писал Черносвитов, — тысячи людей прошли перед его глазами: молодые, пожилые, гражданские, военные, колхозники, интеллигенты, студенты, рабочие — все разные, но все сильные, свободные, счастливые и деятельные”¹².

Такое же по жанру произведение — “Ягуар-13” А.Самойлова и В.Скорбина, было опубликовано в июньских номерах “Огонька”, а в конце года под названием “Паутина” — Воениздатом в “Библиотечке военных приключений”¹³.

Если образ внешнего врага — американо-английского, немецкого — стабилизировался и сохранился до середины 80-х годов, то образ внутреннего врага начал исчезать из общественного сознания. Это было связано с пробуждением общественного мнения в период “оттепели” и с незаинтересованностью номенклатуры в массовых репрессиях.

Внутриполитическая пропаганда

Однако действиями только внешних врагов было невозможно объяснить гражданам наличие дефицита товаров народного потребления, наличие спекуляции, теневого рынка, сохранение низкого жизненного уровня. Не имея возможности использовать образ внутреннего врага, ЦК КПСС сосредоточил внимание граждан на критике и разоблачении деятельности аферистов в торговле, спекулянтов, нерадивых чиновников.

Начала кампанию «Правда». Еще летом 1953 года в газете появились фельетоны с характерными заголовками: «Когда кружится

голова», «Пиявки», «На пьедестале», «Директорская чехарда». В них разоблачались зазнавшиеся чиновники, «частные дельцы, присосавшиеся к государственной организации»¹⁴.

После пятой сессии Верховного Совета ССР (август 1953 г.), взявшей курс на увеличение производства товаров народного потребления, подобных заметок стало больше. Эстафету подхватили другие газеты, в частности, возрожденная в ноябре 1953 года «Советская торговля». В рубрике «Суд» газета систематически публиковала заметки «Аферистка», «Шайка спекулянтов», «Где же были ревизоры?», «Расхитители»¹⁵.

В отличие от подобных материалов двух первых послевоенных лет, в 1953-1954 гг. газеты называли конкретных чиновников и расхитителей государственной собственности. Вместе с тем, общая пропагандистская установка не претерпела изменений. ЦК КПСС фокусировал внимание граждан не на причине негативных явлений – производственных отношениях, форме собственности, укоренившихся в СССР, а на следствии – недостатках в сферах распределения и обмена. Вина за негативные явления вновь возлагалась на отдельных неосознательных – но не врагов народа – граждан.

Государство по-прежнему обманывало граждан. Но не по злому умыслу. Просто идеологические чиновники, как и вся номенклатура, уже давно жили своей замкнутой кастовой жизнью и имели фантастическое представление об образе жизни и интересах простых граждан. Они искренне верили в то, что пропагандировали.

Плоды пропагандистского просвещения

Авторитаризм, насаждаемый в обществе в том числе при помощи образа врага, вел к разрушению социальной ткани общества, угрожал самим его основам. Так, на заседании редколлегии «ЛГ» сотрудница Л.Н.Пьянова заявила: «Очень индивидуалистически товарищи настроены, каждый думает только о себе»¹⁶. И простые совет-

ские люди, и номенклатура в начале 50-х годов начали осознавать это как серьезную проблему. В журнале “Крокодил” появились карикатуры, направленные против таких негативных явлений, как хамство, бездуховность, прожигание жизни детьми высокопоставленных чиновников¹⁷. Косвенно, через критику «детей», руководители партии в весьма абстрактной форме критиковали зарвавшихся, можно сказать обуржуазившихся, «отцов».

Вслед за “Крокодилом” проблему подняла “Комсомольская правда”. В ноябре—декабре 1954 г. редакция газеты провела на своих страницах дискуссию “В чем красота человека?”. Опубликованные письма молодых читателей доказывают, что индивидуализм, эгоцентризм, беспринципность, потребительство, иждивенчество не являются редкостью, порождают проявления нонконформизма: хамство, хулиганство, аполитичность, увлечение западной культурой¹⁸. Люди своего времени, корреспонденты считали негативные явления следствием запущенности “кое-где еще пока” культурно-воспитательной работы. “Комсомольская правда” проповедовала активную жизненную позицию, выделяла письма, в которых корреспонденты рассказывали о помощи товарищам в преодолении недостатков.

Между тем, нонконформизм был закономерным следствием деятельности государства, его пропагандистского аппарата: образ внешнего и внутреннего врага способствовали развитию у молодежи примитивного мышления черно-белыми категориями и, невольно, представление о Западе как отрицательном авторитете. К тому же дискредитация образа внутреннего врага в период “дела Берии” посеяла недоверие к пропаганде. В период “оттепели” юношеский максимализм, метания из крайности в крайность приводили часть молодежи к стилижничеству. Образцы западного образа жизни и идей воспринимались поверхностно, порой проявлялись в комичной форме, а потому вызывали раздражение и злобу старшего поколения.

Протест против “требований безусловного подчинения” и конформизма был интернациональным явлением: возник и в молодежной среде США и Западной Европы¹⁹. Хотя советские нонконформисты были самыми безобидными — о массовых погромах кинотеатров и концертных залов они и думать не могли, — осуждающий голос “отцов” был не менее горек. Консервативные силы СССР — часть членов ЦК КПСС, Союза писателей СССР считали негативные явления следствием гласности и свободы в период “оттепели” и предпринимали внутривластные акции, направленные на искоренение проявлений “западного образа жизни” и мышления у советских людей.

Консервативная реакция и образ врага

Не имея возможности и желания искать внутренних “космополитов”, номенклатура изменила тактику в отношении нелояльных людей: стала в большей степени использовать административные взыскания. Так, во время разбора персонального дела Н.Ф.Паисова на заседании редколлегии “ЛГ” 29 июля 1954 г. между обвиняемым и председательствующим В.М.Озеровым состоялся характерный диалог. В.М.Озеров: “Предъявляя серьезные обвинения т. Паисову, мы действительно зря поступаем, если называем его кулаком, говорим о корыстных соображениях. Мы обвиняем за другое: за слабую инициативность в работе, неоднократные нарушения трудовой дисциплины, некоторый индивидуализм в работе, некритическое отношение к замечаниям товарищей”. Н.Ф.Паисов: “Я признаю отдельные недостатки и ошибки, но очень волнует, что некоторые обвинения выдвигают против меня как-то злонамеренно. Тов. Озеров сказал, что в запальчивости, а мне кажется, что хуже, чем запальчивость”. В.М.Озеров: “С этим вопросом мы кончили”²⁰.

Сдерживая радикально настроенных членов редакции, В.М.Озеров, в сущности, проводил государственную политику: разделенные при помощи образа внутреннего врага, запуганные индиви-

ды были, конечно, удобным объектом манипулирования, но как “рабочая сила” имели тенденцию к ухудшению, и никакие новые запугивания не могли бы ее сдержать. Руководители государства знали, что для дальнейшего развития страны требуется иная мотивация труда, основанная на материальной заинтересованности²¹. В той же редакции “ЛГ” — специально подобранном для выполнения государственной работы советском коллективе — были проблемы с трудовой дисциплиной, низкой квалификацией и бездельем служащих. Продуктивную работу вели немногие перегруженные сотрудники²².

Нарастающее недовольство ЦК КПСС состоянием идеологической работы выразилось в жесткой критике ряда писателей — “инженеров человеческих душ”, а именно: Веры Пановой, Леонида Зорина, Федора Абрамова, Ильи Эренбурга, Александра Твардовского. 1 июля 1954 г. “Литературная газета” опубликовала редакционную статью “О критическом отделе журнала «Новый мир»”, в которой ряд критиков обвинялись в “холодном скепсисе” по отношению к советской литературе, “преуменьшении плодотворной партийной критики произведений искусства”, “чуждости социалистическому реализму” выступлений журнала “Новый мир”.

Не имея возможности прямо назвать писателей и критиков “космополитами”, консерваторы еще раз прибегли к палочному аргументу — напоминанию о прошлых репрессиях. “Но что эстетам до реальной борьбы, — говорилось в статье, — напомним, что несколько лет назад А.Гурвич в своей печально известной статье “Сила положительного примера”, опубликованной в журнале “Новый мир”, считал, что изображение в романе В.Ажаева людей враждебного лагеря — отщепенцев — в их зарубежных связях, по существу, не нужно”. 23 июля секретариат ЦК КПСС осудил деятельность редакции журнала за “серьезные политические ошибки”, а главного редактора А.Твардовского — за “клеветнические выпады против советского

общества”, которые, якобы, содержались в еще не опубликованной поэме “Теркин на том свете”. Твардовский был освобожден от занимаемой должности²³.

Тему борьбы против чуждой идеологии, “формалистов” продолжили писатели на своем II всесоюзном съезде в декабре 1954 г. Главным, без сомнения, было выступление А.А.Фадеева. Встреченный стоя, продолжительными аплодисментами, бывший руководитель ССП заявил: “Необходимо, чтобы мы все помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма, с обывательской безыдейностью, упадничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой... мы столкнулись и будем сталкиваться с рецидивами этой враждебной идеологии”²⁴.

Призывы подобного рода уже не могли возродить образ внутреннего врага, действиями которого можно было бы объяснить трудящимся недостатки советского общества. Номенклатура уже знала, чем заполнить образовавшийся вакуум. 7 сентября 1954 г. “Литературная газета” опубликовала передовую статью “Беспощадно разоблачать бюрократизм”. Отметив, что бюрократизм “глубоко чужд... природе советского государственного аппарата, у которого нет иной цели, кроме блага народа”, редакция продолжала: “Побольше страсти, гнева против любого проявления бюрократизма!.. Находить его в любой щели, предавать всенародному осмеянию, разжигать против него ярость масс...”.

Персонификация зла в лице отдельных чиновников так же, как и образ врага, позволяла высшей номенклатуре скрывать от народа, что бюрократизм порожден частными интересами всего чиновничества. Жертвуя отдельными представителями, номенклатура продолжала сохранять свое господство. Одновременно ЦК КПСС пытался «поставить на место» творческую интеллигенцию, которая слишком

поверила в свободу творчества и возможные изменения режима власти в период «оттепели».

Некоторые выводы

Таким образом, эскалация психологической войны и образа внешнего врага в период разрядки не привели к реставрации старых форм образа внутреннего врага — “космополита”, “сиониста”, “еврея”. Несмотря на то, что образ врага продолжал сохраняться в массовом сознании, групповом сознании номенклатуры, пропагандисты уже не могли проводить масштабные идеологические кампании с его использованием в газетах, журналах, радиопередачах. Дискредитация образа внутреннего врага была следствием не только ошибок пропагандистов, разрядки международной напряженности, но и новых интересов руководства страны, занятого поиском направления развития СССР после смерти Сталина. Образ же внутреннего врага разъедал социальную ткань общества, противоречил догме о морально-политическом единстве советского народа, угрожал интересам самой бюрократии, которая боялась возрождения репрессий, подобных сталинским. Он стал историческим анахронизмом, и номенклатура заполнила образовавшийся вакуум иными символами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет констатировать: “образ врага” — идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества. Феномен “большого времени”, он существует на протяжении всей российской истории, но только в XX веке пропагандистские органы государства начали планомерно и систематически внедрять образ врага в массовое сознание. Источником, главной причиной возникновения советского варианта образа врага является наличие внутренних — социально-экономических, политических, идеологических, и международных противоречий.

Предпосылки и причины возникновения послевоенного образа врага можно условно разделить на общецивилизационные и конкретно — исторические.

Массовые, индустриальные общества основаны на иерархии и авторитете, их важнейшими принципами являются «стандартизация, централизация, максимализация, гигантомания, дезинформация, специализация, синхронизация» (О.Тоффлер). Правящие группы используют дезинформацию для решения как частных, так и общегражданских интересов, которые они понимают в соответствии со своим видением мира и историческим опытом нации.

Соответственно, советская номенклатура была движущей силой, способствующей формированию образа врага. Потенциальную угрозу, возникшую для государства и народа, бюрократия сумела использовать себе на пользу. Ее интерес состоял в контроле за мыслью и поведением широких масс населения в условиях сложившейся административно-командной системы, роста количества грамотных и культурных людей. После Второй мировой войны эта потребность усилилась. Борьба с Западом за сферы экономического и политического

влияния в мире — за свое геополитическое пространство, которая привела к “холодной войне”, необходимость обеспечить обороноспособность страны за счет новых — ядерных — вооружений в условиях послевоенной разрухи, нищеты населения и невозможности в широких масштабах материально стимулировать эффективный труд, приводили к необходимости задействовать духовные стимулы с целью обеспечить трудовую активность и политическую лояльность граждан.

В эволюции послевоенного советского варианта образа врага можно выделить следующие этапы: два первых послевоенных года — 1945 — июнь 1947; осень 1947 — август 1949; период с осени 1949 по март 1953 можно разделить на три подпериода, границами которых являются события июня 1951 и января 1953 года; наконец, период разрядки международной напряженности с апреля 1953 по декабрь 1954 гг., в котором можно выделить два подпериода с границей в мае 1954 года.

В течение двух лет после окончания Второй мировой войны правительство США сформировало образ советского врага. В то же время в СССР сложились предпосылки для возникновения советского варианта западного образа врага.

В сентябре 1947—августе 1949 г. образ внешнего и внутреннего врага прошли период становления. Во время идеологических кампаний 1948—1949 гг. в общественном сознании были сформированы три его формы.

Главная форма образа врага — американский империализм, олицетворял все ужасы капитализма. В ее окончательном становлении в апреле—мае 1949 г. большую роль сыграл агитпроповский “План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время”, который нацеливал пропагандистов на длительную и систематическую дискредитацию всех сторон жизни и политики США. В содержание образа американского образа врага вошли: представление

о предкризисном состоянии экономики; господстве монополий, вскармливающих в США фашизм; маразме и растленности американской культуры и нравов; ущербности американского образа жизни; наличии в стране расовой дискриминации; использовании науки в милитаристских целях; продажности печати; росте преступности; наличии в руководстве страны опасных, полусумасшедших антисоветчиков типа Форрестала; агрессивности внешней политики США, для проведения которой был создан Северо-Атлантический пакт (НАТО); космополитизме как идеологическом оружии агрессивных кругов США и других западных стран; наличии непримиримых противоречий между западными странами, которые со временем приведут к расколу их союзов. Часть этого стереотипа соответствовала действительности.

Пропагандисты изображали американский империализм как единую систему, в каждом элементе которой отражаются все ее свойства. Они внедряли в общественное сознание психологическую установку по каждому из элементов таким образом, чтобы любая из них способствовала воспроизведению в сознании людей всего стереотипа образа врага.

По этой же схеме разоблачались другие державы-соперницы: Великобритания, Франция. Для эффективного насаждения образа врага в массовом сознании не предусматривалось отражение в СМИ положительных сторон жизни государства-противника.

Становление образа внутреннего врага, унифицированного в термине “космополит (-изм)” было связано с деятельностью Генерального секретаря ЦСП СССР А.А.Фадеева и главного редактора “Литературной газеты” В.В.Ермилова, которые выполняли указания И.В.Сталина, секретарей ЦК ВКП(б) М.А.Суслова, А.А.Жданова, Г.М.Маленкова. В содержание образа внутреннего врага вошли социально-политические, нравственные, культурные, эстетические антиценности советского общества: буржуазность, национализм, анти-

патриотизм, “пресмыкательство” перед Западом и его культурой, двурушничество и иные “гнусные” черты поведения, “барский снобизм”, возведение “поклепа” на других граждан. После антикосмополитической кампании 1949 г. политическими разновидностями космополитизма считались: сионизм, панамериканизм, паниранизм, панисламизм, пантюркизм, фиюзатизм; в искусстве — декадентство, формализм, “искусство для искусства”; в биологической науке — “вейсманизм-морганизм”; в образе жизни — молодежный авангард в виде “стиляжничества”, а также “несознательный советский гражданин, имеющий пережитки капитализма в сознании”. Содержание термина не было раскрыто до конца, что позволяло манипулировать им.

В итоге термин “космополит” стал использоваться для изображения предателей Родины, “пятой колонны” США как в СССР, так и в странах Западной и Восточной Европы.

С мая 1949 по январь 1953 гг. крайние формы образа внутреннего врага исчезают со страниц советских газет. Остается только одна разновидность: образ сомнительного советского человека, имеющего пережитки капитализма в сознании. Этот идеологический ярлык служил прекрасным поводом для оказания социального и юридического давления на граждан, которые выражали социальное недовольство. Пропагандистский маневр был предпринят в связи с тем, что чрезмерное использование образа внутреннего врага могло подорвать веру населения в морально-политическое единство советского общества. Кроме того, на пропагандистские органы оказали давление советские ведомства, недовольные использованием образа внутреннего врага против хозяйственников — прием, при помощи которого политическая номенклатура активизировала деятельность хозяйственной.

Термины, обозначающие внутренних врагов, вошли в политическую лексику и активно использовались следователями МГБ, чиновниками и рядовыми советскими гражданами в доносах.

С лета 1948 г. складывались предпосылки возникновения образа югославского врага. В мае 1949 г. агитпроп приступил к его формированию в массовом сознании. Основной удар направлялся против “клики Тито-Ранковича” с целью противопоставить правящую верхушку народу и лишить ее власти. С точки зрения пропагандистов, руководство Югославии переродилось в буржуазном духе, организовало фашистский террор внутри страны против истинных коммунистов, способствовала возникновению нищеты трудящихся тем, что подчинила страну милитаристским планам США и Великобритании, превратилось в “отщепенцев” от “лагеря” демократии и социализма. В идеологическом плане маршал И.Б.Тито и его соратники были квалифицированы “троцкистами”, “злейшими врагами социализма”, “штурмовым отрядом империализма”. В сущности, пропагандисты обвиняли Тито в космополитизме, хотя и не употребляли термин во время кампании. Систематическое использование образа югославского врага закончилось весной 1953 г., практически сразу после смерти И.В.Сталина.

Все формы образа врага объединены сущностным признаком: враждебностью советскому обществу и государству, гражданину.

На становление и развитие форм образа врага в 1947—1949 гг. воздействовали следующие факторы международных отношений: крушение антигитлеровской коалиции; переход Израиля, возникновению которого содействовал Советский Союз, на сторону США; самостоятельная внешняя и внутренняя политика югославского руководства, вызвавшая недовольство советского правительства. Важным внутривнутриполитическим фактором был рост разочарования советских людей по поводу так и не наступивших послевоенных изменений в социально-экономической сфере — послаблений. В сентябре 1949—июне 1951 гг. образ врага развивался и совершенствовался в связи с новыми поворотами в международных отношениях: образованием ФРГ,

ГДР, победой китайской революции, началом корейской войны, развитием военной и экономической интеграции государств Запада и Востока.

Новой формой образа врага с осени 1949 года стал образ немецкого врага-неофашиста, олицетворенного прежде всего канцлером ФРГ К.Аденауэром. Психологический стереотип немецкого врага создавался при помощи тех же установок, что и образ американского врага, но в связи со спецификой объекта.

В начале 1953 года ЦК КПСС сделал попытку создать образ врага в лице государства Израиль. Однако переход к разрядке остановил этот процесс.

Разрядка международной напряженности способствовала изменению стереотипа образа врага. В марте 1953—мае 1954 гг. образ внутреннего врага был дискредитирован: многие советские люди с недоверием восприняли его новое олицетворение — Л.П.Берию, после недавнего “дела врачей” и их реабилитации. Чиновничество, не заинтересованное в возвращении массовых репрессий в своей среде, после казни Берии также не проявляло активность по возрождению образа внутреннего врага. Выступления отдельных консерваторов в этом направлении не были поддержаны. Свою роль сыграла и разрядка, породившая иллюзию возможности длительного сотрудничества капиталистических и так называемых социалистических стран, и вступление мира в эпоху научно-технической революции, потребовавшей иной мотивации высокопроизводительного труда, использования новой техники, а не рабской силы ГУЛАГа, пополнявшегося в том числе за счет использования образа врага карательными органами. Кроме того, народы и правительства устали от первого этапа холодной войны. На фоне этих важных причин смерть Сталина — повод, после которого советское руководство начало переход к новой политике.

Образ внутреннего врага исторически изжил себя, но использовался советскими спецслужбами до середины 80-х годов.

Вместе с тем, постоянные конфликты супердержав способствовали сохранению образа внешнего врага. Поводом послужили Берлинские события, соперничество по корейской, германской проблемам, разногласия по индокитайскому вопросу, которые выявились на Берлинской и Женевской конференциях 1954 г. Наряду с заявлениями о необходимости сохранения разрядки супердержавы продолжали гонку вооружений.

В результате образ американского и немецкого врага-неофашиста остались главными в советской пропаганде и массовом сознании. Пропагандисты активно использовали образ внешнего врага в психологических операциях как внутри СССР, так и за рубежом.

Длительному сохранению различных форм образа внешнего врага способствовала политика изоляции страны: советские люди в повседневной деятельности не сотрудничали с американскими и западногерманскими гражданами, политиками, не имели значительного количества позитивной информации о жизни за рубежом, а потому не могли оценить сообщения советской пропаганды. Кроме того, со времен Великой Отечественной войны еще не было изжито негативное отношение советских людей к западным немцам.

Содержание и формы образа врага соответствовали направлениям политики советского правительства и определяли его функции.

Важнейшая функция образа врага — сохранение общественного и государственного строя, господства номенклатуры в условиях “холодной войны”.

Образ внешнего врага, прежде всего немецкого и американского, использовался пропагандистами для удержания в своем геополитическом пространстве населения и правительств стран Восточной Европы, которые опасались возрождения немецкого милитаризма. Об-

раз американского врага систематически применялся в психологических операциях в период предвыборных кампаний в Италии, ФРГ, Франции и других странах с целью нейтрализовать американскую пропаганду, добиться выгодной для себя расстановки политических сил в стране.

Для воздействия на общественное сознание сограждан ЦК ВКП (б) – КПСС использовал и образ внешнего, и образ внутреннего врага. Связанные друг с другом, эти формы имели и специфические функции. С помощью образа внутреннего врага чиновники осуществляли политику “разделяй и властвуй”, развивали взаимное недоверие и конкуренцию между гражданами, а при помощи образа внешнего врага сплачивали отчужденных друг от друга индивидов вокруг правительства, ЦК ВКП(б), вождя И.В.Сталина. Подобная тактика способствовала эффективному манипулированию общественным сознанием и поведением граждан, пресекала рост классового самосознания советских рабочих, крестьян, низших слоев бюрократии – тормозила возникновение предпосылок гражданского общества в СССР.

Привязка признаков бюрократического разложения к враждебной деятельности, признакам внутреннего врага активизировала деятельность хозяйственных кадров, в нерадивости, бюрократическом разложении которых советские руководители видели главную причину невыполнения планов социально-экономического развития страны.

Образ врага в виде “отдельного несознательного гражданина, имеющего пережитки капитализма в сознании”, пропагандисты использовали для дискредитации “мелкобуржуазных” форм хозяйствования — артелей, а также для пресечения деятельности теневых в рамках существующего законодательства экономических структур. Таким образом правительство защищало монополию государственной собственности, сохраняло свое экономическое господство.

Все формы образа врага способствовали утверждению в общественном сознании важнейшей идеологической установки ЦК ВКП(б) о превосходстве советского строя над капиталистическим, отсутствии в СССР внутренних предпосылок и причин для возникновения буржуазных отношений. Противопоставляя лучшие образцы советской действительности и мифы о ней мифам о Западе и его негативным реальностям, пропагандисты формировали “советский патриотизм”, морально-политическое единство народа на основе ценностей советской номенклатуры. Важнейшей ценностью считалась преданность гражданина чиновникам, возглавлявшим государство.

С точки зрения автора, необходимо строго различать навязываемый номенклатурой державный вариант «советского патриотизма» и патриотизм миллионов советских людей, которые отстаивали свою родину в борьбе с фашизмом, восстановили ее экономику после войны. Важнейшая черта державного варианта патриотизма – слепая ненависть к государствам-противникам и инакомыслящим соотечественникам, ненависть, которая приводила к дискредитации всех сторон жизни других наций, к современным формам невежества и догматизму. Эта ненависть отсутствовала в широких кругах советских людей, и государство было вынуждено искусственно воспитывать ее в людях.

Важным условием формирования “советского патриотизма” было недопущение идей и явлений, сущность которых расходилась с идеями и практикой партии и правительства. С помощью образа врага ЦК КПСС дискредитировал их носителей — советских граждан, зарубежных философов, социологов, политические партии. Если учесть, что образ врага использовался как средство для пресечения связей советских людей с зарубежными гражданами и особенно журналистами, которых пропагандисты изображали шпионами, то можно констатировать: это было эффективное средство изоляции страны.

Поощряя граждан на анонимное доносительство — т.е. учитывая сведения из доносов при принятии решений по кадрам, использование в отношении региональных чиновников ярлыков, обозначающих врага, советское руководство создало безотказный механизм контроля за нижестоящими чиновниками. Устранение зарвавшихся местных чиновников при помощи обвинений в совершении политических преступлений повышало авторитет ЦК ВКП(б) среди населения. Государственный популизм укреплял веру граждан в возможность установления социальной справедливости в советском обществе; способствовал нейтрализации социального протеста при помощи форм, выгодных номенклатуре, которая жертвовала своими отдельными членами для закрепления господства; держал в страхе местных начальников, от которых центральные органы управления могли требовать выполнения нереальных планов любой ценой.

Важным условием проведения популистской политики было поддержание “бдительности” граждан — социально-психологического напряжения и готовности реагировать на любые подозрительные факты и лица. Мероприятия правительства по развитию у граждан бдительности имели основание — США и другие державы расширяли разведывательную деятельность против СССР. Вместе с тем, каждое явление и мероприятие имеет меру, выход за которую говорит либо об ошибках руководителей, либо о сущностных чертах дряхлеющего политического режима. Развитие гипертрофированной бдительности было средством и для защиты от происков западных разведок, которым в послевоенное десятилетие так и не удалось создать свои разветвленные сети в СССР, и для реализации внутривластных интересов номенклатуры — удержания населения в повиновении.

“Бдительность” формировалась при помощи пропаганды образа врага и способствовала закреплению мифологического мышления у граждан. Образ врага — миф, который вытеснял из общественного и

индивидуального сознания рациональные приемы объяснения противоречий советского общества, смещал фокус внимания людей на действия “капиталистического окружения”, “буржуазных перерожденцев” — “космополитов”, а также “головотяпов” и “ротозеев” из числа местного начальства.

Весьма часто за “бдительностью” стояли карьерные и материальные интересы отдельных лиц и групп, а также стремление свести счеты с конкретными гражданами или представителями власти за допущенные ими унижения, гонения в адрес доносчиков. Тем самым в обществе воспроизводилась политическая культура, характерная для данного периода советского общества.

Для мифологизации и внедрения образа врага в массовое сознание ЦК ВКП(б) допустил антисемитскую деятельность наиболее косных представителей аппарата и населения. В результате термины “еврей” и “сионист” стали синонимами врага.

Мифологическое мышление идеологов и граждан приводило к искажению фактов всемирной и отечественной истории в угоду политической конъюнктуры; способствовало подмене патриотизма великодержавной гордыней; развитию национализма, а не действительного национального самосознания у народов СССР; вело к неадекватному общественному познанию; неверному самопознанию личности.

В числе важных социальных последствий применения образа врага в советской пропаганде можно также назвать дальнейшее отчуждение трудящихся от власти и собственности, рост авторитаризма, антиинтеллектуализма и нетерпимости к инакомыслию, усиление бюрократической невменяемости чиновничества. Спекулятивные заявления о возрастании роли народных масс в истории сопровождались действиями, которые в СССР приводили к обратному результату.

Деятельность пропагандистов по дискредитации граждан была уголовно наказуемым деянием — подпадала под статью 161 УК РСФСР

о клевете. Однако в СССР не было политических сил, способных заставить чиновников соблюдать дух и букву закона. Сами же чиновники были уверены в своей безнаказанности. Они выполняли политический заказ и не задумывались над такими вопросами. Правовой цинизм и бескультурье идеологической бюрократии распространялось на общество, выжигая предпосылки гражданского общества на корню.

Успешному внедрению образа врага в общественное сознание способствовал ряд сложившихся после войны условий и предпосылок: повышенная внушаемость населения к сведениям, которые сообщают газеты; огромное доверие к высшему политическому руководству СССР, прежде всего И.В.Сталину; опыт ведения психологической войны, который приобрели пропагандисты в годы Второй Мировой войны; пресечение контактов граждан с иностранцами.

Принципы и приемы пропаганды были применены по отношению к новым объектам воздействия. В течение второй половины 1947—1954 гг. пропагандисты планомерно, комплексно и систематически дискредитировали все стороны общественной жизни и политики государств-противников, достаточно гибко реагировали на изменение конъюнктуры. Значительный эффект внешнеполитической пропаганды достигался за счет координации действий пропагандистского, дипломатического аппаратов с движением сторонников мира. Успеху внутривнутриполитической пропаганды способствовала совместная деятельность агитпропа, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Русской православной церкви и ССП СССР.

Внедряя образ врага в сознание и мышление миллионов людей, пропагандисты опирались на устойчивые стереотипы общественного сознания, характерные для части русского и других народов СССР: националистические, в частности, антисемитские, пережитки в сознании; стремление к примитивной уравнительности; ненависть к чиновнику-бюрократу; веру в доброго вождя; авторитаризм. Во внешнепо-

литической пропаганде агитпроп учитывал рост антиамериканских настроений в Западной Европе после войны, отрицательное отношение западной социал-демократии к советской системе, страх народов Восточной Европы перед возрождением германского милитаризма.

Управление (отдел) пропаганды и агитации ЦК КПСС использовал следующие приемы для разоблачения политических противников: сопоставление советских и американских явлений и людей не в пользу последних; бездоказательное наклеивание ярлыков; апелляции к “простому народу”; подтасовка фактов; дозирование информации о достижениях противника, преподнесение ее в негативном контексте или игнорирование; доведение до абсурда; сравнение государственных деятелей западных стран с фашистами и животными; мнимое изображение современной американской действительности при помощи произведений различных авторов полувековой—двадцатилетней давности; драматизация ситуации. Публикация фактов сопровождалась теоретическими статьями, которые прививали гражданам определенный стиль политического мышления.

Постоянным явлением было использование двойных стандартов в оценке действий своего правительства и руководства противника. Желаемое советской номенклатурой выдавалось за действительное.

Таким образом, создавая образ внешнего и внутреннего врага, советские пропагандисты проводили три взаимосвязанные операции: наполняли информационную реальность новыми пропагандистскими материалами; не допускали позитивной информации о противнике; изымали из обращения материалы с информацией, которая противоречила новым идеологическим установкам, включая плоды своей предыдущей деятельности.

Важнейшими средствами оперативной пропаганды были газеты, радио. Долговременной — журналы, книги — художественные и публицистические, кинофильмы. Что бы ни читал, ни смотрел, ни слушал

советский гражданин, он постоянно усваивал идеологические установки и стереотип образа врага, определенный ЦК ВКП(б).

Политическая конъюнктура и скользкие приемы пропаганды не раз приводили пропагандистов в идеологические и политические тупики, не осмысленные в конце 40-х—первой половине 50-х годов. В изучаемый период государство еще имело возможность за счет авторитаризма и отсутствия гласности нейтрализовать негативные последствия идеологических противоречий, но их накопление с 1953 г. приводило к падению авторитета советской пропаганды среди населения.

Поразительно, но факт: идеологи, которые считали себя правыми марксистами, сами обладали и воспроизводили в общественном сознании индустриальной страны все свойства раскритикованного классиками марксизма мелкобуржуазного, народнического мышления. В их число входили: социальное прожектерство; нежелание считаться с интересами различных групп граждан; стремление задержать развитие или игнорировать тенденции реальной действительности в угоду своим утопиям; противоречивое отношение к гуманистическим ценностям предшествующих периодов; догматизм и неразвитость, которые приводили к теоретическому эклектизму. Советские руководители практической деятельностью подтвердили одну из черт мелкобуржуазного коммунизма и социализма, которую отметил еще В.И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся»: «Отсутствие социологического реализма ... ведет так же у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением.... Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами»¹.

Бюрократическое мышление приводило к подмене диалектики, системно-исторического взгляда на мир — главного в марксизме, ме-

тафизикой, к волюнтаризму на практике. В СССР процветали взгляды, которые К.Маркс справедливо называл “грубым, неосмысленным” коммунизмом: стремление к уравнительности, презрение к товарно-денежным отношениям, устремленность в прекрасное будущее, отрицание личности человека. В сущности, они не имели ничего общего с марксизмом.

Образ врага и «советский патриотизм» в рамках советской пропаганды способствовали искусственному воспроизводству у населения провинциальной замкнутости, которую неуклонно преодолевала развивающаяся индустриальная экономика. Пропагандистский аппарат действовал вопреки важнейшим тенденциям мирового развития, которым был подвержен и СССР. Не случайно: идеология способствовала сохранению власти номенклатуры, которая смотрела на народ только как на объект своих манипуляций и всемерно оглупляла его образом врага.

Развитие производительных сил общества, личности человека, расширение международных контактов вело к отбрасыванию форм образа врага, порожденных холодной войной.

Послевоенный образ врага существенно отличается от образа врага-фашиста в период Отечественной войны. Если в годы войны враг был реален, то в послевоенное время его угроза была потенциальной. В 1941—1945 гг. образ врага в основном соответствовал объективному положению вещей: немецко-фашистские войска напали первыми; проявляли жестокость по отношению к пленным и мирному населению; глумливо относились к культурным ценностям народов СССР; “новый порядок” директивно предусматривал уничтожение и порабощение славянских народов. Во второй половине 40-х годов дискредитация потенциальных врагов происходила за счет искажения — сознательного или бессознательного — информации о достижениях нации противника. Если образ врага военного времени способствовал

мобилизации народа на защиту Отечества и выполнял прогрессивную роль, то после войны он в первую очередь способствовал консервации существующего режима власти, исторически обреченных общественных и производственных отношений, при помощи которых правительство мобилизовало общество на ведение изнурительной гонки атомных вооружений. Номенклатура эксплуатировала в своих целях подвиг народа в войне.

Противники в психологической войне – пропагандисты СССР и США, использовали одинаковый метод создания образа врага – дискредитацию, однотипные приемы, двойные стандарты, координировали свою деятельность с союзниками. В начале 50-х годов американский пропагандистский аппарат превзошел советский по уровню технической оснащенности, организации и оперативности, но пока еще проигрывал в идейном плане. Коренным образом ситуация изменится только после разоблачения культа личности И.В.Сталина в 1956 г.

В силу исторической ограниченности и геополитической конкуренции, основанной на разнице социально-экономического и политического строя, и советская номенклатура, и американский истеблишмент не могли предложить гуманистическую политику трансформации послевоенного мира, инстинктивно воспроизвели тот тип внутри- и внешнеполитических отношений, который обеспечивал прежде всего их существование и выживание. В этой политике образу врага отводилась значительная роль.

Однако, внедренный в массовое и индивидуальное сознание, образ врага превратился в элемент саморазрушения общества и личности. В середине 50-х годов советский вариант внутреннего образа врага потерпел крах, стал медленно уходить из общественного сознания. Образ внешнего врага практически без изменений сохранился до середины 80-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Конфронтация двух систем и менталитет советского общества. // СССР и холодная война. Под редакцией В.С.Лельчука, Е.И.Пивовара. Мосгорархив. 1995; Костырченко Г. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М.: Международные отношения. 1994; Волобуев О.В. Советский тоталитаризм: образ врага. // Тоталитаризм и личность. Пермь. 1994
- ² См.: Гулыга Арсений. Шеллинг. — 3-е изд., испр. — М.: Соратник, 1994, с. 229.
- ³ Цит. по: Филитов А.М. “Холодная война”. Историографические дискуссии на Западе. М., 1991, с.133.
- ⁴ Термины “образ врага”, “информационная реальность” определены автором монографии, то же относится и к понятиям “советский патриотизм”, “холодная война”; остальные — с корректировкой, взяты из: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
- ⁵ Индустриальное (промышленное) общество — общество с центральной ролью научно-технической деятельности, машинным производством, фабричной организацией и дисциплиной труда, общенациональной системой хозяйства. Логика индустриализации ведет все общества к увеличению сходства (конвергенции) основных институтов и способов организации хозяйства. См.: там же.
- ⁶ Мейлер Н. Нагие и мертвые. М.: Воениздат. 1976, с. 164.
- ⁷ Гипотеза автора состоит в том, что речь идет о мелкобуржуазном коммунизме новейшего (индустриального) времени. См. подробнее: Фатеев А.В. Сталинизм — мелкобуржуазный коммунизм новейшего времени // Проблемы конституционного развития России на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (18-19 марта 1993 г.). Рязань. 1994.
- ⁸ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992, с. 277.
- ⁹ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград. Колос. 1921; Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат. 1962; Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984.
- ¹⁰ См.: Фатеев А.В. Державный патриотизм времен позднего сталинизма. — Преподавание истории в школе. 1995. № 7; он же: Как создавался образ врага: у истоков холодной войны. — История. Еженедельное приложение к газете “Первое сентября”. 1996. № 3; он же: “Литературная газета” в горячей купели холодной войны. — Историческая газета. № 2. 1997.
- ¹¹ Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников первой мировой войны. — Вопросы истории. 1997. № 3, с. 140—156; она же: Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны. — История. Еженедельное приложение к газете “Первое сентября”. 1997. № 19.
- ¹² Иголкин Александр. Пресса как оружие власти. — Россия. XXI: 1995. № 11—12.
- ¹³ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1050, лл. 145—152; Там же, оп. 125, д. 503, лл. 39—48; там же, оп. 132, д. 224, лл. 48—52. Два последних документа опубликованы автором монографии в газете: История. Приложение к газете “Первое сентября”. 1996. № 3, с. 10—12.
- ¹⁴ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 245. Там же, д. 594, лл. 30—35.
- ¹⁵ ЦХСД, ф.5, оп. 16, д.645; 646.
- ¹⁶ Вопросы партийного строительства. Сборник материалов и документов. М.: 1945; Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф.Александрова “История западноевропейской философии”. 24 июня 1947. Госполитиздат. 1951; Неизвестная Россия. XX век. Историческое наследие. ТТ. 1—4; “О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению”. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 года. — Культура и жизнь. 1946. 30 августа; “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”. — Правда. 1949. 28 января; XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. Государственное издательство политической литературы. 1939; Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. В двух томах. — М.: Издательство политической литературы. 1976; Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года. Стенографический отчет. — Известия ЦК

- КПСС. 1991. №№ 1—2; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сборники документов. — М.: Издательство политической литературы; и другие.
- ¹⁷ См., например: Аджубей А. Те десять лет. М.: 1989; Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. М., 1991; Рудницкий К. Театральные сюжеты. М., 1990; Никсон Р. На арене. М., 1992; Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988; Хрущев Н.С. Воспоминания. \\ Вопросы истории. 1991—1992 гг.; Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. В 3-х книгах. М.: Воениздат. 1991; Юткевич С. Собр. соч.: В 3-х томах. Т. 2. Путь. М.: 1991; и другие.
- ¹⁸ Вишневский В. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 6 (доп.). М.: Государственное издательство художественной литературы. 1961; Фадеев А. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. М.: Издательство художественной литературы. 1971.
- ¹⁹ См., например: Аверьянов А.Н. Системное познание мира. Методологические проблемы. М.: Политиздат. 1985; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979, с. 332; Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М.: Наука. 1969; Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа “Анналов”. М.: Индрик. 1993; с. 130, 131; Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука. 1987; Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. — Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 754. Тарту. 1987, с. 12; Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль. 1973.
- ²⁰ А) Во время работы над монографией меня поддержали С.В.Белогорлов, С.В.Демиденко, А.Е.Свержановский.
Б) Приношу благодарность коллективному разуму московских чиновников от образования. Их методика и приемы проверки учителей вызвали у меня ассоциации, которые позволили лучше осмыслить и включить в монографию ряд фактов. Для будущих историков российского образования сообщаю источник: вх.№2\1-281 от 30.04.96 Московского комитета образования. Автор монографии впервые столкнулся с философской проблемой «историк и время».

ГЛАВА I

§ 1. Опыт советских пропагандистов периода Отечественной войны

- ¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1939, с. 26.
- ² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1041, лл. 26, 29.
- ³ От советского информбюро... 1941—1945. Публицистика и очерки военных лет. В двух томах. Издание второе. М.: АПН. 1984. Т. 2, с. 460.
- ⁴ От советского информбюро...: Т. 2, с. 470.
- ⁵ Там же: Т. 1, с. 14; Т. 2, с. 458, 459.
- ⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 95, л. 123.
- ⁷ Там же: лл. 207, 210, 211.
- ⁸ Там же: д. 89, лл. 35—37, 39—48, 57 об.
- ⁹ Там же: д. 89, лл. 8, 9.
- ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 322, лл. 118, 119; От советского информбюро...: Т. 2, с. 424; Рувельт Ф.Д. Беседы у камина. М.: 1995, с. 186.
- ¹¹ Эренбург Илья. Долг искусства. — Литература и искусство. 1943. 3 июля.
- ¹² Эренбург Илья. Близится час! Воениздат. М.: 1942, с. 28, 36, 44; От советского информбюро...: Т. 1, с. 187; Т. 2, с. 410.
- ¹³ Эренбург Илья. Близится час!: с. 50.
- ¹⁴ См.: От советского информбюро...: Т. 1; Т. 2.
- ¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 322, л. 119.
- ¹⁶ Фадеев А. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5, с. 362.
- ¹⁷ От советского информбюро...: Т. 1, с. 191.

- ¹⁸ Эренбург Илья. Война. Июнь 1941—апрель 1942 г.: ОГИЗ. Издательство художественной литературы. М.: 1942, с. 249, 250, 251, 253.
- ¹⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 89, лл. 24, 25.
- ²⁰ Автор выражает благодарность за консультацию по данному вопросу д.и.н., ведущему научному сотруднику ИРИ РАН Н.К.Петровой.
- ²¹ От советского информбюро...: Т. 1, с. 246, 251, 252, 258; Т. 2, с. 178.
- ²² Динамика арабо-израильского конфликта. Материалы научной конференции. Нижний Новгород. 1991, с. 11, 12.
- ²³ См. об этом: Костырченко Геннадий. В плену у красного фараона, с. 8—22.
- ²⁴ Симонов К., Эренбург И. В одной газете. АПН. М.: 1984, с. 103; Фадеев А. Указ. соч.: Т. 7, с. 140—141.
- ²⁵ Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8 томах. Библиотека “Огонек”. Т. 5. Фрегат “Паллада”. М.: Правда. 1952, с. 130.
- ²⁶ Эренбург Илья. Долг искусства. — Литература и искусство. 1943. 3 июля.
- ²⁷ Под знаменем марксизма. 1943. № 11, с. 34—35.
- ²⁸ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. М.: Воениздат. 1991. Книга 3, с. 205, 448, 449.
- ²⁹ От советского информбюро...: Т. 2, с. 352.
- ³⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 248, л. 26, 29.
- ³¹ Там же: лл. 1—6.
- ³² Там же: лл. 44, 45.
- ³³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 212, л. 173—182; Вопросы партийного строительства, с. 219—221.
- ³⁴ Правда. 1944. 16 марта.
- ³⁵ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1050, лл. 145—152.
- ³⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1050, лл. 145—152.
- ³⁷ Большевик. 1944. № 7—8, апрель.
- ³⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. §§ 248, 297, 324, 338 и другие.
- ³⁹ Вопросы партийного строительства..., с. 225; О переходе советской пропаганды к наступательной тактике в отношении союзников в конце войны пишет и В.А.Невежин. См.: «Культурные связи СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук» (М., 1990). С. 186.
- ⁴⁰ От советского информбюро...: Т. 2, с. 345, 347, 362, 417.
- ⁴¹ Там же: Т. 2, с. 358, 404.
- ⁴² Там же: Т. 2, с. 429.
- ⁴³ Там же: Т. 2, с. 339, 426, 428.
- ⁴⁴ Черчилль Уинстон. Указ. соч., с. 574, 575, 631.

§ 2. От Победы до Фултона: предпосылки послевоенного образа врага

- ¹ Правда. 1945. 11, 30 мая; 2 июня; 5 июля; 8 сентября.
- ² Правда. 1945. 14 мая; 9 ноября.
- ³ Правда. 1945. 6 июня; 10 декабря; Труд. 1945. 27 октября.
- ⁴ См.: Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М.: Издательство политической литературы. 1989, с. 351.
- ⁵ См.: Филитов А.М. “Холодная война”. Историографические дискуссии на Западе. М.: Наука. 1991, с. 142—143.
- ⁶ См.: Страницы истории советского общества..., с. 350, 363; а также: Шлезингер А.М. Циклы американской истории, с. 267—268.
- ⁷ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист. 1994, с. 65.
- ⁸ Правда. 1945. 24, 30 мая; 4 июня; 7 июля.
- ⁹ Правда. 1945. 6, 7, 10 октября;
- ¹⁰ Правда. 1945. 16 мая; 20, 21 июня; 25 июля; 17 сентября; 4, 15 октября; 28 ноября; Комсомольская правда. 1945. 12 октября; Труд. 1945. 10 октября.
- ¹¹ Правда. 1945. 14 сентября; 18, 25 ноября; Труд. 1945. 23 ноября

- ¹² Правда. 1945. 3, 7 октября; 1946. 2 марта; Комсомольская правда. 1945. 2 октября; Труд. 1945. 2, 3 октября.
- ¹³ Правда. 1945. 19, 28 октября; 1946. 28 января, 16 февраля; Комсомольская правда. 1945. 19 октября.
- ¹⁴ Правда. 1946. 10 января; 28 февраля.
- ¹⁵ Подсчитано автором по газете “Правда”. Количество сообщений о событиях в Индонезии распределяется следующим образом: в октябре 1945 — 1; ноябре — 3; декабре — 14; январе 1946 — 15.
- ¹⁶ Правда. 1945. 6 июля; 23 августа; 19, 23 ноября; 6, 9, 12 декабря; 1946. 13 января; Комсомольская правда. 1945. 14 октября; Труд. 1945. 5, 6, 31 октября; 7, 25 декабря.
- ¹⁷ Правда. 1946. 2 февраля
- ¹⁸ Правда. 1945. 24 ноября; 1946. 26 января; 3 февраля.
- ¹⁹ Правда. 1945. 15, 20 августа; 24 декабря; 1946. 6 января, 13 апреля; Комсомольская правда. 1945. 4, 7, 14 октября; 16 декабря; Труд. 1945. 4 октября; 22, 23 декабря.
- ²⁰ Правда. 1945. 28 июня; 25 октября.
- ²¹ Правда. 1946. 17 января; 16 февраля; 8 марта.
- ²² Правда. 1945. 8, 13 октября; 29 ноября; 5 декабря; 1946. 18 марта.
- ²³ См.: Филитов А.М. “Холодная война”..., с. 84, 85.
- ²⁴ Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945—1985). Новое прочтение. М.: Международные отношения. 1995, с. 61; см. также: Правда. 1946. 10 февраля; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1986. Издание девятое, дополненное и исправленное. М.: Издательство политической литературы. 1985. Т. 8, с. 15.
- ²⁵ Правда. 1946. 11, 14 марта.
- ²⁶ Правда. 1946. 16, 23 февраля.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Правда. 1946. 4, 10, 12 мая.
- ²⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 493, л. 1.

§ 3. Первый этап реорганизации пропагандистского аппарата — период кризиса антигитлеровской коалиции

- ¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 376, л. 2, 8.
- ² Там же: лл. 84, 85.
- ³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 351, лл. 79, 81—87
- ⁴ Там же: лл. 104, 112.
- ⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 376, лл. 8—11.
- ⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 376, лл. 3, 4, 8; д. 428, лл. 42—47; д. 430, л. 18.
- ⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 430, лл. 18, 25—27.
- ⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 376, л. 5; д. 428, л. 125, 127, 145
- ⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 376, л. 6.
- ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 376, л. 8; д. 404, л. 104, 105; д. 430, л. 2—5.
- ¹¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 434, лл. 163, 164, 168.
- ¹² Культура и жизнь. 1946. 28 июня.

§ 4. Возникновение образа врага

- ¹ Филитов А.М. Как начиналась “холодная война”. — В кн.: Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995, с. 61.
- ² См. об этом: Правда. 1946. 3, 14 июля; 26 августа; 3, 8 сентября; 3, 7 октября.
- ³ Правда. 1946. 24 июля.
- ⁴ Шлезингер А.М. Указ. соч., с. 308.
- ⁵ Амброз Стивен. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М.: Книга. 1993, с. 193—194.
- ⁶ Там же, с. 190.

- ⁷ См.: “О журналах «Звезда» и «Ленинград»”. Из постановления ЦК ВКП(б) 14 августа 1946 г.; “О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению”. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г.; “О кинофильме «Большая жизнь»”. Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г.; “Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»”. Культура и жизнь. 1946. 20, 30 августа; 10, 30 сентября.
- ⁸ Культура и жизнь. 1946. 30 августа; 30 ноября.
- ⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 459, л. 73–74.
- ¹⁰ Крокодил. 1946. № 26, 20 сентября, с. 11; № 28. 10 октября, с. 10; 1947. № 2. 20 января, с. 6, 7.
- ¹¹ Крокодил. 1946. № 26. 20 сентября, с. 7; № 33. 30 ноября, с. 11; 1947. № 7. 10 марта, с. 8.
- ¹² РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 125, д. 462, л. 71, 72; д. 509, л. 18—20, 163.
- ¹³ Там же, д. 396, л. 17.
- ¹⁴ Там же, д. 396, л. 9, 11; д. 405, л. 32, 41, 45, 46, 123—125.
- ¹⁵ Там же, д. 405, л. 84, 85, 98.
- ¹⁶ Там же, д. 593, л. 10—134.
- ¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 430, лл. 140—166; оп. 131, д. 288, л. 29.
- ¹⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 459, л. 43, 46.
- ¹⁹ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М., 1993, с. 44, 64, 65.
- ²⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 509, лл. 198, 199, 203—209.
- ²¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 14, д. 56, лл. 3, 14, 15, 17, 17 об., 20—26.
- ²² Правда. 1946. 5, 19 мая; 25, 29 июля; 16 сентября; 7 октября; 1947. 29 января; 6 марта.
- ²³ Холодная война. Новые подходы, новые документы. М.: 1995, с. 156.
- ²⁴ См.: Там же, с. 154.
- ²⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 509, лл. 79, 81—88.
- ²⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 4, лл. 40, 41.
- ²⁷ Правда. 1947. 2 января; 2, 28 марта.
- ²⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 509, лл. 66—71, 104—109, 120, 124, 293; Правда. 1947. 2 марта; Крокодил. 1947. № 14. 20 мая, с. 1.
- ²⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 503, лл. 39—48.
- ³⁰ Культура и жизнь. 1947. 20, 30 апреля; 9 мая и др.
- ³¹ Холодная война. Новые подходы, новые документы, с. 162, 163, 174.
- ³² Там же, с. 161; см. также: Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М.; 1994, с. 25.
- ³³ Холодная война. Новые подходы, новые документы, с. 166, 167, 168.
- ³⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 14, д. 1129, л. 21, 22.
- ³⁵ Крокодил. 1947. № 23. 20 августа, с. 2.
- ³⁶ См.: Раппопорт Я. Дело “КР”. — Наука и жизнь. 1988. № 1, с. 104, 105.
- ³⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 887, лл. 8, 9, 12.
- ³⁸ См.: Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф.Александрова “История западноевропейской философии” (24 июня 1947 г.). Госполитиздат. 1951, с. 36, 37.
- ³⁹ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 562, л. 42; д. 567, л. 34—39; РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 837, л. 18, 21; Литературная газета. 1947. 29 июня; Культура и жизнь. 1947. 30 июня.
- ⁴⁰ Правда. 1947. 3, 4, 11 июля; 11 августа; 2 сентября.
- ⁴¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 4, с. 125—141.

ГЛАВА II

§ 1. Второй этап перестройки пропагандистского аппарата — в условиях холодной войны

- ¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 476, лл. 169, 174, 177; см. также: Правда. 1947. 22 октября, 9 декабря.
- ² См. сноску 1, а также: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 503, лл. 39—48; Правда. 1947. 11 августа.
- ³ Джилас Милован. Лицо тоталитаризма. М.: Новости. 1992, с. 49, 50. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В трех томах. Т. 1. Одиннадцатое издание, дополненное по рукописи автора, с. 287; Капица Петр. Это было так. — Нева. 1988. № 5, с. 137.
- ⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 509, л. 232—240; д. 597, л. 90, 91; оп. 132, д. 4, л. 50.

- ⁵ Там же, оп. 125, д. 509, л. 234—238.
- ⁶ Там же, оп. 125, д. 594, л. 2.
- ⁷ Там же, оп. 125, д. 509, л. 239.
- ⁸ Там же, оп. 125, д. 594, л. 45.
- ⁹ Там же, оп. 125, д. 594, л. 58—60.
- ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 594, л. 43.
- ¹¹ Там же, оп. 125, д. 493, л. 10, 21, 51, 52, 58, 59.
- ¹² Там же, оп. 125, д. 594, лл. 47—51.
- ¹³ Там же, оп. 125, д. 599, лл. 1, 4, 12, 47, 61—64.
- ¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 85, лл. 25, 26, 31, 40; СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944—1949. Сборник документов. М.: Аиро-XX. 1995, с. 248—249, 258.
- ¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 85, лл. 25, 26, 31, 40.
- ¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 594, л. 138.
- ¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 317, лл. 5—7.
- ¹⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 317, л. 2.
- ¹⁹ Симонов Константин. Глазами человека моего поколения, с. 134.
- ²⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 1004(2), л. 150.
- ²¹ Адиебеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994, с. 82, 83, 85.
- ²² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 13, лл. 45—62.
- ²³ РГАЛИ, ф. 631, оп. 14, д. 64, лл. 1, 2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Для «карнавальной культуры» характерно высмеивание идеологии противника при помощи образов и символов «материально-телесного низа». См.: Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С.428
- ²⁶ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.567, л. 30.
- ²⁷ См.: РЦХИДНИ, ф.17, оп. 132, д. 224, л. 134; Советская культура. 1990. 27 октября, с.15.
- ²⁸ См.: РЦХИДНИ, ф.17, оп. 132, д. 224, лл. 65, 66.
- ²⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 13, лл. 45—62.

§ 2. Образ врага в системе советской пропаганды в сентябре 1947—августе 1949 гг.

- ¹ Подсчитано автором по журналу “Крокодил”. Так, количество материалов о диктате США по отношению к союзникам по полугодиям 1947 г. составляло 5 и 12; сравнений западной демократии с фашизмом, об использовании странами Запада бывших фашистов соответственно 2 и 9; критике блоковой политике, милитаризма Запада посвящено 2 и 7 материалов; количество критических заметок о де Голле — 1 и 4.
- ² См.: Правда. 1947. 19 сентября.
- ³ Литературная газета. 1947. 20, 24, 27 сентября.
- ⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 594, л. 62
- ⁵ Там же, д. 519, лл. 223, 224.
- ⁶ См.: Известия. 1947. 18, 26 октября; 2, 23 ноября; 19 ноября—26 декабря.
- ⁷ Известия. 1947. 26 октября.
- ⁸ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 1004(2), л. 141.
- ⁹ Правда. 1947. 5, 23 августа.
- ¹⁰ Правда. 1948. 10, 12, 15, 17 февраля.
- ¹¹ Известия. 1948. 13 марта; Комсомольская правда. 1948. 20 марта.
- ¹² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 594, лл. 87, 88.
- ¹³ Правда. 1948. 9 марта; Комсомольская правда. 1948. 9, 16 марта.
- ¹⁴ Комсомольская правда. 1948. 29 февраля.
- ¹⁵ Правда. 1948. 16, 22 марта; Комсомольская правда. 1948. 27 февраля, 4 марта; Литературная газета. 1948. 20, 24 марта; Известия. 1948. 24 марта; Красная Звезда. 1948. 21 марта; Найтли Ф. Шпионы XX века. М.: Республика. 1994, с. 273.

- ¹⁶См.: Грайнер Б., Штайнгаус К. На пути к третьей мировой войне? Военные планы США против СССР. Документы. М.: Прогресс. 1982, с. 100—103.
- ¹⁷Известия. 1948. 12 марта.
- ¹⁸Правда. 1948. 17 марта; Труд. 1948. 31 марта.
- ¹⁹Подсчитано автором по журналу “Крокодил”.
- ²⁰См.: Вопросы истории. 1997. № 3, с. 4.
- ²¹См., например: Бутусов В. Специалисты по низкопоклонству. — Литературная газета. 1948. 10 января.
- ²²Критические оценки творчества А.Н.Веселовского по данному вопросу известны с довоенных времен. Смотрите, например, статью В.М.Жирмунского “А.Н.Веселовский” в книге: Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: Художественная литература. 1939, с. XV, XVIII.
- ²³Литературная газета. 1948. 14 февраля.
- ²⁴РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 597, лл. 116, 124.
- ²⁵См.: Правда. 1948. 6 июня; Культура и жизнь. 1948. 21 февраля; Крокодил. 1948. № 8. 20 марта, с. 5.
- ²⁶См.: Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа, с. 106, 107, 112; Правда. 1948. 29 июня; Культура и жизнь. 1948. 30 июня.
- ²⁷РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 119, л. 56.
- ²⁸РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 4, лл. 73, 74; Правда. 1948. 23 июля.
- ²⁹РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 124, д. 597, лл. 177, 178.
- ³⁰Литературная газета. 1948. 30 июня, 10 июля, 11 сентября, 20 октября.
- ³¹См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, лл. 2—5; Журнал Московской патриархии. 1948. № 4, с. 51—52.
- ³²РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 51.
- ³³РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 9, лл. 25 об., 97 об., 120, 121, 124 об., 145 об., 158 об.
- ³⁴Журнал Московской патриархии. 1948. № 7, с. 57; № 8, с. 71; № 9, с. 52; № 10, с. 39; № 11, с. 30—34, 59.
- ³⁵Литературная газета. 1948. 14, 17 июля; 17, 24 ноября.
- ³⁶Правда. 1948. 17 марта; Комсомольская правда. 1947. 26 сентября; Литературная газета. 1948. 14, 17 июля; 17, 24 ноября.
- ³⁷Даллес Аллен. О политике. // Вопросы истории. 1998. № 4, с. 105.
- ³⁸См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 239, лл. 11—15; оп. 115, д. 747, л. 18; Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана, с. 18—21; Динамика арабо-израильского конфликта. Материалы научной конференции. Нижний Новгород. 1991, с. 21, 22, 57.
- ³⁹РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 567, л. 30.
- ⁴⁰РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 81, л. 60.
- ⁴¹РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 115, д. 747, л. 23; д. 790, лл. 8, 9.
- ⁴²РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 229, лл. 9—12; д. 237, лл. 57—61.
- ⁴³РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 237, лл. 14, 44, 60, 61, 113—116, 133, 134, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 166.
- ⁴⁴См.: Исторический опыт и перестройка. М.: Мысль. 1989, с. 185—192.
- ⁴⁵РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 229, л. 25.
- ⁴⁶Там же, д. 237, л. 62.
- ⁴⁷Костырченко Г. В плену у красного фараона, с. 183.
- ⁴⁸РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2201, л. 74.
- ⁴⁹См., например: Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы, с. 54.
- ⁵⁰РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 237, лл. 57—61.
- ⁵¹Правда. 1948. 23 декабря.
- ⁵²См.: Костырченко Г. Указ. соч., с. 188—190.
- ⁵³См., например: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 990(2), лл. 116—130; а также: Гончаров И.А. Указ. соч., с. 130; Неизвестная Россия. XX век. Том III. Историческое наследие. 1993, с. 324—356.
- ⁵⁴РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 229, л. 21.
- ⁵⁵См.: Поляков Ю.А. Весна 1949 года// Вопросы истории. 1996. № 8, с. 66—77.

- ⁵⁶ См.: Правда. 1949. 28 января; 10, 11, 16, 26 февраля; 7 апреля; Литературная газета. 1949. 29 января; 12, 23 февраля; 23 марта.
- ⁵⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 237, лл. 1—4.
- ⁵⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 116, л. 120.
- ⁵⁹ Там же, л. 124.
- ⁶⁰ Подсчитано автором по журналу “Крокодил”. В 1 полугодии 1949 года количество материалов по американскому образу жизни составило 19, во 2 полугодии 1948 г. их не было; количество сравнений западной демократии с фашизмом уменьшилось с 12 до 3; резко увеличилось количество материалов с критикой блоковой политики, “поджигателей войны” (8 и 19), а также с дискредитацией западных СМИ — 1 и 12.
- ⁶¹ См., например: Литературная газета. 1949. 1 января, 16 марта.
- ⁶² Сообщение о партсобрании ССП, с которого началась широкая кампания проработки “космополитов”, прошло в “Правде” 11 февраля, “ЛГ” — 12 февраля; партсобрания издательства “Советский писатель” — 19 февраля в “ЛГ”; Института Мировой литературы в “ЛГ” 23 февраля, а отчет об ученом совете — 19 марта; в “ЛГ” же 26 февраля публиковались отчеты с собрания украинского театрального общества и Союза композиторов СССР, а 12 марта — о заседании партийных писателей Белоруссии. Важные отчеты о заседании ленинградских и московских драматургов и критиков прошли в “ЛГ” 9 и 26 февраля, в “Правде” — 26, 27 февраля. 2 марта “ЛГ” опубликовала отчеты о собрании кинематографистов, продолженное в номере за 5 марта, и Ученого совета института философии АН СССР. 12 и 16 марта “ЛГ” поместила заметки о собраниях латвийских и азербайджанских деятелей литературы и искусства, а 9 марта — отчет о заседании правления ССП Украины.
- ⁶³ РЦХИДНИ: ф. 17, оп. 132, д. 229, лл. 49—57.
- ⁶⁴ Там же, лл. 47, 60.
- ⁶⁵ Там же, лл. 62—63 об., 66—73.
- ⁶⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 237, лл. 33, 34, 42.
- ⁶⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 229, лл. 16, 23.
- ⁶⁸ Крокодил. 1949. № 7. 10 марта, с. 8, 9.
- ⁶⁹ Литературная газета. 1949. 19 февраля, 16 марта.
- ⁷⁰ Литературная газета. 1949. 5 марта.
- ⁷¹ Правда. 1949. 7 марта; Литературная газета. 1949. 9, 16 марта, 13 апреля; Огонек. 1949. № 11, с. 14; № 34, с. 24.
- ⁷² Правда. 1949. 3 марта; Литературная газета. 1949. 9, 26 февраля; 2, 5, 9, 12 марта.
- ⁷³ Подсчитано автором по “Литературной газете” за январь—апрель 1949.
- ⁷⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 986(2), лл. 123, 124.
- ⁷⁵ Литературная газета. 1949. 2 марта.
- ⁷⁶ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 986(2), л. 90.
- ⁷⁷ Там же, лл. 91, 102.
- ⁷⁸ Литературная газета. 1949. 2 марта.
- ⁷⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 986(2), л. 154.
- ⁸⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 116, л. 122.
- ⁸¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 224, лл. 48—52.
- ⁸² Смотрите § 4.
- ⁸³ Огонек. 1949. № 20. 15 мая, с. 27.
- ⁸⁴ В первом полугодии в журнале “Крокодил” было помещено 19 материалов с критикой американского образа жизни, во втором — 25; соответственно с критикой западной культуры — 4 и 16. В журнале “Огонек” количество материалов по тем же темам составило соответственно 15 и 26, 3 и 11.
- ⁸⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 84, лл. 30—38.
- ⁸⁶ Там же, лл. 18, 20—29.

⁸⁷ Правда. 1949. 3, 19 мая; 5 июня; 30 августа; 1, 5 сентября.

⁸⁸ Литературная газета. 1949. 6, 10, 31 августа; 21 сентября.

⁸⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 119, л. 36.

⁹⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 986, л. 83.

⁹¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 119, лл. 59—65.

§ 3. Психологическая война в сентябре 1949- июле 1951 гг.

¹ Амброз Стивен. Эйзенхауэр. Солдат и Президент. М., 1993, с. 249.

² См.: Правда. 1949. 17 сентября; Огонек. 1949. № 50. 11 декабря, с. 12.

³ См.: Вопросы истории. 1997. № 3, с. 6.

⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 105, лл. 85, 86.

⁵ Правда. 1949. 17—25 сентября, 2—15 декабря; 1950. 18—21 февраля, 31 марта, 21 апреля, 27 мая.

⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 73, л. 126.

⁷ Вопросы истории. 1997. № 3, с. 6, 7, 10, 11.

⁸ Там же.

⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 117, л. 33; см. также: лл. 34, 36, 38, 39.

¹⁰ Правда. 1949. 29 ноября; Культура и жизнь. 1949. 30 ноября; Адибеков С. Коминформ и послевоенная Европа, с. 140, 152, 157.

¹¹ Подсчитано по: Летопись газетных статей. Издательство Всесоюзной книжной палаты. М. 1949. №№ 39—44, сентябрь—октябрь.

¹² Подсчитано по: Летопись газетных статей. Издательство Всесоюзной книжной палаты. М. 1950, октябрь—ноябрь.

¹³ Правда. 1950. 16 ноября.

¹⁴ Правда. 1950. 21 ноября.

¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 248, лл. 1, 2.

¹⁶ Правда. 1950. 18 декабря; Известия, Красная Звезда, Литературная газета. 1950. 23 декабря.

¹⁷ Крокодил. 1950. № 22. 10 августа, с. 5.

¹⁸ Крокодил. 1949. № 24. 30 августа, с. 11; № 26. 20 сентября, с. 9; № 35. 20 декабря, с. 15.

¹⁹ Журнал Московской патриархии. 1949. № 5, с. 56, 57; № 6, с. 8—1; № 7, с. 55, 56; № 9, с. 47—50, 53, 54.

²⁰ Крокодил. 1949. № 35. 20 декабря, с. 15; а также: № 33. 30 ноября; № 34. 10 декабря; и т.п.

²¹ Правда. 1951. 2, 24, 29 января, 16 мая; Литературная газета. 1951. 1 февраля, 20 марта, 26 мая, 2 июня; Культура и жизнь. 1951. 21 января, 21 февраля; Крокодил. 1951. № 7. 10 марта, с. 1; № 17. 20 июня, с. 16.

²² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 248, л. 23.

§ 4. Искусство и публицистика на службе пропаганды.

¹ Вишневский Вс. Указ. соч.: Т. 6, с. 634; Симонов К. Глазами человека моего поколения, с. 130.

² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 569, лл. 11, 29.

³ Подсчитано по: “Кинословарь”. В двух томах. Т. 1, с. 922, 923; Т. 2, с. 135.

⁴ РГАЛИ, ф. 2456, оп. 1, д. 2582, лл. 28—31.

⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 92, лл. 17, 20, 23, 27, 31, 63.

⁶ Там же.

⁷ Литературная газета. 1948. 14, 17 июля; Огонек. 1948. № 40, 3 октября, с. 28.

⁸ См., например: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 131, д. 288, л. 29.

⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 1004(2), л. 91.

¹⁰ Литературная газета. 1949. 12 февраля.

- ¹¹ Правда. 1949. 25 января; 12 февраля; Литературная газета. 1949. 19 февраля, 23 апреля; Огонек. 1949. №№ 6, 7, 8, 15. Февраль—апрель.
- ¹² Литературная газета. 1949. 19 марта.
- ¹³ См.: Правда. 1949. 27, 28 февраля, 1 марта; Комсомольская правда. 1949. 3 марта; Культура и жизнь. 1949. 27 февраля.
- ¹⁴ См.: Паркер Р. Заговор против мира. Записки английского журналиста. Издательство “Литературной газеты”. М. 1949; Культура и жизнь, Правда. 1949. 18 октября; Огонек. 1949. № 44. 30 октября, с. 14.
- ¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 116, лл. 92—102.
- ¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 224, лл. 48—52, 61; д. 133, лл. 48, 52; д. 138, лл. 36, 37, 91, 92.
- ¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 224, лл. 48—52.
- ¹⁸ См.: Книжная летопись. Издательство Всесоюзной книжной палаты. 1949. №№ 26—28, 32—35, 40, 50, 52; 1950, № 1.
- ¹⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 990(2), лл. 140—165.
- ²⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 399, лл. 16—33.
- ²¹ Там же, лл. 35, 36.
- ²² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 133, л. 33.

§ 5. Образ врага — инструмент советской бюрократии

- ¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 395, л. 10.
- ² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 278, лл. 125, 126.
- ³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 395, л. 34.
- ⁴ См.: Борщаговский А.М. Указ. соч., с. 122, 123; Рудницкий К. Указ. соч., с. 428, 430.
- ⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ. 1947, с. 186, 188.
- ⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 278, лл. 194, 198.
- ⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 278, лл. 126, 137.
- ⁸ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 335; т. 24, с. 124.
- ⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 86, лл. 12—14 об.
- ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 131, д. 289, лл. 247, 238.
- ¹¹ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 81, лл. 79, 80; д. 86, лл. 12 об. — 16; д. 118, лл. 74 — 81 и т.п.
- ¹² См.: Политология. Энциклопедический словарь. 1993, с. 113. Идеологической бюрократией авторы словаря называют “слой идеологов-функционеров, культивирующих зависимость идейно-теоретического мышления от бюрократического”. Ее признаки: умозрительное конструирование идеалов социального развития, подчинение социальных наук потребностям оправдания власти, восприятие личности и общества как пассивных объектов воздействия, стремление к монополии на истину и другие.
- ¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 119, лл. 14—30; РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 986(2), л. 154.
- ¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 13, лл. 63—73.
- ¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 13, лл. 74, 75.
- ¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч.; Т. 29, с. 322.
- ¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 13, лл. 74, 75.
- ¹⁸ Литературная газета. 1949. 19 марта.
- ¹⁹ Крокодил. 1948. № 7, 10 марта, с. 3.
- ²⁰ Правда. 1947. 5, 6, 13 сентября; 1948. 18 января; Комсомольская правда. 1948. 27 февраля, 24 мая; Известия. 1947. 31 августа; Красная Звезда. 1949. 13 августа; Крокодил. 1947. № 3. 30 января, с. 6; 1948. № 13. 10 мая, с. 5; № 27. 30 сентября, с. 3; 1949. № 7. 10 мая, с. 2; Огонек. 1949. № 27. 3 июля, с. 22.
- ²¹ Литературная газета. 1947. 15 ноября; Культура и жизнь. 1947. 30 июня; 1948. 21 февраля.
- ²² Огонек. 1948. № 2. 11 января, с. 1, 2; Подсчитано по журналу “Крокодил”.

²³ РЦХИДНИ, ф.17, оп. 132, д.119, лл. 60, 61.

²⁴ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 13, л. 54.

²⁵ Сравните: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 237, л. 116; Литературная газета. 1949. 23, 26 февраля, 2 марта; и “Вехи. Интеллигенция в России”. М.: Молодая гвардия. 1991, с. 23, 74, 76—79, 188.

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42, с. 114, 115.

ГЛАВА III

§ 1. Функционирование и развитие образа врага в мае 1951—августе 1952 гг.

¹ См.: Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. М.: Международные отношения. 1993, с. 73, 119—121, 124—128, 133, 148.

² Там же.

³ Вопросы истории. 1997. № 3, с. 7—18.

⁴ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Нота бене. 1992, с. 392—397; Найтли Ф. Шпионы XX века. М.: Республика. 1994, с. 274—276.

⁵ См.: Исторический опыт и перестройка..., с. 184—191.

⁶ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 243, лл. 55, 57А; Литературная газета. 1951. 21 июня.

⁷ Литературная газета. 1951. 19 мая; 18 декабря; 1952. 25 ноября.

⁸ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 137, д. 248, лл. 23, 24; РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 245, лл. 23—71.

⁹ Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945—1985), с. 207, 208.

¹⁰ Там же.

¹¹ Литературная газета. 1951. 4 сентября.

¹² РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 636, лл. 6, 16, 64, 121.

¹³ Советское искусство. 1952. 9 января; Красный Флот. 1952. 6 июня; Красная Звезда. 1952. 3 сентября.

¹⁴ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 377, л. 85; Литературная газета. 1952. 5 апреля.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 377, лл. 50, 113; Труд. 1952. 14 марта.

¹⁶ Труд. 1952. 4 апреля.

¹⁷ Труд. 1951. 16 ноября; Литературная газета. 15, 27 ноября.

¹⁸ Правда. 1951. 28 октября.

¹⁹ Огонек. 1951. № 47. 18 ноября, с. 23.

²⁰ Комсомольская правда. 1951. 23 сентября; Правда. 1951. 24 октября.

²¹ Правда. 1952. 11 марта; 11 апреля; 25 мая.

²² РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 380, лл. 1—4; Литературная газета. 1952. 6 марта.

²³ Комсомольская правда. Труд. Красная Звезда. Литературная газета. 1952. 31 мая; Правда. 1952. 1 июня; Известия. 1952. 7 июня.

²⁴ Литературная газета. 1952. 12, 14, 28 июня; и т.п.

²⁵ Труд. 1952. 30 мая; 12 июня.

²⁶ Эренбург И. Девятый вал. Советский писатель. М.: 1953, с. 62, 192, 243—245, 511—514, 515—517.

²⁷ Правда. 1951. 1 августа; Комсомольская правда. 1951. 2, 7 августа.

²⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 456, лл. 10, 41, 104—106, 109, 126, 127, 130.

²⁹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 210, лл. 17—29 об.

³⁰ В 1951—1952 гг. в ЦК ВКП(б) поступало большое количество документов и писем из различных регионов СССР, в которых говорилось о грубости, рукоприкладстве, превышении служебных полномочий, угрозах гражданам со стороны местных начальников. См., например: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 131, д. 369, лл. 168—170 об.; оп. 132, д. 456, л. 118; д. 477, л. 26 и др.

³¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 521, л. 61—66.

§ 2. Образ врага как средство преодоления кризиса.

¹ См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 131, д. 288, лл. 29, 272, 314; д. 289, лл. 59, 76, 247.

² Там же, д. 289, л. 118.

³ Там же, д. 289, лл. 59, 188, 290 и другие.

⁴ Там же, д. 369, лл. 7, 7 об., 45 об., 46, 54, 88—92, 168—170 об.

⁵ Там же, д. 369, лл. 19, 23, 24.

⁶ Хрущев Н. Доклад XIX съезду партии об изменениях в Уставе ВКП(б). Госполитиздат. 1953, с. 17.

⁷ Там же, с. 12, 15, 18.

⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 521, лл. 75, 76.

⁹ Костырченко Г. В плену у красного фараона, с. 336—337, 333.

¹⁰ Там же, с. 339.

¹¹ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 602, л. 1.

¹² Там же, л. 8; Правда. 1953. 13 января.

¹³ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 645, л. 2.

¹⁴ ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 429, лл. 89, 90, 104.

¹⁵ Правда. 1953. 20 февраля.

¹⁶ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 602, лл. 69, 70.

¹⁷ Крокодил. 1953. № 3. 30 января, с. 2.

¹⁸ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 602, лл. 29, 30—32.

¹⁹ ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 407, л. 92.

²⁰ Там же, лл. 30, 78.

²¹ Там же, л. 15.

²² ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 602, лл. 11—13.

²³ Там же, лл. 17, 43.

²⁴ ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 407, л. 22.

²⁵ Там же, л. 8.

²⁶ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 602, лл. 39, 40.

²⁷ См.: Литературная газета. 1953. 5, 17 февраля.

²⁸ Литературная газета. 1953. 24 января.

²⁹ Правда. 1953. 14 февраля; 1 марта.

³⁰ Красная Звезда. 1953. 20 февраля; Комсомольская правда. 1953. 24 февраля.

³¹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 407, лл. 6, 8.

³² Правда. 1953. 27, 28 января; 14 февраля; Литературная газета. 1953. 24 января; Красная Звезда. 1953. 23 января; Комсомольская правда. 1953. 21, 24, 26, 27 февраля; 5 марта.

³³ Правда. 1953. 13 января; 8 февраля; Литературная газета. 1953. 20 января; Комсомольская правда. 1953. 7 февраля.

³⁴ Литературная газета. 1953. 10 февраля.

³⁵ См.: Комсомольская правда. 1953. 14 января; Красная Звезда. 1953. 11 января; Литературная газета. 1953. 8, 10, 17, 20 января.

³⁶ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 645, лл. 55, 56.

³⁷ Там же, л. 61.

³⁸ См.: Комсомольская правда. 1953. 15 января; а также: Правда. 1953. 8, 20 февраля; Красная Звезда. 1953. 20 января; Литературная газета. 1953. 17, 24 февраля.

§ 3. Образ политического противника при проведении психологических операций в период разрядки. Март 1953—май 1954 гг.

¹ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 628, лл. 206, 209, 210.

- ² Подсчитано автором по журналу “Крокодил” и газете “Красная Звезда”.
- ³ См.: Крокодил. 1953. № 18. 30 июня, с. 10.
- ⁴ Известия. 1953. 1 августа.
- ⁵ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 678, лл. 35, 51.
- ⁶ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2, с. 154—155, 177, 178.
- ⁷ ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 429, лл. 170—177.
- ⁸ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент..., с. 267, 296, 299, 300, 340.
- ⁹ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 646, лл. 32—35.
- ¹⁰ Там же, д. 645, л. 116.
- ¹¹ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 646, лл. 28—89, 211, 224—227; д. 645, лл. 106—118.
- ¹² Там же, д. 605, л. 102.
- ¹³ Там же, д. 605, лл. 10, 11.
- ¹⁴ Там же, д. 644, л. 160.
- ¹⁵ Там же, д. 645, лл. 111, 112; а также; Известия. 1951. 26 октября.
- ¹⁶ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 678, лл. 105—107.
- ¹⁷ Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962, с. 323.
- ¹⁸ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, с. 146, 151—174; № 2, с. 159, 205 и другие; Правда. 1953. 10 июля.
- ¹⁹ ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 407, лл. 130, 139, 145; д. 430, лл. 116, 117.
- ²⁰ Там же, д. 407, лл. 117, 176 и другие.
- ²¹ Правда. 1953. 25 апреля; см. также: Амброз С. Указ. соч., с. 292.
- ²² Берге Ванден Иван. Историческое недоразумение? “Холодная война” (1917—1990). М.: Международные отношения. 1996, с. 117.
- ²³ Правда. 1953. 24 мая.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 645, лл. 120, 121, 132; а также: Литературная газета. 1953. 21 мая; 4, 5 июня и другие; Крокодил. 1953. № 18. 30 июня, с. 1.
- ²⁶ Литературная газета. 1953. 11 апреля; 7, 9 мая.
- ²⁷ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 646, л. 74.
- ²⁸ Литературная газета. 1953. 30 июня; 4 июля; 25 августа.
- ²⁹ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 646, лл. 163, 164; Амброз С. Указ. соч., с. 267.
- ³⁰ Правда. 1953. 11 августа.
- ³¹ Правда. 1953. 13, 14 августа.
- ³² ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 628, лл. 209, 210.
- ³³ Там же, д. 645, лл. 149—154.
- ³⁴ Там же, д. 628, л. 21.
- ³⁵ Там же, д. 646, л. 208; д. 605, л. 100.
- ³⁶ Там же, д. 646, л. 211.
- ³⁷ Литературная газета. 1953. 16 мая; Амброз С. Указ. соч., с. 283, 284.
- ³⁸ Крокодил. 1954. № 17. 20 июня, с. 8.
- ³⁹ Крокодил. 1954. № 14. 20 мая, с. 11; № 17. 2 июня, с. 8.

§ 4. Эскалация психологической войны в период разрядки и стабилизация образа врага.

- ¹ Литературная газета. 1954. 1 июня.
- ² ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 677, л. 30.
- ³ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 469, лл. 10, 14, 15.
- ⁴ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 664, л. 2.
- ⁵ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 718, лл. 2, 3, 16, 53.
- ⁶ Правда. 1954. 24 июля.
- ⁷ Литературная газета. 1954. 31 июля; Правда. Красная Звезда. Труд. 1954. 1 августа.
- ⁸ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 664, л. 69.

- ⁹ Правда. 1954. 2, 25 октября; 18 ноября; Красная Звезда. 1954. 24 сентября; 6, 17, 23 октября; 19 ноября; Труд. 1954. 28 сентября; 21 октября; 19 ноября; Комсомольская правда. 1954. 22 октября; Известия. 1954. 8, 20 октября; 18 ноября.
- ¹⁰ Правда. Известия. 1954. 22 декабря; Литературная газета. 1954. 23 октября; Красная Звезда. 1954. 14 ноября; Известия. 1954. 27 ноября.
- ¹¹ ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 678, лл. 98—102; лл. 105—107.
- ¹² Комсомольская правда. 1954. 24—31 октября.
- ¹³ Огонек. 1954. №№ 23—28; Самойлов А., Скорбин Б. Паутина. М., 1954. “Библиотечка военных приключений”.
- ¹⁴ См.: Правда. 1953. 11, 14, 24, 30 июня; 22, 27 августа.
- ¹⁵ См.: Советская торговля. 1953. 19 декабря; 1954. 13, 27 февраля; 4 марта, 11 мая и т.д.
- ¹⁶ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 718, л. 76.
- ¹⁷ Крокодил. 1954. № 5. 20 февраля, с. 8; № 6. 28 февраля, с. 16; № 17. 20 июня.
- ¹⁸ Комсомольская правда. 1954. 19, 20 ноября; 7 декабря.
- ¹⁹ См., например: Бенциен Руди. Джон Леннон навсегда. Интерласт. СПб., 1993.
- ²⁰ РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 718, лл. 50, 51.
- ²¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2, с. 155.
- ²² РГАЛИ, ф. 634, оп. 4, д. 718, лл. 70А, 71.
- ²³ Жуков Юрий. Тихая десталинизация. — Независимая газета. 1997. 27 мая.
- ²⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 28, д. 16(1), лл. 120, 123; Правда. 1954. 27 декабря.

Заключение

- ¹ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 2, с. 539. Еще одно характерное высказывание В.И.Ленина: “*Патриотизм* – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями *обособленных отечеств*” (выд. мною – А.Ф.). См.: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 37, с.190 – 191.